

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ВЛАСТЕЛИН СЕВЕРА
ПЕСНЬ МЕЧА

*В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.
Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»*

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

**Властелин Севера.
Песнь меча (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2007, 2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Властелин Севера. Песнь меча (сборник) / Б. Корнуэлл —
«Азбука-Аттикус», 2007, 2008 — (Саксонские хроники)

ISBN 978-5-389-12231-4

Это история о тех временах, когда датские викинги поставили под сомнение само существование Британии, когда все английские королевства оказались на волосок от гибели. И только король Альфред, единственный правитель в истории Англии, названный Великим, был намерен отстоять независимость острова. Герой романа Утред, в младенчестве похищенный датчанами и воспитанный ими как викинг, почитающий северных богов, повзрослев, вынужден решать, на чьей стороне он будет сражаться. Защищать ли свою истинную родину или встать на сторону завоевателей? Он должен сделать этот выбор сам, не полагаясь на судьбу. В книгу вошли два романа из цикла «Саксонские хроники».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12231-4

© Корнуэлл Б., 2007, 2008
© Азбука-Аттикус, 2007, 2008

Содержание

Властелин Севера	6
Географические названия	8
Часть первая	10
Глава первая	14
Глава вторая	32
Глава третья	55
Глава четвертая	76
Часть вторая	96
Глава пятая	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Бернард Корнуэлл Властелин Севера Песнь меча

Bernard Cornwell
LORDS OF THE NORTH
Copyright © 2007 by Bernard Cornwell

SWORD SONG
Copyright © 2008 by Bernard Cornwell

Серия «The Big Book. Исторический роман»
Карты выполнены Юлией Каташинской

© А. Овчинникова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Властелин Севера

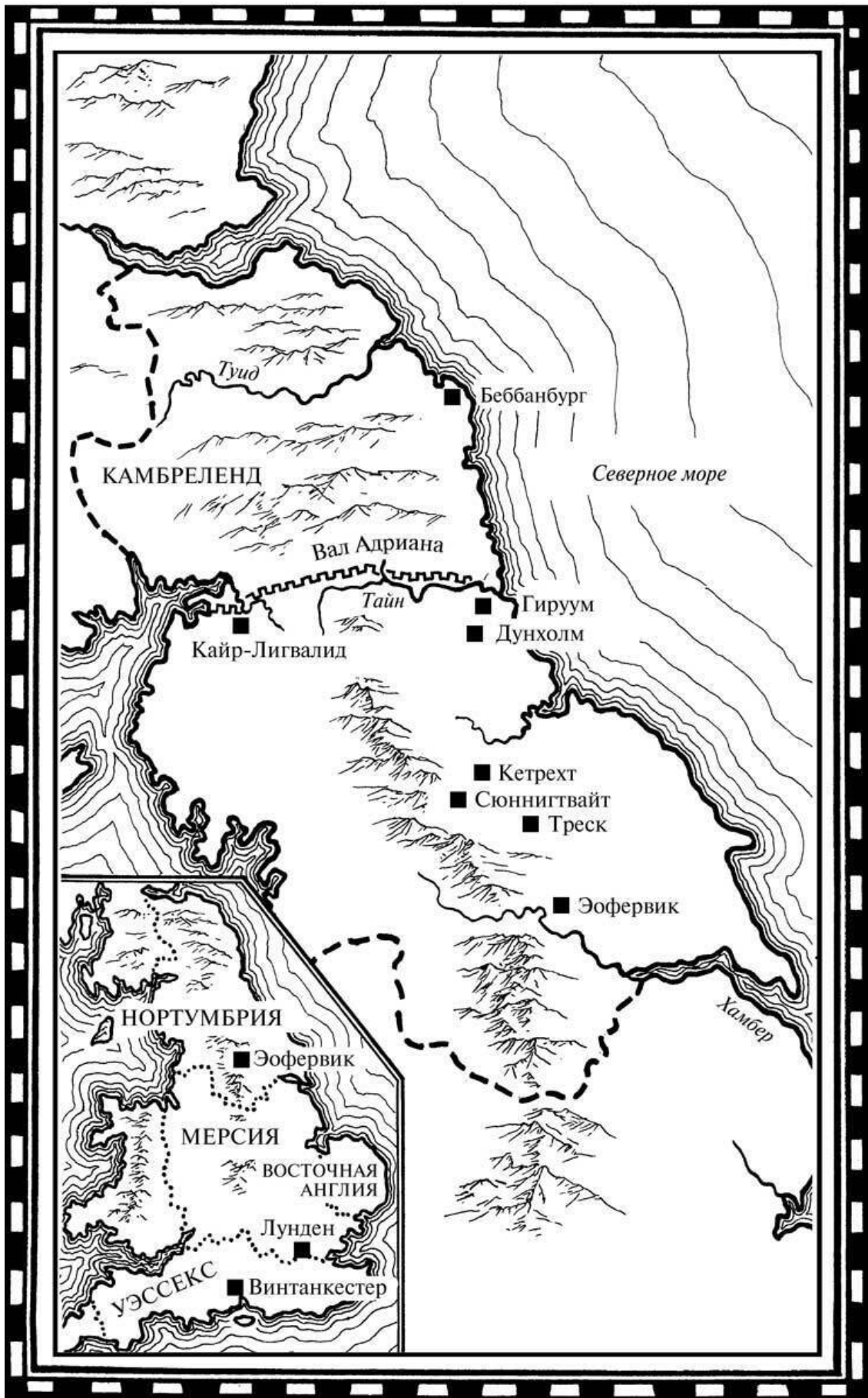
Посвящается Эду Бреслину

...Com on wanre niht scridan sceadigenga.

...Из серой ночи крадется живая тень.

«Беовульф»,

англосаксонская эпическая поэма

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я, как правило, принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий». В упомянутых словарях приводятся написания, относящиеся приблизительно ко времени правления Альфреда Великого – 871–899 годам нашей эры, но даже это не решает проблемы. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и как «Хейлинсиге», и как «Хаэглингейге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Алклит – епископство Окленд, графство Дарем
Батум (с ударением на первом слоге) – Бат, Эйвон
Беббанбург – замок Бамбург, Нортумберленд
Беррокскир – Беркшир
Вишр – река Веар
Вилтун – Уилтон, Уилтшир
Вилтунскир – Уилтшир
Винтанкестер – Уинчестер, Хэмпшир
Гируум – Ярроу, графство Дарем
Глевекестр – Глостер, Глостершир
Дефнаскир – Девоншир
Дифлин – Дублин, Ирландия
Дорнваракестер – Дорчестер, Дорсетшир
Дунхолм – Дарем, графство Дарем
Кайр-Лигвалид – Карлайл, Камбрия
Камбреленд – Камбрия
Канкесестер – Честер-Ле-Стрит, графство Дарем
Кенет – река Кеннет
Кетрехт – Каттерик, Йоркшир
Контварабург – Кентербери, Кент
Линдисфарена – Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Лунден – Лондон
Педредан – река Парретт
Редингум – Рединг, Беркшир
Синцит – форт Синуит близ Каннингтона, Сомерсет
Сиппанхамм – Чиппенем, Уилтшир
Скиребурнан – Шерборн, Дорсетшир
Снотенгахам – Ноттингем, Ноттингемшир
Страт-Клота – Стратклайд
Суз-Сеакса – Суссекс (южные саксы)

Суморсэт – Сомерсет
Сюннигтвайт – Суинитвейт, Йоркшир
Тайн – река Тайн
Темез – река Темза
Торнсэта – Дорсетшир
Треск – Тирск, Йоркшир
Туид – река Твид
Фифхэден – Файфилд, Уилтшир
Хайтабу – Хедебю, торговый город на юге Дании
Хамптонскир – Хэмпшир
Хегостелдес – Хексем, Нортумберленд
Хеден – река Эден, Камбрия
Хорн – Хофн, Исландия
Хоччайл – Хогхэлл, графство Дарем
Хрепандун – Рептон, Дербишир
Эксанкестер – Эксетер, Девоншир
Эофервик – Йорк (датский Йорвик)
Этандун – Эдингтон, Уилтшир
Этелингаэг – Ателней, Сомерсет

Часть первая Король-раб

Я с нетерпением ждал прихода темноты. Стояла летняя ночь, и свет яркого месяца, то и дело выскальзывавшего из-за облаков, заставлял меня нервничать. Ибо мне была нужна темнота.

Я принес два кожаных мешка к небольшому хребту, который отмечал северную границу моего поместья. Да, моего поместья. Фифхэден – вот как оно называлось. Этими землями король Альфред вознаградил меня за службу, которую я сослужил ему у Этандуна, где на длинном зеленом холме мы разбили армию датчан. То была славная схватка: «стена щитов» против «стены щитов», и тогда Альфред снова показал себя королем, и датчане были разбиты, а Уэссекс спасен. И, осмелюсь сказать, тогда я сражался лучше, чем большинство других воинов.

В той битве погибли моя возлюбленная и мой друг, а я сам получил удар копьем в правое бедро, и наградой за все это стал Фифхэден. «Пять Шкур» – вот что значило это название. Да уж, «Пять Шкур»! В моих новых владениях едва-едва могли сводить концы с концами четыре семьи рабов, которые пахали землю, пасли овец и ловили рыбу в реке Кенет.

Другие воины получили громадные поместья, а Церковь так и вовсе вознаградили богатыми лесными угодьями и пастбищами, полными сочной травы, мне же достались жалкие «Пять Шкур». Я ненавидел Альфреда, этого жалкого, набожного, скупого короля, который не доверял мне, потому что я не был христианином, потому что я был северянином, а заодно и потому, что я вернул ему его королевство в битве при Этандуне. И в награду за это он дал мне Фифхэден. Вот ублюдок!

Так вот, я принес два мешка к небольшому хребту, траву на котором ощипали овцы. Хребет усеивали огромные валуны; месяц, время от времени вырываясь из-за облаков, окрашивал их сияющим белым цветом. Я присел на корточки рядом с одним из этих громадных камней, и Хильда опустилась рядом со мной на колени.

В ту пору Хильда была моей женщиной. Раньше она была монахиней в Сиппанхамме, но датчане взяли этот город и надругались над ней. Теперь она жила со мной. Иногда ночью я слышал, как она молится, и ее молитвы были полны слез и отчаяния. Я считал, что в конце концов Хильда вернется к своему Богу, но пока что она находила убежище в моих объятиях.

– Чего мы ждем? – спросила она.

Я приложил палец к губам, призывая к молчанию.

Хильда была красива: удлиненное лицо, большие глаза и золотистые волосы, спрятанные сейчас под обрывком шарфа. По моему разумению, она лишь зря теряла время, живя в монастыре. Альфред, конечно, хотел, чтобы молодая женщина туда вернулась. Вот почему я позволил ей остаться со мной. Чтобы позлить короля. Этого ублюдка!

Я выжидал, желая убедиться, что за нами никто не наблюдает. Вообще-то, вряд ли за нами кто-нибудь следил, потому что людям не нравится покидать дома ночью, когда по земле бродят порождения ужаса.

Хильда вцепилась в свой крест, но мне в темноте было хорошо и уютно. Еще в детстве я приучил себя любить ночь. Я был скедугенганом, Движущейся Тенью, одной из тех тварей, которых боятся люди.

Я ждал долго, но наконец убедился, что на низком хребте никого больше нет. Тогда я вытащил Осиное Жало, свой короткий меч, вырезал им квадратный кусок дерна и отложил в сторону. Затем выкопал яму, сыпав землю в свой плащ. Лезвие все время наткалось на мел и кремни, и я знал, что на Осином Жале останутся зазубрины, но продолжал копать, пока не сделал в земле углубление, достаточное, чтобы похоронить младенца.

Мы с Хильдой положили в эту яму два мешка. В них лежали мои сбережения – серебро и золото, и у меня не было ни малейшего желания оказаться похороненным вместе с ними. Я также владел «Пятью Шкурами», двумя мечами, кольчугой, щитом, шлемом, лошастью и красивой худощавой монахиней, но, поскольку у меня не было воинов, способных защитить мое имущество, сокровища пришлось спрятать. Я оставил себе только несколько серебряных монет, а остальное доверил земле, и мы засыпали захоронку, хорошенько утоптали землю, а потом вернули на место вырезанный кусок дерна.

Я подождал, пока месяц не выплывет из-за облака, потом осмотрел дерн: прекрасно, никто и не заподозрит, что здесь недавно потревожили землю. Я запомнил место, мысленно привязав его к расположенным неподалеку валунам. Однажды, когда у меня будет возможность защитить свои сокровища, я обязательно вернусь за ними.

Хильда пристально смотрела на «могилу», скрывшую мои сбережения.

– Альфред говорит, что ты должен оставаться здесь, – сказала она.

– Альфред может помочиться себе в глотку, – ответил я. – И надеюсь, этот ублюдок подавится и сдохнет.

Вообще-то, ему вряд ли была суждена долгая жизнь, уж очень он был болезненный. Королю исполнилось всего двадцать девять, он был на восемь лет старше меня, но выглядел на все пятьдесят, и я сомневался, что этот человек протянет больше двух-трех лет. Альфред вечно жаловался на боли в животе, или бегал в сортир, или дрожал от лихорадки.

Хильда прикоснулась к дерну над закопанным сокровищем.

– Разве это не означает, что мы возвращаемся в Уэссекс? – спросила она.

– Это означает, что никто не путешествует среди врагов с полной мощной, – возразил я. – Здесь мои сокровища в безопасности, и если мы выживем, то рано или поздно выкопаем их. А если я погибну, ты сделаешь это одна.

Она ничего не ответила, и мы перенесли землю, насыпанную в мой плащ, к реке и бросили ее в воду.

Утром мы взяли лошадей и поехали на восток. Мы направлялись к Лундену, потому что именно там и начинались все дороги.

Меня вела моя судьба. То был год 878-й, мне сравнялся двадцать один год, и я верил, что меч поможет мне завоевать мир. Я был Утредом Беббанбургским, человеком, убившим Уббу Лотброксона в схватке у моря и выбившим из седла Свейна Белую Лошадь в битве при Этандуне. Я был человеком, вернувшим Альфреду королевство, и я ненавидел короля. Именно поэтому я его покидал. Мой путь будет путем меча, и он обязательно приведет меня домой.

Я отправлюсь на север.

* * *

Лунден – самый огромный город на всем острове Британия, и я всегда любил его старинные дома и оживленные переулки, но мы с Хильдой прожили там только два дня, поселившись в саксонской таверне, что находилась в новой части города, к востоку от разрушающихся римских стен. Это место входило в состав Мерсии, и там стоял гарнизон датчан. Питейные заведения были полны чужеземцев, торговцев и капитанов судов. Купец по имени Торкильд предложил подвезти нас до Нортумбрии. Я сказал ему, что меня зовут Рагнарсон, и он наверняка не поверил, но задавать вопросов не стал.

Торкильд запросил с нас две серебряные монеты с условием, что я буду помогать грести. Я был саксом, но меня воспитали датчане, поэтому я говорил на датском языке, и купец принял меня за датчанина. Мой прекрасный шлем, кольчуга и два меча красноречиво свидетельствовали о том, что я воин, и Торкильд, должно быть, заподозрил во мне дезертира, бывшего солдата разбитой армии, но какое ему было до этого дело? Ему нужен был гребец.

Некоторые торговцы сажали на весла рабов, но Торкильд считал, что от рабов одни неприятности, и нанимал свободных людей.

Мы вышли во время отлива. Наше судно было набито свертками полотна, маслом из Франкии, бобровыми шкурами, прекрасно выделанной седельной кожей и множеством мешков с драгоценными тмином и горчицей. Едва оставив позади город и дельту Темеза, мы очутились в Восточной Англии, но почти не видели этого королевства, потому что в первую же ночь с моря накатила густой туман и продержался несколько дней.

Иной раз по утрам мы вообще не могли двигаться и, даже когда погода бывала сносной, не отдалялись от берега.

Я решил отправиться домой по воде, поскольку так было быстрее, чем странствовать по суше, но вместо этого мы миля за милей ползли в тумане, пробираясь сквозь илистые наносные берега, ручьи и предательские течения, которые кого угодно запутают. Каждую ночь мы останавливались, находя место, где можно было бросить якорь или пришвартоваться. Мы провели целую неделю в богом забытых болотах Восточной Англии, потому что доска носовой обшивки покоробилась и не удавалось достаточно быстро вычерпывать просачивающуюся внутрь воду. Так что нам пришлось вытащить судно на грязный берег и заняться ремонтом.

К тому времени, как корпус проконопачили и просмолили, погода переменилась: солнечные блики засверкали на море, над которым больше не висел туман. Мы принялись грести на север, по-прежнему останавливаясь каждую ночь.

По дороге нам встретилась дюжина других судов, все они были длиннее и уже судна Торкильда. То были датские военные корабли, следовавшие на север. Я решил, что это беглецы из побежденной армии Гутрума, которые направляются домой, в Данию, а может, во Фризию или еще куда-нибудь, где грабить легче, чем в Уэссексе, королевстве Альфреда.

Торкильд, высокий и мрачный человек, утверждал, что ему тридцать пять лет. Он заплетал свои седеющие волосы в длинные косы, которые свисали до пояса, и на руках его я не заметил браслетов – свидетельств воинской удали.

– Я сроду не воевал, – признался он мне. – Меня воспитали торговцем, я всегда был торговцем, и мой сын тоже будет торговцем, когда я умру.

– Ты живешь в Эофервике? – спросил я.

– В Лундене. Но у меня есть склад в Эофервике. В этом месте можно купить хорошую овечью шерсть.

– Там все еще правит Риксиг? – спросил я.

– Риксиг умер два года тому назад. Теперь на троне человек по имени Эгберт, – покачал головой Торкильд.

– Когда я был ребенком, Эофервиком управлял король по имени Эгберт.

– Это его сын. А может, двоюродный брат? Как бы то ни было, он сакс.

– Так кто же на самом деле правит в Нортумбрии?

– Конечно мы, – ответил Торкильд, имея в виду датчан.

Датчане часто сажали послушных им саксов на троны захваченных государств, и Эгберт, кем бы он ни был, без сомнения, являлся таким карманным правителем, монархом на поводке. Он придавал датской оккупации видимость законности, но настоящим правителем являлся ярл Ивар, датчанин, владевший большинством земель вокруг города.

– Он Ивар Иварсон, – с оттенком гордости в голосе произнес Торкильд, – сын Ивара Лотброксона.

– Я знал этого человека, – отозвался я.

И хотя Торкильд вряд ли мне поверил, я тем не менее говорил правду. Ивар Лотброксон был бесстрашным воином, худым, как скелет, жестоким и наводящим повсюду ужас, но он был другом ярла Рагнара, который меня воспитал. Брата Ивара, Уббу Лотброксона, я убил в схватке у моря.

– Ивар – вот кто истинный правитель Нортумбрии, – заявил Торкильд, – но только не в долине реки Виир. Там правит Кьяртан. – Произнеся это имя, торговец прикоснулся к амулету в виде молота, висевшему у него на шее. – Теперь его зовут Кьяртан Жестокий, – продолжал он, – а его сын – так тот еще хуже.

– Свен, – угрюмо произнес я.

Я знал Кьяртана и Свена. Они были моими врагами.

– Свен Одноглазый, – скорчив гримасу, подтвердил Торкильд и снова прикоснулся к амулету, ибо боялся наклепать беду, произнося эти имена. – А к северу от них правит Эльфрик Беббанбургский.

Я знал и его. Этот самый Эльфрик Беббанбургский, приходившийся мне родным дядей, украл по праву принадлежащие мне земли, но я притворился, что последнее имя мне незнакомо.

– Эльфрик? – переспросил я. – Еще один сакс?

– Сакс, – кивнул Торкильд, – но его крепость слишком неприступна для нас. – И добавил, поясняя, почему правителю саксов разрешили остаться в Нортумбрии: – И он нам, признаться, нисколько не мешает.

– Друг датчан?

– Во всяком случае, не враг. Есть три великих владыки: Ивар, Кьяртан и Эльфрик. А вот за холмами, в Камбреленде? Никто не знает, что там творится.

Торкильд имел в виду западный берег Нортумбрии, выходящий к Ирландскому морю.

– Там, в Камбреленде, правил раньше великий датский вождь. Его звали Хардакнут, но я слышал, что его убили в какой-то сваре. А теперь? – Торговец пожал плечами. – Кто знает?

Итак, моей целью была Нортумбрия – королевство трех соперничающих правителей, ни один из которых меня не любил, мало того, двое из них желали моей смерти. Однако там был мой родной дом, и мне давно следовало взыскать долг, поэтому я следовал тропой меча.

То был долг кровной мести. Мести, планы которой я вынашивал вот уже пять лет, с того самого дня, как Кьяртан и его люди пришли ночью к дому ярла Рагнара. Они сожгли дом и убили всех, кто пытался спастись из пламени. Рагнар вырастил меня, я любил его, как родного отца, а его убийца до сих пор не отомщен. У Рагнара остался сын, тоже Рагнар. Мы с ним дружили, но Рагнар Младший никак не мог отомстить, ибо его сейчас держали в заложниках в Уэссексе. Поэтому я отправлюсь на север, найду Кьяртана и убью его. А заодно убью и его сына Свена Одноглазого, который взял в плен дочь Рагнара Старшего.

Жива ли Тайра? Я этого не знал. Но в любом случае я поклялся отомстить за смерть Рагнара Старшего. И вот сейчас, когда я плыл на корабле Торкильда, налегая на весла, мне иной раз казалось: я действую безрассудно, плывя домой, потому что Нортумбрия буквально кишит моими врагами. Но меня гнала сама судьба, и я испытал необычайное волнение, когда мы наконец вошли в широкое устье Хамбера.

Здесь ничего нельзя было разглядеть, кроме илистого берега, еле видного сквозь пелену дождя, кустов ивняка на отмелях, отмечающих спрятанные ручьи, да широких ковров водорослей и ряски на поверхности серой воды. Но то была река, которая вела в знакомую мне Нортумбрию, и я понял, что принял верное решение. Именно здесь был мой дом. Не в Уэссексе с его богатыми полями и спокойными холмами. Уэссекс был уже прирученным, запряженным в сбрую королем и Церковью, а тут в холодном северном воздухе носились вольные стаи птиц.

– Здесь ты и живешь? – спросила Хильда, когда мы подплыли поближе к берегу реки.

– Моя земля лежит дальше к северу. А это Мерсия, – показал я на южный берег. – А там – Нортумбрия, и тянется она вплоть до земель, где живут варвары.

– Варвары?

– Скотты, – ответил я и сплюнул через борт.

До нашествия датчан нашими главными врагами были скотты. Они даже совершали набеги на юг, через наши земли. Но затем на них, как и на нас, напали северяне, и теперь скотты уже не представляли собой прежней угрозы, хотя все еще были опасны.

Мы поднялись на веслах по реке Уз, и наши песни звучали в такт ударам весел, пока мы скользили под ивами и ольхами, мимо лугов и лесов. Теперь, когда мы оказались в Нортумбрии, Торкильд снял с носа своего корабля вырезанную из дерева песью голову, чтобы рычащая тварь не испугала духов этой земли.

Тем вечером, под чисто вымытым небом, мы приплыли в Эофервик – главный город Нортумбрии. Именно здесь некогда был убит мой отец и я осиротел, а затем встретил Рагнара Старшего, датчанина, который вырастил меня и любил как родного сына.

Я не греб, когда мы приблизились к городу, потому что весь день налегал на весла, и Торкильд меня сменил. Я стоял на носу, наблюдая, как туман ползет над городскими крышами.

А потом я посмотрел вниз, на реку, и увидел первый труп. Мальчик, лет десяти или одиннадцати от роду, голый, если не считать тряпки, повязанной вокруг бедер. У него было перерезано горло, но огромная рана не кровоточила, потому что ее начисто промыла вода реки Уз. Длинные волосы ребенка колыхались на воде, как водоросли.

Потом мы увидели еще два пльвущих тела, после чего приблизились к Эофервику настолько, что разглядели городские укрепления. На них было слишком много людей – людей с копьями и щитами. Еще больше народу теснилось у речных причалов: мужчин в кольчугах, мужчин, осторожно наблюдающих за нами, мужчин с обнаженными мечами; и по приказу Торкильда мы подняли весла, и вода закапала с неподвижных лопастей.

Судно развернулось, подхваченное течением, и я услышал громкие вопли, раздававшиеся за городской стеной.

Ну что же, вот я и дома.

Глава первая

Торкильд позволил судну дрейфовать по течению сотню шагов, пока оно не уткнулось носом в берег рядом с ивой. Он выпрыгнул на сушу, привязал канат из кожи морского котика к ивовому стволу, а потом, бросив испуганный взгляд на вооруженных людей, наблюдающих за нами с высокого берега, торопливо взобрался обратно на борт.

– Ты, – указал он на меня, – выясни, что происходит.

– Да уж явно ничего хорошего, – ответил я. – Тебе нужны подробности?

– Мне нужно знать, что случилось с моим складом, – заявил Торкильд и кивнул в сторону вооруженных мужчин. – И я боюсь спрашивать об этом у них. Так что давай-ка выясни все это сам.

Он выбрал меня по двум причинам: во-первых, я был воином и, кроме того, если бы я погиб, он не стал бы горевать. Большинство его гребцов могли сражаться, но Торкильд всегда избегал драки по мере сил, потому что кровопролитие отнюдь не способствует торговле.

Теперь вооруженные люди шли вниз по берегу. Их было шестеро, но они приближались к нам как-то нерешительно, ведь у Торкильда на борту имелось вдвое больше людей, и все его гребцы были вооружены топорами и копьями.

Я натянул через голову кольчугу, достал сверкающий шлем с волчьей головой, который захватил на датском корабле близ берегов Уэльса, пристегнул Вдох Змея и Осиное Жало. Снарядившись таким образом для битвы, я неуклюже прыгнул на берег.

И тут же поскользнулся на крутом берегу, схватился за крапиву, которая больно меня обожгла, и, ругаясь, взобрался вверх по тропе. Я бывал здесь раньше: именно на этом широком прибрежном пастбище когда-то сражался мой отец. Натянув шлем, я крикнул Торкильду,

чтобы тот бросил мне щит. Он так и поступил, и я уже собирался направиться навстречу шестерым наблюдавшим за мной мужчинам с мечами, когда Хильда прыгнула следом за мной.

– Тебе следовало остаться на борту, – сказал я.

– Нет уж, я с тобой, – возразила она.

Хильда держала один из наших кожаных мешков, в котором едва ли было что-нибудь, кроме смены одежды, ножа да точильного камня.

– Кто это такие? – поинтересовалась она, кивнув в сторону шестерых вооруженных людей, которые стояли в пятидесяти шагах от нас и не спешили сократить это расстояние.

– Давай выясним, – ответил я и вытащил Вздох Змея.

Тени были длинными, дым городских печей казался пурпурным и золотым в тусклом свете сумерек. Грачи летели к гнездам, и вдалеке я видел коров, которых пастухи гнали домой.

Я направился к шестерым мужчинам. Я был в кольчуге, со щитом и двумя мечами, на руках браслеты, а на голове – дорогой шлем. Мой боевой вид подействовал угнетающе на незнакомцев, которые сбились в кучку и ждали, пока я подойду.

Все они обнажили мечи, но я заметил у двоих на шее кресты и заподозрил, что передо мной саксы.

– Когда человек приходит домой, – обратился я к ним по-английски, – он не ожидает, что его встретят с мечами в руках.

Двое из них были старше остальных, лет тридцати, оба в кольчугах, с густыми бородами. Остальные четверо, облаченные в кожаные доспехи, были помоложе, лет семнадцати-восемнадцати, не больше, и руки их явно не привыкли к оружию, как мои к рукояти плуга.

Должно быть, они решили, что я датчанин, потому что сошел с датского корабля. Наверное, они надеялись, что шестером смогут убить одного датчанина, хотя и понимали, что датчанин этот – воин в полном боевом облачении и, скорее всего, убьет по меньшей мере двоих из них, прежде чем умрет сам. Поэтому незнакомцы явно испытали облегчение, когда я обратился к ним по-английски. Но моя речь озадачила их.

– Ты кто такой? – поинтересовался один из тех, что постарше.

Я не ответил, просто продолжал шагать к ним. Надумай они сейчас на меня напасть, мне бы пришлось или бесславно бежать, или погибнуть, но я шел уверенно, низко держа щит и метя кончиком Вздоха Змея по высокой траве. Незнакомцы приняли мое нежелание отвечать за высокомерие, хотя, по правде говоря, оно объяснялось замешательством. Я прикидывал, уж не назваться ли чужим именем, потому что не хотел, чтобы Кьяртан или мой дядя-предатель знали, что я вернулся в Нортумбрию. Но, с другой стороны, я уже успел прославиться как могущественный воин и теперь самонадеянно рассчитывал устроить их, назвав себя. Как же быть? И тут меня осенило.

– Я Стеапа из Дефнаскира, – объявил я.

И на тот случай, если имя Стеапы не было известно в Нортумбрии, прибавил хвастливо:

– Я тот, кто уложил Свейна Белую Лошадь в длинный земляной дом.

Человек, спросивший, как меня зовут, сделал несколько шагов назад.

– Ты Стеапа? Тот самый, что служит Альфреду?

– Да. Это я.

– Мой господин, – почтительно произнес он и опустил меч.

Один из юношей прикоснулся к висевшему у него на шее распятию и опустился на колени. Третий незнакомец вложил меч в ножны, и остальные, решив, что он поступил разумно, последовали его примеру.

– А вы кто? – требовательно спросил я.

– Мы служим королю Эгберту, – ответил второй тридцатилетний мужчина.

– А мертвецы откуда? Чьи это трупы? – поинтересовался я, показав в сторону реки, где, подхваченное течением, медленно проплывало еще одно обнаженное тело.

– Это датчане, мой господин.

– Вы убиваете датчан?

– Такова воля Господа, – произнес мужчина.

Я показал на судно Торкильда:

– Этот человек датчанин, но он друг. Вы и его убьете?

– Мы знаем Торкильда, мой господин, и, если он пришел с миром, мы его не тронем.

– А как насчет меня? Что вы сделаете со мной?

– Ты предстанешь перед королем, мой господин. И он окажет тебе почтение как великому истребителю датчан.

– Истребителю датчан? – пренебрежительно переспросил я, показав Вздохом Змея на труп, плывущий по течению.

– Он воздаст тебе за победу над Гутрумом, мой господин. Правда ли, что Гутрум побежден?

– Да, это правда. Я был там.

Потом я повернулся, вложил Вздох Змея в ножны и сделал знак Торкильду, который отвязал судно и стал грести вниз по течению. Я прокричал ему, что Эгберт Саксонский поднялся против датчан, но что здешние люди пообещали оставить купца в покое, если он пришел с миром.

– А что бы ты сделал на моем месте? – крикнул Торкильд в ответ.

Его люди тем временем гребли помаленьку, чтобы удержать судно на месте и не позволить реке снести его вниз.

– Иди по течению! – прокричал я по-датски. – Найди воинов-датчан и жди до тех пор, пока толком не выяснишь, что происходит.

– А ты? – спросил он.

– Я остаюсь здесь, – ответил я.

Торкильд пошарил в кошельке и бросил что-то в мою сторону через разделявшую нас воду. Этот предмет блеснул в свете умирающего солнца, а потом исчез среди лютиков, которые расцвечивали желтым темный луг.

– Это тебе за совет! – крикнул Торкильд. – И долгих тебе лет жизни, кем бы ты ни был!

Он повернул судно, которое неуклюже маневрировало, так как длина его корпуса почти совпадала с шириной реки Уз. Но купец все-таки ухитрился достаточно умело справиться, и весла понесли корабль вниз по течению, прочь из моей жизни.

Позже я выяснил, что склад Торкильда был разграблен и что однорукого датчанина, охранявшего этот склад, убили, а дочь его изнасиловали. Поэтому мой добрый совет вполне стоил той серебряной монеты, которую Торкильд мне бросил.

– Ты отослал его прочь? – возмущенно спросил один из бородачей.

– Я же сказал тебе: он друг.

Я наклонился и нашел в высокой траве шиллинг. После чего продолжил расспросы:

– Откуда ты знаешь о победе Альфреда?

– Приехал священник, мой господин, и рассказал нам об этом.

– Какой священник?

– Из Уэссекса, мой господин. Он явился из самого Уэссекса. Привез послание от короля Альфреда.

Мне следовало догадаться, что Альфред разошлет сообщения о своей победе над Гутрумом по всей саксонской Англии. И, как выяснилось, он послал священников во все места, где жили саксы, и клирики эти разнесли весть, что Уэссекс победил, что Бог и Его святые даровали саксам победу. Один такой священник был послан к королю Эгберту в Эофервик. Гонец добрался до города на день раньше меня, и сразу после его появления тут и начало твориться настоящее безумие.

Священник путешествовал верхом, его церковное одеяние сбилось в ком позади седла. В управляемой датчанами Мерсии он ехал от одного дома саксов к другому, и все они помогали ему в пути, каждый день давали свежих лошадей и сопровождали, объясняя, как избежать крупнейших датских гарнизонов, – и так было до тех пор, пока он не добрался до столицы Нортумбрии. Там он передал вдохновляющие новости королю Эгберту: восточные саксы победили Великую Армию датчан. Однако больше всего нортумбрийским саксам понравилось возмутительное, на мой взгляд, заявление, что святой Кутберт якобы явился Альфреду во сне и объяснил королю, как одержать победу. Предполагалось, что Альфред увидел этот сон унылой зимой на Этелингаэге, где горстка беглецов-саксов пряталась от победителей-датчан.

История о вещем сне пронзила сердца саксов Эгберта, словно охотничья стрела, ибо ни одного святого на севере не почитали больше Кутберта. Он был настоящим идиолом Нортумбрии, считался самым благочестивым христианином, когда-либо жившим на земле, и все набожные семейства саксов здесь каждый день молились именно ему.

Мысль о том, что самый прославленный святой Севера помог Уэссексу победить датчан, отшибла мозги королю Эгберту; и крупницы его здравого смысла разлетелись, словно куропатки, завидевшие жнецов.

Разумеется, король имел полное право радоваться победе Альфреда и, без сомнения, в душе негодовал, что ему приходится быть правителем, которого держат на поводке датчане. Но ему следовало бы просто поблагодарить доставившего хорошие вести священника, а потом, чтобы тот держал язык за зубами, запереть его, как собаку в конуре. Вместо этого король приказал Вульфегу, архиепископу Эофервикскому, отслужить благодарственный молебен в самой большой церкви города. Вульфег не был дураком. Он немедленно заболел лихорадкой и отбыл в деревню на лечение, однако нашелся глупец по имени отец Хротверд, который занял его место, и вскоре главная церковь Эофервика уже гудела от пламенной проповеди: священник вещал, что святой Кутберт сошел с небес, дабы привести восточных саксов к победе. Эта идиотская история убедила саксов Эофервика, что Бог и святой Кутберт собираются вернуть им их страну, отобрав ее у датчан.

И тогда начались убийства.

Все это я узнал, когда мы вошли в город. Еще я узнал, что в Эофервике было меньше сотни датских воинов, потому что остальные отправились под командованием ярла Ивара сразиться с армией скоттов, которые пересекли границу. На памяти живущих ныне людей такого вторжения еще не случалось, но у южных скоттов появился новый король, поклявшийся сделать Эофервик своей столицей. Словом, Ивар увел свою армию на север, чтобы преподать этому парню урок.

Ивар был истинным правителем Южной Нортумбрии. Если бы он захотел назваться королем, никто не смог бы помешать этому человеку, однако ему было удобнее иметь на троне уступчивого сакса, чтобы тот собирал налоги и держал в подчинении своих соплеменников. А сам Ивар тем временем занимался делом, которое его семье удавалось лучше всего: воевал. Он был из рода Лотброксонов, которые похвалялись тем, что еще никто из них не умирал в своей постели. Лотброксоны встречали свой последний час в сражениях, с мечами в руках. Отец Ивара и его родной дядя погибли в Ирландии, а Убба, третий из братьев Лотброксонов, пал от моего меча при Синуите.

Теперь же Ивар, последний воин-датчанин из этой одурманенной войной семьи, двинулся против скоттов. Он поклялся привести их короля в Эофервик в рабских цепях.

Лично я думал, что ни один сакс в здравом уме никогда не восстанет против Ивара, который считался таким же безжалостным, каким был в свое время его отец, но победа Альфреда и слащавые рассказы о том, что ему якобы помогал сам святой Кутберт, распалили сердца жителей Эофервика, и ими овладело безумие.

А отец Хротверд всюду подпитывал это пламя своими проповедями. Иступленно завывая, он уверял прихожан, что Бог, святой Кутберт и армия ангелов идут, чтобы выгнать датчан из Нортумбрии, и мое появление только подстегнуло всеобщее сумасшествие.

– Тебя послал сам Господь! – повторяли люди, провожавшие меня в город, и кричали всем встречным, что я убийца Свейна.

К тому времени, как мы добрались до дворца, меня и Хильду уже сопровождала небольшая толпа. Нас подталкивали вперед, ведя по узким улочкам, все еще запятнанным кровью датчан.

Я уже бывал во дворце Эофервика. То было здание, построенное еще римлянами из прекрасного светлого камня. Обширная колоннада поддерживала черепичную крышу, которую теперь залатали почерневшей соломой. Пол был выложен мозаичной плиткой, некогда изображавшей римских богов, но теперь многие плитки были выломаны, а оставшиеся засыпали тростником, заляпанным пролитой здесь вчера кровью. В большом зале воняло, как на скотобойне; там клубился дым от пылающих факелов, освещавших похожую на пещеру комнату.

Новый правитель Эгберт оказался племянником прежнего короля Эгберта. Лицом он смахивал на покойного дядю. Я обратил внимание, что у него такой же капризный рот. Когда король поднимался на помост, вид у него был испуганный, и неудивительно – безумный Хротверд вызвал своими проповедями настоящий ураган, и Эгберт, как пить дать, понимал, что датчане Ивара явятся сюда, чтобы отомстить.

Однако соратники Эгберта были охвачены волной эйфории и не сомневались, что победа Альфреда предрекает окончательное поражение северян. А мое появление они восприняли как еще один знак свыше.

Меня подтолкнули вперед и буквально прокричали весть о моем появлении королю, который выглядел сбитым с толку. Он еще больше смутился, когда знакомый мне голос воскликнул:

– Утред! Неужели это ты?

Я огляделся и увидел отца Виллибальда.

– Утред! – воскликнул он снова, с восторгом глядя на меня.

Эгберт нахмурился, тоже посмотрел на меня, а затем уставился на Виллибальда.

– Утред! – повторил священник, не обращая внимания на короля, и выступил вперед, чтобы меня обнять.

Отец Виллибальд был моим добрым другом и вообще хорошим человеком. Его, восточного сакса по происхождению, некогда назначили капелланом на флоте Альфреда, и теперь судьба распорядилась так, что именно отца Виллибальда послали на север, к саксам Нортумбрии, с добрыми вестями о победе при Этандуне.

Шум в зале утих. Эгберт решил властно заговорить со мной.

– Твое имя... – начал он. И замолчал, не зная, как меня зовут.

– Стеапа! – выкрикнул один из сопровождавших меня людей.

– Утред! – объявил Виллибальд, глаза которого горели от радостного возбуждения.

– Я Утред Беббанбургский, – сознался я, не в силах больше играть чужую роль.

– Тот самый, что убил Уббу Лотброксона! – заявил Виллибальд и попытался поднять мою правую руку, чтобы показать, какой я герой. – И тот самый, что свалил Свейна Белую Лошадь при Этандуне! – продолжил священник.

«Через два дня, – подумалось мне, – Кьяртан Жестокий будет знать, что я в Нортумбрии, а через три это известие дойдет и до моего дяди Эльфрика».

Имейся у меня хоть унция здравого смысла, я бы, проложив себе путь, мигом выбрался бы из этого зала, забрал Хильду и двинулся на юг так же быстро, как архиепископ Вульффер исчез из Эофервика.

– Ты сражался при Этандуне? – спросил меня Эгберт.

– Да, мой господин.

– Что там произошло?

Они уже слышали историю о битве от Виллибальда, но то была версия священника, разбухшая от молитв и чудес. Я же рассказал им то, что они хотели услышать: историю воина об убитых датчанах и о разящих мечах. И все время, пока я говорил, какой-то взъерошенный священник со свирепыми глазами и буйной бородой перебивал меня, выкрикивая: «Аллилуйя!»

Я понял, что это отец Хротверд, тот самый, что вдохновил Эофервик на кровавую резню. Он был молод, едва ли старше меня, но обладал могучим голосом и врожденной властностью, которая придавала его пылу еще больше убежденности. Каждое его «аллилуйя» сопровождалось брызгами слюны, а стоило мне рассказать, как побежденные датчане бежали вниз по огромному склону Этандуна, и Хротверд прыгнул вперед, обращаясь к толпе.

– Это Утред! – прокричал он, тыча в мои обтянутые кольчугой ребра. – Утред из Нортумбрии, Утред Беббанбургский, убийца датчан, воин Бога, меч Господа! И он пришел сюда, к нам, так же как благословенный святой Кутберт явился к Альфреду, чтобы поддержать короля! Это знаки свыше!

Толпа разразилась приветственными криками, король выглядел испуганным, а Хротверд, всегда готовый к очередной неистовой проповеди, начал разглагольствовать, красноречиво уверяя присутствующих в том, что в скором времени все датчане в Нортумбрии будут мертвы.

Я ухитрился ускользнуть от Хротверда и пробраться к помосту, где схватил Виллибальда за шкуру и потащил к личным покоям короля.

– Ты идиот! – прорычал я ему. – Ты эрслинг!¹ Ты никчемное дерьмо, вот ты кто! Мне следовало бы вспороть твои бесполезные кишки прямо здесь, сейчас и скормить их свиньям!

Виллибальд изумленно разинул рот, потом беспомощно его закрыл.

– Датчане вскоре придут сюда, – пообещал я, – и начнется резня.

Он снова открыл и закрыл рот, но по-прежнему не издал ни звука.

– А теперь слушай меня внимательно, – велел я. – Ты немедленно пересечешь Уз и как можно быстрее отправишься на юг.

– Но я же говорил только правду, – умоляюще сказал священник. – Разве это неправда, что святой Кутберт даровал нам победу?

– Конечно неправда! – прорычал я. – Альфред все выдумал. Неужели ты думаешь, что Кутберт явился к нему на Этелингаэге? Тогда почему король сразу не поведал всем о своем сне? Почему он ждал окончания битвы, чтобы рассказать нам об этом?

Я сделал паузу, а Виллибальд издал сдавленный звук, как будто его душили.

– Ясное дело почему, – сам ответил я на свой вопрос. – Да просто потому, что ничего подобного не происходило.

– Но...

– Он все выдумал! – взревел я. – А знаешь, с какой целью? Альфред хочет, чтобы нортумбрийцы были уверены: именно Уэссекс возглавляет борьбу с датчанами. Он надеется стать королем Нортумбрии, разве ты не понимаешь? И не только Нортумбрии. Я не сомневаюсь, что он отправил еще одного дурака вроде тебя в Мерсию и тот сейчас рассказывает мерсийцам, что один из их чертовых святых явился ему во сне.

– Но ведь именно так все вправду и было, – перебил меня священник.

Я ошеломленно посмотрел на него, и Виллибальд объяснил:

– Ты прав! Святой Кутберт говорил с Альфредом на Этелингаэге. Он явился к нему во сне и сказал нашему королю, что тот победит.

– Разумеется, на самом деле никто ему не являлся, – как можно терпеливее пояснил я.

---

¹ Эрслинг – задница (староангл.). (Здесь и далее примеч. перев.)

– Но это правда! – настаивал Виллибальд. – Альфред сам мне рассказал! Это Божье деяние, Утред, и сколь удивительно его созерцать.

Я взял священника за плечи и прижал к стене коридора.

– У тебя нет выбора, святой отец, – проговорил я. – Ты можешь убраться из Эофервика до того, как сюда явятся датчане, а можешь наклонить голову набок.

– Что сделать? – в замешательстве переспросил он.

– Наклонить голову. И я буду стучать тебе по одному уху до тех пор, пока вся эта чушь не выльется из другого.

Это его не убедило. Ибо слава Господня, воспламененная кровопролитием у Этандуна и раздутая ложью про святого Кутберта, по его мнению, озаряла Нортумбрию, и бедный Виллибальд искренне верил, что грядут великие события.

* * *

В ту ночь был задан пир – жалкая трапеза из сельди, сыра, черствого хлеба и выдохшегося эля. Отец Хротверд разразился очередной страстной речью, в которой заявил, что Альфред Уэссекский послал меня, величайшего воина, чтобы возглавить защиту города, и что небесный фирд спустится на защиту Эофервика. Виллибальд продолжал выкрикивать: «Аллилуйя!» – свято веря во всю эту чепуху, и только на следующий день, когда город накрыло пеленой серого дождя и зловещего тумана, мой друг начал сомневаться в скором появлении ангелов с мечами.

Люди покидали город. Ходили слухи, что к северу собираются военные отряды датчан. Хротверд все еще выкрикивал всякую чушь. Он даже возглавил процессию священников и монахов, которые шли по улицам города, воздев мощи и хоругви. Но всякий, у кого имелась хоть капля здравого смысла, понимал теперь, что Ивар, вероятно, вернется задолго до того, как святой Кутберт явится сюда с небесным сонмом.

Эгберт прислал ко мне гонца, который передал, что король хочет со мной говорить, но я решил не терять времени на беседу с обреченным правителем. Пусть король изворачивается сам.

Ну а мне предстояло подумать о собственной судьбе. Сейчас главное – это оказаться подальше от города, прежде чем на него обрушится ярость Ивара. И в таверне «Скрещенные мечи», недалеко от городских ворот, судьба послала мне спасение, которое я искал. Оно пришло ко мне в лице датчанина по имени Болти. Он выжил во время резни, потому что был женат на саксонке и родственники жены спрятали его. Увидев меня в таверне, он спросил, не Утред ли я Беббанбургский.

– Он самый, – кивнул я.

Болти сел напротив меня, уважительно склонил голову в сторону Хильды, потом щелкнул пальцами, подзывая служанку, чтобы та подала эля. Я рассмотрел Болти: тучный, лысый, рябое лицо, сломанный нос и испуганные глаза. Двое его сыновей, оба наполовину саксы, маячили у отца за спиной. Одному, по моим прикидкам, было около двадцати, другой лет на пять помладше, и оба они носили мечи, хотя совершенно не походили на воинов.

– Я знал ярла Рагнара Старшего, – произнес Болти.

– Я тоже его знал. Но что-то тебя не помню.

– В последний раз, когда он отплыл на «Летучем змее», – сказал датчанин, – я продал ему канаты и вальки для весел.

– И небось обжулил его? – саркастически осведомился я.

– Рагнар мне нравился, – вроде как обиделся Болти.

– А я его любил, – ответил я, – потому что он был мне вместо отца.

– Я это знаю и помню тебя. – Он замолчал и посмотрел на Хильду. После чего продолжил: – Ты был тогда совсем еще юным, и с тобой была маленькая темноволосая девчушка.

– Ты и вправду знал меня тогда, – ответил я и замолчал, потому что как раз принесли эль. Я заметил, что Болти, даром что датчанин, носит на шее крест. Собеседник перехватил мой взгляд.

– В Эофервике, – сказал он, прикоснувшись к кресту, – человек должен как-то жить.

Он распахнул куртку, и я увидел молот Тора, который Болти прятал под одеждой.

– В основном они убивали язычников, – пояснил он.

Я вытащил свой амулет в виде молота, который носил под плащом.

– И многие датчане стали теперь христианами? – спросил я.

– Немногие, – ворчливо ответил Болти. – Хочешь перекусить или только эль будешь пить?

– Я хочу знать, почему ты завел со мной разговор, – отозвался я.

Болти объяснил, что намерен покинуть город. Он хотел забрать с собой жену-саксонку, двоих сыновей и двух дочерей и убраться подальше, ибо не сомневался, что вскоре тут начнется настоящая резня. И ему хотелось отправиться в сопровождении воина, который владеет мечом. Он смотрел на меня жалким, отчаянным взглядом и даже не подозревал, насколько его желание совпадает с моим.

– Ну и куда же ты отправишься? – поинтересовался я.

– Только не на запад, – содрогнувшись, ответил он. – В Камбреленде сейчас убивают.

– Ну, там всегда убивают, – заметил я.

Камбреленд был частью Нортумбрии, лежавшей за холмами, рядом с Ирландским морем, и туда совершали набеги скотты из Страт-Клоты, норвежцы из Ирландии и бритты из Уэльса. Некоторые датчане осели в Камбреленде, но их было слишком мало, чтобы сдерживать набеги, опустошавшие те земли.

– Я бы отправился в Данию, – сказал Болти, – но здесь нет военных кораблей.

Единственными кораблями, оставшимися у причалов Эофервика, были торговые суда саксов, и если бы хоть какой-нибудь из них осмелился отплыть, его бы мигмом перехватили датские корабли.

– Так куда же ты все-таки отправишься? – снова спросил я.

– На север, – сказал Болти, – и встречу с Иваром. Не сомневайся, я могу тебе заплатить.

– И ты думаешь, что я смогу проводить тебя через земли Кьяртана?

– Я думаю, что мне будет лучше в компании сына Рагнара, чем одному, – признался он. – И наверняка, если другие люди узнают, что ты путешествуешь со мной, они тоже к нам присоединятся.

Ну что же, сделка состоялась. В качестве платы я потребовал от Болти шестнадцать шиллингов, двух кобыл и черного жеребца – цена последнего заставила бедного торговца побледнеть. Этого жеребца водил по улицам города один человек, предлагая на продажу, и Болти был вынужден купить животное за сорок шиллингов, ибо его страх остаться в Эофервике перевесил жадность. Этот черный конь был специально обучен для битвы: он не испугается громких звуков и будет повиноваться нажатию колен, чтобы его всадник мог держать щит и меч, одновременно управляя скакуном. Конь принадлежал одному из убитых недавно датчан, и никто не знал, как зовут этого красавца. Я назвал его Витнер, что означало «Мучитель». Кличка подходила скакуну, потому что он сразу невзлюбил обеих кобыл и все время огрызался на них.

Кобылы предназначались для Виллибальда и Хильды. Я велел отцу Виллибальду отправиться на юг, но теперь он был так напуган, что настоял на своем и остался со мной.

Словом, в тот же самый день, когда я познакомился с Болти, все мы выехали на север по римской дороге в компании еще дюжины мужчин. Среди них были трое датчан и двое норвежцев, сумевших спрятаться во время устроенной Хротвердом резни, а остальные были саксами, желавшими спастись от мести Ивара. У всех имелось оружие, и Болти дал мне деньги, чтобы им заплатить. Они получили совсем немного, ровно столько, чтобы хватило на еду и эль, но

их присутствие удерживало на расстоянии любых разбойников, промышлявших на дороге, а путь нам предстоял долгий.

У меня возникло было искушение поскакать в Сюннигтвайт, где находились земли Рагнара и его людей, но я знал, что найду там очень мало народу, потому что большинство ушло на юг с Рагнаром. Некоторые из этих воинов погибли при Этандуне, а прочие все еще находились с Гутрумом, чья разбитая армия оставалась в Мерсии. Гутрум и Альфред заключили мир, и Гутрум принял крещение – Виллибальд назвал это чудом. Итак, в Сюннигтвайте осталось немного воинов. Не существовало такого места, где я мог бы укрыться от смертельно ненавидящих меня дяди и Кьяртана. Поэтому, не имея на будущее никаких определенных планов и предоставив все решать судьбе, я честно выполнял обязательства, данные Болти, и сопровождал его на север, к землям Кьяртана, что преграждали наш путь, как темная туча.

Чтобы пройти через эти земли, нужно было заплатить пошлину, и немалую. Лишь такой могущественный человек, как Ивар, чьи воины превосходили числом приверженцев Кьяртана, мог просто так пересечь реку Виир.

– Ты можешь позволить себе оплату, – поддразнил я Болти.

Двое его сыновей вели выючных лошадей, и я подозревал, что животные нагружены монетами, завернутыми в ткань или овечью шерсть, чтобы звяканье не выдало стоимость груза.

– Я не могу позволить, чтобы он забрал моих дочерей, – ответил Болти.

Его дочери-близняшки, лет двенадцати или тринадцати, уже вполне созрели для замужества. Они были невысокие, пухленькие, светловолосые, курносые, и их невозможно было различить.

– А что, Кьяртан способен на такое? – спросил я.

– Он берет все, что захочет, – хмуро ответил Болти. – И ему нравятся молоденькие девочки, хотя я подозреваю, что он предпочел бы забрать тебя.

– Это еще почему? – с показным равнодушием поинтересовался я.

– Да ходят тут разные слухи... Дескать, его сын потерял из-за тебя глаз.

– Его сын потерял глаз потому, что наполовину раздел дочь ярла Рагнара, – сказал я.

– Но он-то винит во всем тебя.

– Это точно, – согласился я. – Тогда мы были детьми, но детские раны могут очень долго болеть и гноиться, и я не сомневаюсь, что Свену хотелось бы вырвать мне оба глаза, чтобы отомстить за один свой.

Постепенно мы приблизились к Дунхолму и повернули на запад, в холмы, чтобы не наткнуться на людей Кьяртана.

Стояло лето, но прохладный ветер приносил низкие облака и мелкий дождик, поэтому я был рад, что на мне подбитая кожей кольчуга. Хильда смазывала металлические кольца жиром, который выжимала из только что настриженной овечьей шерсти, что по большей части защищало металл от ржавчины. Она смазывала также мой шлем и меч.

Мы поднимались по хорошо утоптанной тропе, а в паре миль за нами следовала еще одна группа путников, и на влажной земле виднелись четкие отпечатки лошадиных копыт, говорящие о том, что кто-то проходил здесь совсем недавно.

То, что по этому пути следовало столько народу, заставило меня призадуматься. Кьяртан Жестокий и Свен Одноглазый жили за счет того, что платили им путники, а если те не хотели платить, их попросту грабили, обращали в рабство или убивали. Кьяртан и его сын наверняка понимали, что люди попытаются избежать их, пользуясь тропами, выючимися по холмам. Поэтому мне следовало быть более осторожным.

Болти не боялся, ибо полностью доверял мне. Он рассказал, как Кьяртан и Свен разбогатели на работорговле.

– Они забирают всех, будь то датчанин или сакс, и продают за море. Если повезет, иногда такого раба удается выкупить, но по очень высокой цене.

Торговец посмотрел на отца Виллибальда.

– А еще Кьяртан убивает всех священников.

– Да неужели?

– Он ненавидит всех христианских жрецов. Считает их колдунами, поэтому закапывает несчастных в землю по пояс и позволяет своим псам их сожрать.

– Что он говорит? – спросил меня Виллибальд, отведя свою кобылу в сторону, прежде чем Витнер смог на нее напасть.

– Он сказал, что Кьяртан убьет тебя, если захватит в плен, святой отец.

– Убьет меня?

– Он скормит тебя своим гончим.

– О, всеблагой Боже, – только и произнес Виллибальд.

Он выглядел таким несчастным, потерянным, да еще вдобавок находился далеко от дома, а непривычные северные пейзажи лишали его душевного равновесия.

Зато Хильда казалась счастливее, чем раньше. Ей было всего девятнадцать лет, и она терпеливо относилась к жизненным трудностям. Хильда родилась в семье восточных саксов, не знатной, но довольно зажиточной. Бедняжка была последней из восьми детей, и отец пообещал отдать дочь Церкви: мать Хильды чуть не умерла в родах, и отец приписал чудесное спасение жены милости Божьей. Поэтому в возрасте семи лет Хильду, которую следовало бы называть сестра Хильдегит, отослали к монахиням в Сиппанхамм. Там она и жила, вдалеке от большого мира: молилась и пряла пряжу, пряла и молилась, пока не пришли датчане и не надругались над ней.

Бедняжка до сих пор все еще стонала во сне, и я знал, что она вспоминает пережитое унижение. Но сейчас она была счастлива, ибо находилась далеко от Уэссекса, далеко от людей, которые непрерывно твердили ей, что она должна вернуться к служению Господу. Правда, Виллибальд как-то пожурил девушку за то, что она бросила святую жизнь, но я предупредил его, что еще одно такое замечание – и у него появится новый пупок, побольше прежнего. С тех пор он держал рот на замке.

Теперь Хильда созерцала каждый новый открывающийся перед ней пейзаж глазами, полными детского изумления. Ее бледное лицо начинало светиться так же, как ее золотистые волосы. Хильда была умницей, не самой умной женщиной из всех, кого я знал, но полной какой-то проницательной мудрости.

К двадцати одному году я уже успел узнать, что некоторые женщины приносят сплошные неприятности, тогда как из других получаются замечательные товарищи, и последнее в полной мере относилось к Хильде. Мы с ней стали настоящими друзьями. Мы были еще и любовниками, но никогда по-настоящему не любили друг друга, и ее преследовало чувство вины. Поэтому вечерами Хильда молилась, но при свете дня снова начинала смеяться и радоваться простым вещам, однако порой ее словно окутывала тьма, и она начинала скулить. Тогда я видел, как ее длинные пальцы теребят распятие, и знал: она чувствует, как когти Бога скребут ее душу.

Так вот, в тот день мы въехали в холмы, и я вел себя довольно беспечно. Именно поэтому Хильда первой увидела всадников. Их было девятнадцать, большинство в кожаных доспехах, хотя трое были в кольчугах. Они ехали сзади полукругом, и я понял, что нас пытаются согнать в кучу, как овец. Тропа, по которой мы следовали, тянулась по склону холма, а справа от нас был крутой обрыв, выходявший к бурной речке. Мы могли бы попытаться укрыться в долине, но, конечно, люди, преградившие тропу позади нас, в любом случае двигались бы быстрее.

Всадники не пытались приблизиться. Они видели, что мы вооружены, и не хотели драться, а просто желали убедиться, что мы будем следовать на север, какая бы судьба нас там ни ждала.

– Ты не можешь их прогнать? – требовательно спросил Болти.

– Тринадцать против девятнадцати? Вообще-то, можно было бы попробовать, если бы наши тринадцать стали сражаться, но они не станут.

Я показал на вооруженных мечами людей, которым Болти заплатил, чтобы они нас сопровождали.

– Эти вполне годятся на то, чтобы отпугнуть бандитов, – продолжал я, – но они недостаточно глупы, чтобы сражаться с людьми Кьяртана. Если я попрошу их драться, они, скорее всего, присоединятся к врагам и поделят с ними твоих дочерей.

– Но... – начал было Болти. И замолчал, потому что мы наконец увидели, что нас ожидает.

Невольничий рынок находился там, где речка, петляя, спускалась в глубокую долину. И в этой большой долине возле моста (то был лишь громадный каменный брус, перекинутый через другую реку, пошире, видимо, через Виир) стояла приличных размеров деревня. Посреди деревни толпились какие-то люди, и я увидел, что их охраняют.

Всадники, следовавшие за нами, подтянулись ближе, но, когда я остановился, тоже остановились. Я бросил взгляд вниз с холма. Деревня находилась слишком далеко, чтобы можно было разглядеть, есть ли там Кьяртан или Свен, но казалось разумным предположить, что люди явились в это селение из Дунхолма и что их привел сюда тот или иной правитель Дунхолма.

Болти тревожно пискнул, но я не обратил на него внимания.

С юга в деревню вели еще две тропы, и я догадался, что всадники охраняют все тропы и весь день напролет перехватывают путников. Они гонят свою добычу к селению, и те путники, которые не могут заплатить, становятся пленниками.

– Что будем делать? – спросил Болти. Он был близок к панике.

– Я попытаюсь спасти нам жизнь, – ответил я и, повернувшись к одной из его дочерей-близняшек, потребовал у нее черный льняной шарф, который она носила вместо пояса.

Девочка развязала шарф и дрожащей рукой протянула его мне.

Обвязав его вокруг головы так, что ткань закрыла рот, нос и лоб, я попросил Хильду закрепить шарф.

– Что ты делаешь? – снова пискнул Болти.

Я не снизошел до ответа.

Вместо этого я нахлобучил поверх шарфа шлем. Нащечники встали на место, и мое лицо превратилось в маску из полированного металла поверх того, что казалось черным черепом. Видны были только глаза.

Я наполовину извлек из ножен Вздых Змея, чтобы убедиться, что он скользит легко, и заставил Витнера сделать несколько шагов вперед.

– Теперь я Торкильд Прокаженный, – сказал я Болти.

Сквозь шарф мой голос звучал хрипло и невнятно.

– Кто ты? – не понял купец, уставившись на меня с разинутым от изумления ртом.

– Я Торкильд Прокаженный, – повторил я. – И теперь мы с тобой с ними разберемся.

Пошли!

– Я? – слабым голосом спросил Болти.

Я махнул рукой, веля всем двигаться вперед. Шайка, которая следовала за нами полукругом, снова отправилась на юг, вероятно, чтобы найти другую группу путников, пытавшуюся ускользнуть от военных отрядов Кьяртана.

– Я нанял тебя, чтобы ты меня защищал, – в отчаянии проговорил Болти.

– Как раз этим я и занимаюсь, – ответил я.

Саксонка, жена Болти, выла, как на похоронах, и я рявкнул на женщину, велев ей умолкнуть. Потом, в паре сотен шагов от деревни, я остановился и велел всем, кроме Болти, ждать здесь.

– Теперь вся надежда на нас с тобой, – сказал я ему.

– Я-то думал, ты справишься с ними один, – отозвался тот.

И вдруг взвизгнул.

Он взвизгнул потому, что я хлопнул его лошадь по крупу с такой силой, что та прыгнула вперед. Я догнал его и сказал:

– Помни, я Торкильд Прокаженный, и если ты выдашь, кто я такой на самом деле, я убью тебя, твою жену, твоих сыновей, а потом продам твоих дочерей в рабство. Так кто я?

– Торкильд, – запинаясь, ответил он.

– Торкильд Прокаженный, – поправил я.

Мы были уже в деревне, жалком местечке, где стояли низкие каменные домишки с крышами из дерна. По меньшей мере тридцать – сорок человек толпились под охраной посреди деревни, а в стороне, рядом с каменным мостом, на поросшей травой земле возвышались стол и скамьи. За столом сидели двое мужчин, перед ними стоял кувшин с элем. Я заметил все это краем глаза, но по-настоящему видел только одно.

Шлем моего отца.

Он лежал на столе. Шлем с глухой лицевой пластиной, которая, как корона, была инкрустирована серебром. На металле была выгравирована скалящаяся пасть, и я видел этот шлем столько раз! В детстве я даже играл с ним, хотя если бы отец застал меня за таким занятием, то вlepил бы мне хорошую затрещину. В тот день, когда отец погиб при Эофервике, на нем был этот самый шлем, и Рагнар Старший потом выкупил его у человека, который зарубил моего отца... А теперь шлем принадлежал тому, кто убил Рагнара.

Свену Одноглазому.

Он встал, когда мы с Болти приблизились к столу, и в этот момент я почувствовал себя так, словно меня поразило молнией. Я знал Свена еще ребенком, а теперь он стал мужчиной, но я немедленно узнал это плоское, широкое лицо с единственным свирепым глазом. Второй глаз превратился в сморщенную дыру. Свен был высоким и широкоплечим, с длинными волосами и бородой – чванливый молодой человек в роскошной кольчуге. У его пояса болтались два меча – длинный и короткий.

– Еще гости! – объявил он при нашем появлении и показал на скамью на дальней стороне стола. – Садитесь, – приказал Свен, – и обговорим наши дела.

– Сядь, – тихо прорычал я Болти.

Болти бросил на меня отчаянный взгляд, потом спешился и подошел к столу. Второй человек за столом был смуглым, черноволосым, гораздо старше Свена. Он был облачен в длинное черное одеяние, отчего сошел бы за монаха, если бы на шее его не болтался серебряный молот Тора. Перед ним, как и перед Свенем, стоял деревянный поднос, имевший отделения для разных монет, поблескивавших серебром в солнечном свете.

Свен, снова опустившись рядом с человеком в черном, налил в кубок эля и толкнул его в сторону Болти, который оглянулся на меня, а потом сел, как было велено.

– И кто же ты такой? – спросил его Свен.

– Болти Эриксон, – ответил Болти.

Ему пришлось повторить это дважды, потому что в первый раз он не смог произнести свое имя достаточно громко.

– Болти Эриксон, – протянул Свен. – А я Свен Кьяртансон, и мой отец – хозяин этих земель. Ты слышал о Кьяртане?

– Да, господин.

Свен улыбнулся.

– Думаю, ты пытался увильнуть от уплаты пошлины, Болти! Ну же, отвечай! Ты пытался увильнуть?

– Нет, господин.

– И откуда же вы явились?

– Из Эофервика.

– А! Еще один торговец из Эофервика, вот как? Третий за сегодняшний день! А что ты везешь в тех тюках?

– Ничего, господин.

Свен слегка подался вперед, а потом ухмыльнулся, при этом громко испортив воздух.

– Прости, Болти, я просто услышал гром. Так ты сказал, что ничего не везешь? Но я вижу четырех женщин, и три из них достаточно молоды. – Свен улыбнулся. – Это твои женщины?

– Моя жена и мои дочери, господин, – сказал Болти.

– Жены и дочери, как же мы их любим, – проговорил Свен, потом посмотрел на меня, и, хотя лицо мое было обмотано черной тканью, а глаза скрывались в тени шлема, я почувствовал, как под его взглядом по коже у меня забегали мурашки.

– Кто это такой? – поинтересовался Свен.

Наверняка ему было любопытно, потому что я выглядел как король. Мои кольчуга и оружие были из числа самых лучших, а браслеты на руках выдавали во мне воина высокого ранга.

Болти бросил на меня перепуганный взгляд, но ничего не ответил.

– Я спросил, кто он такой! – громче повторил Свен.

– Его зовут, – ответил Болти голосом, смахивавшим на мышинный писк, – Торкильд Прокаженный.

Свен невольно скорчил гримасу и вцепился в висящий у него на шее молот. Я не мог винить его в этом. Все люди боятся серой, лишённой чувствительности плоти прокаженных. Большинство больных этим недугом отсылают в глушь, чтобы несчастные жили там как сумеют и умерли, когда придет их час.

– И что ты делаешь в компании прокаженного? – с вызовом спросил Свен у Болти.

У бедняги не было ответа на этот вопрос.

– Я путешествую на север, – впервые заговорил я, и мой искаженный до неузнаваемости голос гулко прогремел внутри закрытого шлема.

– Зачем ты едешь на север? – полюбопытствовал Свен.

– Потому что устал от юга, – сказал я.

В моем невнятном голосе он уловил враждебность, но отгнул ее, как не имеющую значения. Должно быть, он догадался, что Болти нанял меня в качестве сопровождающего, но я не представлял для него никакой угрозы. Всего в нескольких шагах отсюда стояли пять человек Свена, вооруженные копьями и мечами, а в деревне было по меньшей мере сорок других его людей.

Свен отхлебнул эля.

– Я слышал, в Эофервике были волнения? – спросил он Болти.

Тот кивнул.

Я видел, как его правая ладонь конвульсивно сжимается и разжимается под столом.

– Некоторые датчане были убиты, – сказал он.

Свен покачал головой, словно эти новости его опечалили.

– Ивар этому не обрадуется.

– А где Ивар? – спросил Болти.

– Когда я в последний раз слышал о нем, он был в долине Туид, – ответил Свен, – а вокруг него танцевал шотландец Аэд.

Свен, казалось, наслаждался обычным обменом новостями: ему нравилось разыгрывать из себя человека уважаемого, который придерживается традиций.

– Ну что ж, – сказал он и сделал паузу, чтобы снова испортить воздух. – И чем же ты торгуешь, Болти?

– Кожами, овечьей шерстью, тканью, гончарными изделиями... – Голос торговца замер, ибо он решил, что слишком много говорит.

– А я торгую рабами. А это Гелгилл. – Свен показал на сидевшего рядом человека. – Он покупает у нас рабов. Думаю, ты и три твои молодые женщины могут принести нам неплохой барыш. Так сколько ты мне за них заплатишь? Если заплатишь достаточно, сможешь оставить их себе. – И Свен улыбнулся, словно его предложение было совершенно в порядке вещей.

Болти как будто лишился языка, но ухитрился вытащить из-под куртки кошелек и выложить на стол немного серебра. Свен наблюдал, как одна за другой появляются монеты, и, когда Болти замешкался, Одноглазый просто улыбнулся. Торговец продолжил отсчитывать серебро, пока на столе не оказалось тридцать восемь шиллингов.

– Это все, что у меня есть, господин, – смиренно проговорил Болти.

– Все, что у тебя есть? Я в этом сомневаюсь, Болти Эриксон, – сказал Свен, – но если это правда, я оставлю тебе ухо одной из твоих дочерей. Только одно ухо – на память. Что скажешь, Гелгилл?

Имя Гелгилл звучало странно, и я заподозрил, что товарищ Свена явился из-за моря, потому что большинство самых доходных невольничьих рынков находилось или в Дифлине, или во Франкии. Гелгилл что-то сказал, но слишком тихо, чтобы я мог его расслышать, и Свен кивнул.

– Приведите сюда девчонок, – велел он своим людям, и Болти содрогнулся.

Торговец снова посмотрел на меня, как будто ожидал, что я остановлю Свена, что бы тот ни задумал. Но я ничего не предпринял, когда двое стражников пошли к нашей застывшей в ожидании группе.

Свен непринужденно болтал о видах на урожай, а стражники тем временем приказали Хильде и дочерям Болти спешиться. Люди, нанятые торговцем, даже не попытались этому помешать. Жена Болти протестующе завопила, потом залилась истерическими слезами, глядя, как ее дочерей и Хильду ведут к столу. Свен приветствовал их с преувеличенной вежливостью, а Гелгилл встал и обследовал всех троих. Он тщательно их ощупал, как будто покупал лошадей. Я увидел, как Хильда задрожала, когда он стянул вниз платье, чтобы осмотреть ее груди, но работорговца больше интересовали девочки помоложе.

– Сотню шиллингов за каждую, – сказал он, закончив осмотр. – А за эту, – он показал на Хильду, – пятьдесят.

Гелгилл говорил со странным акцентом.

– Но она хорошенькая, – возразил Свен. – А две другие похожи на поросят.

– Они близняшки, – ответил Гелгилл. – Я смогу выручить за них много денег. А высокая девушка слишком стара. Ей, должно быть, уже девятнадцать или двадцать.

– Девственность ценится очень дорого, – обратился Свен к Болти. – Ты согласен?

Бедняга дрожал.

– Я заплачу тебе сотню шиллингов за каждую из моих дочерей, – отчаянно сказал он.

– О нет, – ответил Свен. – Их уже согласен забрать Гелгилл. И я тоже должен получить какую-то прибыль. Ты можешь оставить себе всех троих, Болти, если заплатишь мне шесть сотен шиллингов.

То была непомерная цена. Так и было задумано, но Болти не стал артачиться.

– Только две из них – мои, господин, – проскулил он. – Третья женщина – его! – Он указал на меня.

– Твоя?

Свен посмотрел на меня.

– У тебя есть женщина, прокаженный? Выходит, эта часть твоего тела еще не отвалилась?

Он счел это смешным, и двое его людей, которые привели женщин, рассмеялись вместе с ним.

– Ну же, прокаженный, – спросил Свен, – сколько ты заплатишь мне за свою женщину?
– Нисколько, – ответил я.

Свен почесал зад. Его люди ухмылялись. Они привыкли к вызывающему поведению пленников и знали, что все равно справятся с ними, а потому наслаждались, глядя, как Свен обирает путешественников.

Свен налил себе еще эля.

– У тебя есть несколько прекрасных браслетов, прокаженный, – сказал он, – и, думаю, если ты погибнешь, от этого шлема тебе будет мало пользы. Поэтому в обмен за женщину я возьму твои браслеты и шлем, а потом ты сможешь отправиться своей дорогой.

Я не шевельнулся, не заговорил, но осторожно сжал ногами бока Витнера и почувствовал, как конь задрожал. Он был боевым животным и хотел поучаствовать в битве. Возможно, Свен ощутил, как напрягся Витнер. Все, что он мог видеть, – это мой зловещий шлем с темными прорезями для глаз и гребнем в виде волчьей головы. И тут Свен начал беспокоиться. Он легкомысленно пошел на риск, но теперь не мог дать задний ход, не поступившись своим достоинством. Обратного пути не было.

– Ты что, внезапно лишился языка? – глумливо спросил он.

Потом сделал знак двум своим людям, что привели женщин.

– Эгил! Атсур! Заберите у прокаженного шлем!

Свен, должно быть, решил, что это ему ничем не грозит. В деревне у него было не меньше людей, чем матросов на корабле, а я был один. Так стоило ли опасаться сопротивления с моей стороны? У одного из его людей имелось копьё, а второй как раз вытаскивал меч, но меч этот не успел и наполовину покинуть ножны, как у меня в руке уже очутился Вздох Змея, а Витнер пришел в движение. Конь отчаянно рвался в бой и теперь прыгнул с быстротой восьминоного Слейпнира – знаменитого скакуна Одина.

Сперва я свалил человека, стоявшего справа, он так и не успел достать меч из ножен: Вздох Змея обрушился на него с небес, как молния Тора. Конец клинка прошел сквозь шлем, будто тот был сделан из пергамента, а Витнер, повинуясь нажатию моих колен, уже поворачивался к Свену, в то время как копейщик сделал движение в мою сторону. Ему следовало бы вонзить копьё в грудь или шею Витнера, но вместо этого он попытался ткнуть копьем мне под ребра. Витнер развернулся вправо и клацнул огромными зубами, метя в лицо незадачливого копейщика. Тот, спотыкаясь, попятился, – как раз вовремя, чтобы избежать укуса, но потерял равновесие и растянулся на траве.

Я повернул жеребца влево, уже вытащив правую ногу из стремени. А потом соскочил с седла и обрушился на Свена, который только-только начал подниматься со скамьи. Я опрокинул его на землю так, что он с трудом дышал.

Потом я встал, и Вздох Змея оказался у горла Свена.

– Эгил! – позвал Свен копейщика, которого отогнал Витнер.

Но Эгил не осмелился на меня напасть, ведь я держал меч у горла его хозяина.

Болти заскулил. И обмочился.

Я чуял запах мочи, слышал, как она капает. Гелгилл стоял очень тихо, не двигаясь, и наблюдал за мной; его узкое лицо ничего не выражало.

Хильда улыбалась.

Полдюжины людей Свена стояли ко мне лицом, но ни один из них не осмелился шевельнуться, потому что кончик Вздоха Змея, испачканный кровью, упирался в горло их хозяина.

Витнер стоял рядом со мной, ощерив зубы, роя землю передним копытом и размахивая им рядом с головой Свена.

Тот смотрел на меня снизу вверх одним глазом, полным ненависти и страха, и внезапно я сделал шаг назад.

– На колени, – велел я.

– Эгил! – снова умоляюще произнес Свен.

Чернобородый Эгил, которому только что отрубили нос, нацелил на меня копьё.

– Он умрет, если ты нападешь, – сказал я Эгилу, коснувшись Свена кончиком меча.

Эгил благоразумно шагнул назад, и я полоснул Вздохом Змея по лицу Свена, пустив кровь.

– На колени! – снова приказал я.

И когда Свен встал на колени, я наклонился и вынул из ножен два его меча.

Положив их на стол рядом со шлемом моего отца, я окликнул Хильду:

– Хочешь убить этого работаровца? – Я показал ей на мечи.

– Нет, – ответила она.

– Исеулт убила бы его, – сказал я.

Покойная Исеулт была моей прежней любовницей и подругой Хильды.

– «Не убий», – возразила Хильда.

То была христианская заповедь, и я считал ее столь же бесполезной, как приказ солнцу двинуться вспять.

– Болти, – теперь я заговорил по-датски, – убей работаровца.

Я не хотел поворачиваться так, чтобы Гелгилл оказался за моей спиной.

Болти не двинулся. Он был слишком испуган, чтобы повиноваться, но, к моему удивлению, обе его дочери подошли и забрали мечи Свена. Гелгилл повернулся, чтобы броситься наутек, но путь ему преграждал стол, и одна из девочек как-то дико замахнулась и полоснула по его голове. Гелгилл упал на бок. Потом близняшки прирезали его. Я не смотрел на это, потому что сторожил Свена, но слышал крики рабовладельца и удивленный вздох Хильды и видел пораженные лица людей, стоявших передо мной.

Близняшки рубили с насадными звуками, но Гелгилл умер не сразу, и ни один из людей Свена не попытался спасти его или своего хозяина. Все они были при оружии, и если бы хоть один из них обладал здравым смыслом и отвагой, то понял бы, что я не осмелюсь убить Свена, потому что моя собственная жизнь зависит от жизни Одноглазого.

Если бы я его прикончил, люди Свена разом обрушились бы на меня с мечами... Но они боялись того, что сотворит с ними Кьяртан, если его сын погибнет, а потому бездействовали. Я прижал клинок к горлу Свена еще крепче, и тот издал полузадушенный вопль страха.

За моей спиной Гелгилла наконец зарубили насмерть. Я рискнул бросить туда взгляд и увидел, как ухмыляются перепачканные в крови близняшки.

– Они дочери Хель, – сказал я воинам, наблюдавшим за происходящим.

Я гордился этой внезапной выдумкой, потому что Хель была богиней мертвых, разложившейся и ужасной, которая правила теми умершими, что погибли не в битве.

– А я Торкильд! – продолжал я. – И я наполнил царство Одина мертвецами!

Свен трясся рядом со мной. Его люди, казалось, затаили дыхание, и внезапно моя история обрела крылья, и я заговорил как можно более гулким голосом.

– Я Торкильд Прокаженный! – громко заявил я. – И я погиб уже давно, но Один прислал меня на землю, чтобы забрать нечестивые души Кьяртана и его сына!

И люди поверили мне. Я видел, как они прикасаются к своим амулетам. Один копейщик даже упал на колени.

Мне хотелось немедленно убить Свена. Возможно, мне и впрямь следовало бы так поступить, но я побоялся разорвать паутину волшебной чепухи, которую сплел для этих людей. И в тот миг мне требовалась вовсе не душа Свена, следовало обеспечить безопасность нашего отряда, поэтому я обменял одно на другое.

– Я позволю уползти этому червю, – сказал я, – дабы он мог сообщить страшную весть своему отцу, но вы должны уйти отсюда первыми. Вы все! Покиньте деревню, и я отпущу Свена. Но его пленников вы оставите здесь.

Они просто тарасились на меня, и я крутанул клинком так, что Свен снова коротко вскрикнул.

– Ступайте! – велел я.

И они повиновались. Охваченные ужасом, они быстро пошли прочь. Болти с благоговейным страхом смотрел на своих любимых дочерей.

Я сказал обеим девочкам, что они хорошо справились и теперь могут взять по пригоршне монет со стола. А потом они вернулись к матери, сжимая серебро и окровавленные мечи.

– Твои дочери просто молодчины, – сказал я Болти.

Тот ничего не ответил, но поспешил следом за ними.

– Я, вообще-то, могла бы его убить, – заявила Хильда. Она как будто стыдилась своей щепетильности.

– Не важно, – ответил я.

Я продолжал держать меч у горла Свена до тех пор, пока не убедился, что все его люди удалились на порядочное расстояние, отправившись на восток. Несчастные, которых захватили в плен, по большей части совсем еще юные мальчики и девочки, остались в деревне, но никто из пленников не осмелился ко мне приблизиться.

У меня было искушение сказать Свену правду, дать ему знать, что его унижил старый враг, но история про Торкильда Прокаженного была слишком хороша, чтобы вот так от нее отказаться. Еще мне очень хотелось спросить про Тайру, сестру Рагнара, но я боялся, что, если она жива и я выдам свой интерес к этой девушке, жизнь ее не продлится долго. Поэтому я не упомянул о ней. Вместо этого я схватил Свена за волосы и оттянул его голову назад так, что тот уставился на меня снизу вверх.

– Я пришел из-под земли, из самых глубин ада, чтобы убить тебя и твоего отца, – сказал я. – Я найду тебя снова, Свен Кьяртансон, и в следующий раз убью. Я Торкильд, я хожу по ночам, и меня нельзя убить, потому что я уже труп. Поэтому передай мои приветствия своему отцу и расскажи ему, что за ним послали мертвого воина с мечом и что мы все трое скоро поплывем в «Скидбландире» обратно в Нифльхейм.

Нифльхейм был ужасной ямой, куда попадали погибшие бесславной смертью, а «Скидбландир» – кораблем богов, способным складываться так, что его можно было спрятать в маленький кошель.

Потом я отпустил Свена и напоследок крепко пнул его в спину, так что тот растянулся вниз лицом. Он мог бы отползти в сторону, но не осмеливался шевельнуться. Теперь Свен напоминал побитую собаку, и, хотя мне все еще хотелось его убить, я рассудил, что будет лучше позволить ему рассказать мою жуткую историю отцу. Кьяртан, без сомнения, узнает, что Утреда Биббанбургского видели в Эофервике, но он также услышит, что мертвый воин явился, чтобы его убить, и я хотел, чтобы сны его были полны кошмаров.

Свен все еще не двигался, когда я нагнулся и снял с его пояса тяжелый кошель. Потом я сорвал с него семь серебряных ручных браслетов. Хильда отрезала кусок одежды Гелгилла и использовала ткань как мешок, чтобы собрать монеты с подноса рабовладельца. Я отдал ей отцовский шлем, после чего снова сел в седло и похлопал Витнера по шее. Конь высоко вскинул голову, словно понимал, что сегодня показал себя великолепным боевым скакуном.

Я уже собирался ехать, когда в этот и без того странный день произошло нечто еще более странное. Некоторые из пленников, как будто поняв, что они свободны, двинулись к мосту. Но остальные оказались настолько сбиты с толку, напуганы или пали духом, что последовали за вооруженными людьми на восток.

И тут внезапно раздались монашеские песнопения, и из одной из низких хижин с крышей из дерна появилась кучка монахов и священников. Их было семеро, и сегодня им невероятно повезло, потому что, как выяснилось, Кьяртан Жестокий в самом деле ненавидел христиан и убивал всех церковников, которых брал в плен.

Теперь эти семеро были спасены. С ними шел молодой человек в тяжелых цепях раба. Высокий, хорошо сложенный, очень красивый, примерно моего возраста, он был одет в тряпье. Его длинные вьющиеся волосы были такими золотистыми, что выглядели почти белыми, а светлые ресницы, очень голубые глаза и загорелая кожа казались безупречными. Лицо юноши было словно вырезано из камня: удивительно четкие скулы, нос и челюсти, однако резкие черты лица смягчало его жизнерадостное выражение. Судя по всему, жизнь этого человека была полна невероятных сюрпризов и представлялась ему сплошным весельем. Увидев Свена, съездившегося под копытами моего коня, он оставил распеваящих псалмы священников и побежал к нам, остановившись только для того, чтобы подобрать меч того человека, которого я убил.

Юноша держал меч неуклюже, потому что у него были скованы руки, но приставил оружие к горлу Свена.

– Нет, – сказал я. – Не надо.

– Но почему?

Молодой человек улыбнулся мне, и я невольно почувствовал к нему симпатию. Лицо незнакомца было открытым и бесхитростным.

– Я пообещал оставить Свену жизнь, – объяснил я.

Молодой человек одно биение сердца размышлял над этим.

– Так это ты пообещал, – сказал он. – А я – нет.

Он говорил по-датски.

– Но если ты заберешь его жизнь, – ответил я, – мне придется забрать твою.

Юноша обдумал эту возможность, продолжая улыбаться.

– Почему? – спросил он без малейшей тревоги, но так, как будто его очень интересовал ответ.

– Потому что таков закон, – пояснил я.

– Но Свен Кьяртансон не признает законов, – заметил юноша.

– Таков мой закон. И еще я хочу, чтобы он доставил послание своему отцу.

– Какое послание?

– Он должен передать Кьяртану, что мертвый воин пришел за ним.

Молодой человек задумчиво склонил голову набок, словно оценивая это послание, и в конце концов одобрил его, потому что сунул меч под мышку. Потом неуклюже развязал веревочный пояс своих штанов.

– От меня ты тоже можешь передать послание, – обратился он к Свену. – Вот оно.

И он помочился на Свена.

– Я крещу тебя, – сказал молодой человек, – во имя Тора, и Одина, и Локи.

Семеро церковников – три монаха и четыре священника – серьезно наблюдали за «обрядом крещения», но ни один не запротестовал против столь явного богохульства и не попытался остановить юношу.

Молодой человек мочился долго, целясь так, чтобы струя основательно промочила волосы Свена, а когда наконец закончил, снова завязал пояс и в очередной раз ослепительно улыбнулся мне.

– Ты и есть мертвый воин?

– Да.

– Перестань скулить, – обратился молодой человек к Свену, потом снова улыбнулся мне. – Тогда, может, окажешь честь и согласишься служить мне?

– Служить тебе? – переспросил я.

Пришел мой черед веселиться.

– Я Гутред, – сказал он, как будто это все объясняло.

– Я слышал только о Гутруме, – ответил я. – И я знаю также Гутверда, а еще встречал пару человек по имени Гутлак, но сроду не слышал ни про какого Гутреда.

– Я Гутред, сын Хардакнута, – пояснил юноша.

Это имя по-прежнему ничего мне не говорило.

– И почему, интересно, я должен служить Гутреду, сыну Хардакнута? – поинтересовался я.

– Да потому, что, пока ты не явился сюда, я был рабом, – ответил молодой человек, – но теперь благодаря тебе я король!

Он говорил с таким пылом, что не всегда легко было разобрать слова.

Я улыбнулся под льняным шарфом.

– Ты король? Но король чего?

– Нортумбрии, конечно, – жизнерадостно заявил он.

– Он король, господин, он и вправду король, – серьезно подтвердил один из священников.

Вот так мертвый воин встретил короля, а Свен Одноглазый в ужасе уполз к своему отцу, и в странной земле Нортумбрии все стало в тот день еще более странным.

Глава вторая

Порой в море, когда уводишь корабль слишком далеко от берега, и начинается ветер, и прилив поднимается со злобной силой, и волны разбиваются в белую пену над колышками, на которые в хорошую погоду вешают вдоль бортов щиты, тебе остается лишь плыть туда, куда влечет тебя воля богов. Парус приходится свернуть, пока он не порвался, а налегать на длинные весла бесполезно, поэтому ты привязываешь их и вычерпываешь воду из корабля, и молишься, и наблюдаешь за темнеющим небом, и слушаешь вой ветра, и терпишь обжигающие удары дождевых струй. И надеешься, что прилив, волны и ветер не пригонят твое судно на скалы.

Вот так я и чувствовал себя, оказавшись в Нортумбрии. Я спасся от безумия Хротверда и покинул Эофервик только для того, чтобы унизить Свена, который хотел теперь лишь одного: убить меня... Если только полагал, что мертвого воина можно убить.

Так или иначе, но мне не следовало оставаться в центральной части Нортумбрии, поскольку здесь мои враги были слишком многочисленны. Но я не мог отправиться и дальше на север, потому что тогда очутился бы на землях Беббанбурга, на своих собственных, по праву принадлежащих мне землях, где мой дядя ежедневно молился, чтобы я умер, оставив его законным владельцем того, что он так бессовестно украл. А я не желал, чтобы его молитвы с легкостью воплотились в жизнь. Поэтому ветра ненависти и мести Кьяртана, Свена и моего родного дяди погнало меня на запад, в глушь Камбреленда.

Мы следовали вдоль римской стены, тянувшейся через холмы. Это удивительное сооружение пересекало здесь всю сушу, от моря до моря. Стена была сделана из камня и поднималась и опадала вместе с изгибами холмов и долин, нигде не прерываясь, неизменно безжалостная и жестокая. Однажды мы встретили пастуха овец, который ничего не слышал о римлянах; он сказал, что стену эту якобы построили великаны в стародавние времена. Он заявил, что, когда настанет конец света, дикари с далекого севера хлынут через это укрепление, словно потоп, сея повсюду смерть и ужас.

Я вспомнил об этом пророчестве в полдень, когда наблюдал за волчицей, которая, высунав язык, бежала по верху стены. Она взглянула на нас, спрыгнула на землю позади наших лошадей и помчалась на юг.

Теперь кладка стены уже осыпалась, между камней распускались цветы, толстый дерн лежал на широком верху укреплений, но все равно стена казалась мне настоящим чудом. Саксы умели строить каменные церкви и монастыри, и мне довелось видеть несколько больших залов из камня, но вряд ли кто-нибудь из моих современников сумел бы возвести такое сооружение.

И ведь это была не просто стена. Вдоль нее тянулся широкий ров, а вдоль рва шла каменная дорога, и каждую милю или две попадалась сторожевая башня. Дважды в день мы проезжали мимо каменных крепостей, где некогда жили римские воины. Крыши давно исчезли, а сами здания превратились в логова лисиц и гнезда воронов, но в одном из таких фортов мы обнаружили голого человека с волосами до пояса. Очень старого. Он заявил, что ему семьдесят лет. Его седая борода была такой же длинной, как и спутанные белые волосы. Старик был, на мой взгляд, жалким созданием – сплошные кожа, кости да грязь, но Виллибальд и те семеро церковников, которых я освободил, опустили перед ним на колени, потому что, оказывается, это был знаменитый отшельник.

– Он бывший епископ, – благоговейно сказал мне Виллибальд после того, как мы получили благословение тощего старика. – Он был богатым и уважаемым человеком, имел жену и слуг, но оставил все это, чтобы в уединении поклоняться Богу. Это великий святой.

– Или просто безумец, – предположил я. – А может, его жена была злобной шлюхой и выгнала его из дома.

– Он дитя Бога, – с упреком возразил Виллибальд. – И со временем его объявят святым.

Хильда спешилась и вопросительно посмотрела на меня, словно спрашивая моего дозволения приблизиться к отшельнику. Она явно хотела, чтобы тот ее благословил, а потому безмолвно взывала ко мне. Но я считал, что это ее личное дело, поэтому только пожал плечами, и Хильда опустилась на колени перед чумазым вонючим стариком. Он злобно уставился на молодую женщину, почесал в промежности, а потом нарисовал знак креста на обеих ее грудях, крепко нажимая когтистыми пальцами, чтобы почувствовать ее соски, и все это время притворяясь, будто благословляет ее. Мне захотелось хорошенько пнуть старого ублюдка, чтобы он немедленно стал мучеником. Но Хильда плакала от избытка чувств, когда он скреб ее волосы, а затем, пуская слюни, проблеял какую-то молитву. Видно было, что она благодарна ему до глубины души.

Отшельник зло посмотрел на меня и протянул грязную лапу, словно ожидал, что я дам ему денег, но вместо этого я показал ему молот Тора, и он сквозь два желтых зуба прошипел в мою сторону проклятие.

А потом мы оставили старца торфяникам, небу и его молитвам.

Вскоре я распрощался с Болти. К северу от стены он был более или менее в безопасности, ибо то были земли Беббанбурга и их патрулировали всадники Эльфрика и датчан, живших в моих владениях.

Мы отправились вдоль стены на запад. Теперь я возглавлял отряд, состоящий из отца Виллибальда, Хильды, короля Гутреда и семи освобожденных священников. Я сумел разбить оковы Гутреда, и на запястьях короля-раба, ехавшего теперь на лошади Виллибальда, красовались два железных браслета, с которых свисало несколько заржавленных звеньев цепи. Он без умолку болтал со мной.

– Что мы сделаем, – сказал он на второй день нашего путешествия, – так это поднимем армию в Камбреленде, а потом перевалим через холмы и захватим Эофервик.

– А дальше что? – сухо спросил я.

– Пойдем на север! – воскликнул он с энтузиазмом. – На север! Сначала возьмем Дунхолм, а потом захватим Беббанбург. Как тебе такая перспектива, а?

Я сообщил Гутреду свое настоящее имя и признался, что я законный лорд Беббанбурга. Однако, на мой взгляд, взять Беббанбург было просто невозможно.

– Непрístupная крепость, да? – отозвался Гутред. – Вроде Дунхолма? Ничего, мы что-нибудь придумаем. Но, конечно, сперва нам придется разделаться с Иваром.

Он сказал это таким тоном, словно Ивар вовсе не был самым могущественным датчанином в Нортумбрии и расправиться с ним было парой пустяков.

– Итак, мы покончим с Иваром, – продолжил Гутред, и тут лицо его внезапно просветлело. – Или, может, Ивар признает меня королем? У него есть сын, а у меня есть сестра, которая уже достигла брачного возраста. Они ведь смогут вступить в брак?

– Если только твоя сестра уже не вышла замуж, – вставил я.

– Не могу себе представить, чтобы хоть кто-нибудь захотел взять ее в жены, – отозвался Гутред. – У нее кобылья морда.

– Кобылья или нет, но не забывай: она дочь Хардакнута. И заключить брак с ней очень выгодно.

– Возможно, и было выгодно раньше, пока был жив мой отец, – с сомнением проговорил

Гутред. – Но сейчас?

– Сейчас король – ты, – напомнил я ему.

Откровенно говоря, я сильно в этом сомневался, но Гутред верил в то, что он король, и я ему потакал.

– Это верно! – кивнул он. – Выходит, найдутся желающие жениться на Гизеле, так? Несмотря на ее внешность?

– Твоя сестра и вправду похожа на кобылу?

– У нее сильно вытянутое лицо, – ответил Гутред, скорчив гримасу, – но вообще-то, Гизела не такая уж уродина. И ей пора замуж! Моей сестре, должно быть, исполнилось пятнадцать или шестнадцать! Думаю, мы должны выдать ее за сына Ивара. Таким образом, с Иваром будет заключен союз, и он поможет нам справиться с Кьяртаном, ну а потом мы разберемся со скоттами. И еще, конечно, придется позаботиться о том, чтобы эти негодяи из Страт-Клоты не доставляли нам хлопот, так?

Я согласно кивнул.

– Они убили моего отца, понимаешь? – продолжал Гутред. – И сделали меня рабом! – Он ухмыльнулся.

Хардакнут, отец Гутреда, был датским ярлом, который обосновался в Кайр-Лигвалиде – главном городе Камбреленда. Хардакнут назвал себя королем Нортумбрии, что, на мой взгляд, свидетельствовало о его непомерных амбициях и было просто смешно, но к западу от холмов случаются странные вещи. Там человек, если захочет, вполне может заявить, что он король Луны, потому что никто за пределами Камбреленда даже не заметит этого. Хардакнут не представлял собой никакой угрозы более могущественным правителям, жившим вокруг Эофривика. Честно говоря, он вообще почти ни для кого не представлял угрозы, потому что Камбреленд был местом диким и печальным. На него вечно совершали набеги норвежцы из Ирландии и еще более дикие и ужасные воины из Страт-Клоты, чей повелитель, Эохайд, называл себя королем Шотландии. У Эохайда этот титул оспаривал Аэд, который сейчас сражался с Иваром.

Мой отец обычно говаривал: «Наглость скоттов безгранична». И у него были причины так говорить, потому что скотты заявляли права на большую часть беббанбургских земель, и, пока не пришли датчане, наша семья вечно сражалась против северян. Еще будучи ребенком, я узнал, что в Шотландии есть много племен, но два племени, обитавшие ближе всего к Нортумбрии, и были, собственно, скоттами, которыми правил Аэд. Дикари же из Страт-Клоты, жившие на западном берегу, никогда не приближались к Беббанбургу. Они совершали набеги на Камбреленд, и Хардакнут решил наказать их. Он повел свою маленькую армию в их холмы, где Эохайд из Страт-Клоты устроил ему засаду, а потом наголову разбил. Гутред участвовал в том походе вместе с отцом и попал в плен, после чего целых два года был рабом.

– Почему тебе сохранили жизнь? – заинтересовался я.

– Эохайд должен был меня убить, – ответил Гутред жизнерадостно, – но сперва он не знал, кто я такой, а к тому времени, как это выяснил, ему уже расхотелось убивать. Поэтому он просто пнул меня несколько раз и объявил, что я буду его рабом. Ему нравилось наблюдать, как я чищу нужники. Я был домашним рабом, понимаешь? И это – еще одно оскорбление.

– Быть домашним рабом – оскорбление?

– Это работа для женщин, – объяснил Гутред, – но зато я постоянно был в обществе девушек. А это, скажу тебе, очень даже неплохо.

– Но в конце концов ты все-таки сбежал от Эохайда?

– Ничего подобного. Меня купил Гелгилл. Он заплатил за меня много денег! – В голосе Гутреда прозвучала гордость.

– И Гелгилл собирался продать тебя Кьяртану? – спросил я.

– Да нет же! Он хотел продать меня священникам из Кайр-Лигвалида! – Гутред кивнул на семерых церковников, которых я спас вместе с ним. – Видишь ли, они столковались о цене, но потом Гелгилл потребовал еще больше денег, а когда он встретился со Свеном, тот, само собой, не позволил, чтобы сделка состоялась. Он захотел, чтобы я отправился вместе с ним в Дунхолм, а Гелгилл сделал бы все, что угодно, для Свена и его отца... Так что все мы были обречены, и тут появился ты.

Поначалу рассказ Гутреда меня озадачил. Однако, потолковав со священниками и расспросив их об отце Гутреда, я постепенно сложил воедино разрозненные куски истории. Гелгилл, известный по обе стороны границы работороговец, выкупил Гутреда у Эохайда, заплатив громадную сумму не потому, что юноша того стоил, но потому, что священники наняли Гелгилла для совершения этой сделки.

– Две сотни серебряных слитков, восемь волов, два мешка солода и серебряный горн – такова была моя цена, – радостно объявил мне Гутред.

– Неужели Гелгилл заплатил так много? – удивился я.

– Он не платил. Заплатили священники. А Гелгилл только устроил сделку.

– За тебя заплатили священники?

– Должно быть, они вытряхнули все серебро Камбреленда, – гордо заявил Гутред.

– И Эохайд согласился тебя продать?

– За такую-то цену? Конечно согласился! Почему бы и нет?

– Но он же убил твоего отца. И ты наверняка захочешь отомстить Эохайду. Он это знает.

– Эохайд испытывал ко мне расположение, – сказал Гутред.

Я счел это весьма вероятным, потому что Гутред был чертовски обаятелен. Этот юноша так радостно встречал каждый новый день, как будто не ждал от него ничего, кроме счастья, и в его компании жизнь каким-то чудесным образом казалась ярче и привлекательнее.

– И все равно Эохайд заставлял меня чистить нужники, – признался Гутред, продолжая свою историю. – Правда, он перестал пинать меня каждый раз, когда я это делал. И еще ему нравилось со мной разговаривать.

– О чем?

– Да обо всем! О богах, о погоде, о рыбной ловле, о том, как делать хороший сыр, о женщинах, – мало ли интересных тем. И еще он решил, что я не воин... Да я и вправду неважный воин. Но теперь, когда я вновь стал королем, волей-неволей придется быть воином, хотя мне это не очень по нраву. Эохайд заставил меня поклясться, что я никогда не стану воевать против него.

– И ты поклялся?

– Конечно! Он мне нравится. Само собой, я буду угонять его скот и убивать всех людей, которых он станет посылать в Камбреленд, но это же не война, верно?

Значит, вот как было дело. Эохайд взял собранное церковниками серебро, и Гелгилл купил у него Гутреда, чтобы увезти на юг, в Нортумбрию. Но вместо того чтобы отдать юношу священникам, Гелгилл забрал его на восток. Он нарушил условия сделки, рассудив, что сможет получить больше денег, если продаст Гутреда Кьяртану. Священники и монахи последовали за Гелгиллом, умоляя его отпустить Гутреда, и тут повстречались со Свеном, который тоже не захотел упустить свою выгоду. Освобожденный раб оказался сыном Хардакнута, а стало быть,

законным наследником земли в Камбреленде, значит за него можно было потребовать выкуп – большой мешок серебра. Свен собирался забрать Гутреда в Дунхолм, где, без сомнения, убил бы всех священников.

И тут появился я, Торкильд Прокаженный, и теперь Гелгилл был мертв, Свен унижен и запуган, а Гутред обрел свободу.

Во всей этой истории я не понимал лишь одного: с какой стати семеро саксонских священников явились из Кайр-Лигвалида, чтобы заплатить целое состояние за выкуп Гутреда, который был не только датчанином, но и язычником. Я спросил об этом самого Гутреда.

– Да ведь я же их король, – ответил он, словно удивляясь, что я не понимаю таких простых вещей, – хотя я, честно говоря, даже и не мечтал стать королем после того, как Эохайд взял меня в плен. Но если этого хочет христианский бог, кто я такой, чтобы спорить?

– Выходит, ты нужен их богу? – недоверчиво спросил я, взглянув на семерых священников, которые явились в такую даль, чтобы освободить Гутреда.

– Я нужен их богу, – серьезно подтвердил юноша, – потому что я избранный. Как ты думаешь, я должен стать христианином?

– По-моему, нет.

– А я думаю, что должен, – проговорил он, не обратив внимания на мой ответ. – Просто чтобы выказать свою благодарность. Боги не любят неблагодарности, верно?

– Что они любят, так это хаос, – заметил я.

И похоже, сейчас боги были счастливы.

* * *

Кайр-Лигвалид был жалким местечком. Норвежцы разграбили и сожгли его два года тому назад, вскоре после того, как отец Гутреда был убит скоттами, и с тех пор город не отстроили даже наполовину. То, что от него осталось, располагалось на северном берегу реки Хеден и уцелело именно потому, что было построено у первой же переправы через реку, дававшей какую-никакую защиту от мародерствовавших скоттов. Однако от кораблей викингов река защитить не могла, и те свободно поднимались по Хедену: забирали все, что могли, насиловали всех, кого хотели, убивали тех, кого не хотели насиловать, и захватывали всех выживших, обращая их в рабов.

Эти викинги являлись из поселений в Ирландии. Они были врагами саксов, ирландцев, скоттов, а подчас и своих дальних сородичей датчан. И они никогда не соседствовали с датчанами в Кайр-Лигвалиде.

Миновав сломанные ворота, мы въехали в разрушенный город. Стустились сумерки, шедший весь день дождь наконец-то утих, и на западе сквозь облака пробился красный солнечный луч. Мы направлялись прямо навстречу солнечному свету, который отражался от моего шлема, украшенного на гребне серебряным волком. Солнце сияло на моей кольчуге, блестело на моих браслетах и рукоятках обоих мечей. Кто-то из зевак вдруг выкрикнул, что я король. Да я и выглядел как король. Я ехал верхом на Витнере, тот мотал огромной головой и рыл копытами землю, а я был облачен в сияющие военные доспехи.

Кайр-Лигвалид был полон народа. Здесь и там встречались заново отстроенные дома, но большинство людей жили на обугленных руинах вместе со своим скотом. И их было слишком много, чтобы все они были выжившими во время прежних набегов норвежцев.

Оказалось, что это жители Камбреленда, которых привели в Кайр-Лигвалид их священники и господа, пообещав, что именно сюда явится новый король.

А теперь с востока в город въехал воин в блестящих доспехах и на огромном сером коне, и в кольчуге этого воина отражался блеск заходящего солнца.

– Король! – воскликнул кто-то, и другие голоса подхватили этот крик.

Из разрушенных домов и примитивных убежищ начали выбираться люди, чтобы посмотреть на меня. Виллибальд пытался их уговорить, но был не в силах перекричать толпу. Поднялся страшный шум. Я подумал, что Гутред сейчас начнет протестовать, но вместо этого он натянул на голову капюшон плаща, став похожим на одного из церковников, которые старались не отстать от нас среди напирющей со всех сторон толпы. Когда мы проезжали мимо, люди опускались на колени, потом вскакивали и следовали за нами.

Хильда смеялась, и я взял ее за руку, чтобы она ехала рядом со мной, как королева. Расходящаяся толпа сопровождала нас до длинного, низкого холма, на вершине которого красовался недавно отстроенный большой дом.

Когда мы подъехали ближе, я увидел, что это церковь. Из ее дверей выходили священники и монахи, чтобы нас поприветствовать.

В Кайр-Лигвалиде царило настоящее безумие. Правда, не такое, что привело к кровопролитию в Эофервике, но все-таки безумие. Женщины плакали, мужчины что-то громко кричали, дети изумленно таращили глаза. Матери подносили ко мне малышей, как будто мое прикосновение могло их исцелить.

– Ты должен остановить их! – Виллибальд ухитрился добраться до меня и вцепился в мое правое стремя.

– Зачем?

– Но ведь эти люди ошибаются. Настоящий король – Гутред!

Я улыбнулся священнику.

– А вдруг, – медленно проговорил я, как будто эта мысль только что пришла мне в голову, – вдруг мне предназначено стать королем вместо него?

– Утрэд! – изумленно выдохнул Виллибальд.

– Почему бы и нет? – спросил я. – Мои предки были королями.

– Но король – Гутред! – запротестовал священник. – Его имя назвал аббат!

А теперь я должен вам кое-что объяснить.

Разрушенный Кайр-Лигвалид был прибежищем лисиц и воронов, когда аббат Эадред из Линдисфарены перевалил через здешние холмы. Линдисфарена – монастырь неподалеку от Беббанбурга, он находится на берегу в восточной части Нортумбрии, в то время как Кайр-Лигвалид лежит на ее западном краю. Так вот, аббат, которого выгнали из Линдисфарены набеги датчан, явился в Кайр-Лигвалид и построил тут новую церковь, ту самую, к которой мы сейчас и подъехали.

А потом аббат увидел вещий сон. Сейчас, конечно, каждый нортумбриец знает историю о том, как святой Кутберт рассказал о короле Гутреде аббату Эадреду, явившись тому во сне. Но в тот день, когда Гутред появился в Кайр-Лигвалиде, это все показалось мне лишь очередным безумием, словно бы весь мир вокруг сошел с ума.

Люди окликали меня, величали королем, и наконец Виллибальд, не выдержав, повернулся и прокричал Гутреду:

– Вели им немедленно прекратить!

– Но людям нужен король, – возразил Гутред, – а Утрэд похож на короля. Пусть у них хоть на недолгое время будет король.

Несколько молодых монахов, вооружившись посохами, отогнали возбужденных людей от дверей церкви. Эадред пообещал толпе чудо, и люди вот уже много дней ожидали появления короля. А потом вдруг с востока, в блеске и величии воинской славы, явился я. Что уж тут скромничать – таков я есть и таким был всегда. Всю жизнь я следовал тропой меча. При малейшей возможности – а таких возможностей мне выпало немало – я предпочту обнажить меч, а не пускать в ход слова, потому что именно так поступают настоящие воины.

Но большинство местных мужчин, не говоря уж про женщин, не были бойцами. Эти люди жаждали мира. Они хотели растить детей, пахать землю и собирать урожай, поклоняться богу,

любить своих близких, а еще они хотели, чтобы их оставили в покое. Однако такова уж была наша общая судьба – родиться во времена, когда всем правит жестокость.

Пришли датчане, и на наших землях началась разруха. Повсюду на побережьях появлялись длинные корабли с выгнутыми носами, и чужестранцы спускались с них, чтобы грабить, воровать, убивать и захватывать людей в рабство. В Камбреленд, который был самой дикой частью саксонских земель, пришли и датчане, и норвежцы, и скотты, так что никто здесь не жил в мире.

Я понял, что породило безумие. А чего же ждать, когда ты вдребезги разбиваешь мечты людей, уничтожаешь их дома, выгаптываешь их посева, насилуешь их дочерей и захватываешь в рабство их сыновей?!

Когда миру придет конец, когда боги будут сражаться друг с другом, все человечество упадет в великое исступление, и реки наполнятся кровью, и небо огласится страшными воплями, и огромное древо жизни Иггдрасиль рухнет с таким треском, что он будет слышен даже на самой далекой звезде, но этот час еще не настал. А тогда, в 878 году, я был молод, и безумие, что царило в Кайр-Лигвалиде, показалось мне не столь уж и страшным.

То было безумие надежды и веры, что король, явившийся во сне церковнику, наконец-то покончит со страданиями своих подданных.

Аббат Эадред ждал перед строем монахов и, когда мой конь подъехал ближе, воздел руки к небу. Это был высокий седой старик, осунувшийся и свирепый, с ястребиным взглядом. Как ни странно это выглядело для священника, у его пояса висел меч. Сначала он не видел моего лица, потому что его скрывали нащечники шлема, но, даже когда я снял шлем, аббат все еще думал, что я король.

Эадред уставился на меня снизу вверх, воздел руки к небесам, как бы благодаря их, а затем низко поклонился мне.

– Господин король, – произнес он гулким голосом.

Монахи попадали на колени и тоже уставились на меня снизу вверх.

– Господин король, – снова прогудел аббат Эадред, – добро пожаловать!

– Господин король, – эхом отозвались монахи, – добро пожаловать!

Мне стало интересно, что будет дальше. Эадред, помнится, выбрал в короли именно Гутреда, потому что святой Кутберт показал ему во сне сына Хардакнута. Однако теперь аббат думал, что король – я, и это означало, что никакой Кутберт ему никогда не являлся и что Эадред – лживый ублюдок. А может, святой Кутберт обманул аббата? Но в любом случае это чудо (а сон Эадреда всегда потом вспоминали как настоящее чудо) выглядело весьма и весьма подозрительно.

Помнится, как-то впоследствии я рассказал одному священнику всю эту историю, и тот наотрез отказался мне верить. Он зашипел на меня, перекрестился и ринулся прочь, чтобы прочесть молитвы. Вся дальнейшая жизнь Гутреда прошла под знаком того, что святой Кутберт явился во сне аббату, а ведь на самом-то деле Эадред не узнал короля. Однако нынче никто мне не верит.

Виллибальд, конечно, танцевал вокруг, как человек, в штаны которого залетели две осы, пытаюсь исправить ошибку аббата. Поэтому мне пришлось хорошенько стукнуть священника по голове, чтобы заставить его утихнуть. Разобравшись с ним, я показал на Гутреда, который к тому времени снял капюшон.

– Вот ваш король, – сказал я Эадреду.

На одно биение сердца аббат не поверил мне, но потом понял, что я говорю правду, – и на его лице отразился безмерный гнев. Оно исказилось от безумной ярости, потому что он понял, даже если этого пока и не сообразил никто другой, что ему полагалось бы узнать Гутреда, которого он видел во сне. Однако Эадред сумел взять себя в руки, поклонился Гутреду и

повторил приветствие, на которое мой спутник ответил со своей обычной жизнерадостностью. Двое монахов поспешили принять лошадь Гутреда, и тот спешил. Его повели в церковь.

Мы, остальные, последовали за ними, как только смогли. Я приказал нескольким монахам придержать Витнера и кобылу Хильды. Они заартачились было, поскольку им хотелось присутствовать в церкви, но я сказал, что раскрою их бритые головы, если лошади пропадут, и монахи волей-неволей подчинились.

В церкви было темно. На алтаре горели свечи, другие свечи стояли на полу нефа, где большая группа монахов кланялась и распевала псалмы, но маленькие дымные огоньки едва разгоняли густой мрак.

Церковь оказалась не очень-то роскошной. Она была большой, больше той, что Альфред возвел в Винтанкестере, но эту строили в спешке, складывая ее стены из необработанных бревен. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что крыша неровная, крытая грубой соломой.

Здесь собрались примерно пятьдесят или шестьдесят церковников и вдвое меньше танов... То были богатейшие люди округи, окруженные своими приближенными, и я с любопытством заметил, что одни из них носят на шее кресты, а другие – языческие молоты.

Хотя в церкви смешались датчане и саксы, но они не враждовали друг с другом. Они собрались вместе, чтобы поддержать Эадреда, который пообещал им дарованного богом короля.

И еще в церкви была Гизела.

Я почти сразу заметил ее, высокую темноволосую девушку с вытянутым и очень суровым лицом. На ней были серый плащ и длинная сорочка, поэтому сперва я принял ее за монахиню, но потом увидел серебряные браслеты и тяжелую брошь, скреплявшую плащ у шеи. Ее большие глаза сияли, но лишь потому, что девушка плакала.

То были слезы радости. Когда Гутред увидел сестру, то тут же подбежал к ней, и они обнялись. Он крепко сжал Гизелу, потом сделал шаг назад, держа ее за руки, и я увидел, что девушка плачет и смеется одновременно. Гутред порывисто подвел ее ко мне.

– Моя сестра, – представил он ее. – Гизела.

Они все еще держались за руки.

– Я свободен благодаря господину Утреду, – сказал король Гизеле.

– Спасибо тебе, – обратилась девушка ко мне, и я ничего не ответил.

Я прекрасно сознавал, что рядом со мной стоит Хильда, но просто не мог оторвать глаз от Гизелы. Сколько ей тогда было – пятнадцать? Шестнадцать? Но она точно была не замужем, потому что ее черные волосы все еще были распущены.

Что там рассказывал мне ее брат? Якобы у Гизелы кобыльи морда? Вот ерунда! Я подумал, что у нее лицо из снов, лицо, способное воспламенить само небо, лицо, которое лишает покоя мужчин. Прошло столько лет, а я все еще мысленно вижу его. Вытянутое, с удлиненным носом и темными глазами, взгляд которых порой казался отсутствующим, а порой – сверкал озорством. В тот самый момент, когда Гизела впервые посмотрела на меня, я пропал. Три пряхи, что плетут нити нашей судьбы, послали ее мне, и я знал, что теперь моя жизнь переменится.

– Надеюсь, ты еще не вышла замуж? – тревожно спросил сестру Гутред.

Она прикоснулась к своим волосам, все еще распущенным: будь Гизела замужем, они были бы заплетены в косы.

– Конечно нет, – ответила она, по-прежнему глядя на меня. Потом повернулась к брату. – А ты женился?

– Нет, – сказал он.

Девушка посмотрела на Хильду, снова на меня, и тут аббат Эадред подошел, чтобы торопливо отвести Гутреда в сторону, а Гизела вернулась к женщине, которая за ней присматривала.

Напоследок она бросила на меня взгляд через плечо... Я все еще вижу эту сцену, эти опущенные веки. Гизела слегка споткнулась, когда обернулась, чтобы напоследок улыбнуться мне.

- Хорошенькая девушка, – проговорила Хильда.
- Лично я предпочитаю хорошеньких женщин, – ответил я.
- Тебе нужно жениться, – заметила она.
- Вообще-то, я уже женат, – напомнил я, и это была правда.

У меня и впрямь была жена в Уэссексе, жена, которая меня ненавидела. Но Милдрит стала монахиней, поэтому я не знал, считает ли она своим мужем меня или Христа – да это меня и не заботило.

- Тебе понравилась эта девушка, – сказала Хильда.
- Мне нравятся все девушки, – уклончиво отозвался я.

Я потерял Гизелу из виду, когда толпа подалась вперед, чтобы наблюдать за церемонией.

Аббат Эадред снял со своего пояса меч и подвесил его к оборванному одеянию Гутреда. Потом он набросил на плечи юноше новый прекрасный королевский плащ зеленого цвета, подбитый мехом, и возложил на светлые волосы бронзовый обруч. Все это время монахи пели; они продолжали распевать и тогда, когда Эадред повел Гутреда вокруг церкви, чтобы короля могли увидеть все.

Аббат держал короля за правую руку, высоко ее подняв, и, без сомнения, многие недоумевали, почему это у нового правителя с запястий свисают рабские цепи.

Люди опускались перед королем на колени. Гутред знал многих датчан, которые были приверженцами его отца, и со счастливым видом приветствовал их. Он хорошо играл роль короля, потому что был умным и добродушным, но я видел на его лице удивление. Интересно, верил ли он сам в то, что он и вправду король? Думаю, Гутред смотрел на все это как на очередное приключение, да и наверняка это было лучше, чем чистить нужники у Эохайда.

Затем Эадред провел службу, которая оказалась благословенно короткой, несмотря на то что он говорил и на английском, и на датском. Его датский был плох, но его хватило, чтобы сообщить подданным Гутреда, что Бог и святой Кутберт выбрали нового короля, и вот он здесь, а за ним неизбежно должна воссиять слава. Потом аббат повел Гутреда к свечам, горевшим в центре церкви, и монахи, собравшиеся вокруг этих дымящихся огоньков, торопливо расступались, давая дорогу новому правителю. Я увидел, что они собрались вокруг трех сундуков, которые, в свою очередь, были окружены маленькими огоньками.

- А теперь новый король принесет клятву! – объявил Эадред собравшимся в церкви.

Христиане снова опустились на колени, и некоторые из язычников-датчан неуклюже последовали их примеру.

Однако Гутред ухитрился испортить торжественный момент. Он обернулся и поискал меня глазами.

- Утред! – позвал он. – Ты тоже должен быть здесь! Иди!

Эадред с трудом сдержался. Оказывается, Гутред захотел, чтобы я был рядом, потому что его беспокоили три сундука. Позолоченные, с крышками, которые закрывались на большие металлические застёжки, они были окружены мерцающим светом свечей. Гутреду казалось, что тут затевается какое-то христианское колдовство, и он хотел, чтобы я в случае чего защитил его.

Аббат Эадред сердито посмотрел на меня.

- Король назвал тебя Утредом? – подозрительно спросил он.
- Господин Утред командует моей личной стражей, – царственно проговорил Гутред.

Это делало меня командиром несуществующих сил, но я и глазом не моргнул.

– И если мне следует принести клятву, – продолжал Гутред, – тогда этот человек должен принести ее вместе со мной.

- Значит, Утред, – ровным голосом произнес аббат Эадред.

Ему было знакомо это имя, конечно же знакомо. Он явился из Линдисфарены, где правила моя семья, поэтому произнес мое имя довольно кислым тоном.

– Я Утред Беббанбургский! – заявил я достаточно громко, чтобы услышали все в церкви, и монахи зашипели в ответ на эти мои слова.

Некоторые перекрестились, другие просто смотрели на меня с неприкрытой ненавистью.

– И давно он тебя сопровождает? – требовательно спросил Эадред у Гутреда.

– Утред меня спас, – ответил тот, – и он мой друг.

Эадред перекрестился. Он невзлюбил меня с того момента, как принял за короля, явившегося ему во сне, но теперь излучал откровенную злобу. Эадред ненавидел меня потому, что наша семья должна была охранять монастырь Линдисфарены, но монастырь этот лежал в руинах, и он, его аббат, вынужден был бежать.

– Тебя послал Эльфрик? – спросил он.

– Эльфрик, – произнес я, словно выплюнул это имя, – узурпатор, вор и глупец! Однажды я в спору его прогнившее брюхо и пошлю его к пожирателю трупов змею Нидхёггу.

Теперь уже Эадред точно знал, кто я такой.

– Ты сын господина Утреда, – сказал он.

Аббат посмотрел на браслеты на моих руках, на мою кольчугу, на мои искусно сработанные мечи и на амулет в виде молота, висевший у меня на шее.

– Ты тот самый мальчик, которого вырастили датчане.

– Я тот самый мальчик, который убил Уббу Лотброксона неподалеку от южного побережья моря, – саркастически произнес я.

– Утред – мой друг, – настойчиво повторил король.

Аббат Эадред вздрогнул, а потом слегка наклонил голову, как бы в знак того, что принимает меня в качестве товарища Гутреда.

– Ты дашь клятву верно служить королю Гутреду, – прорычал он мне.

Я сделал маленький шаг назад. Дать клятву – серьезное дело. Если я поклянусь служить королю, который был рабом, я перестану быть свободным человеком. Я стану человеком Гутреда, поклянусь умереть за него, повиноваться ему и служить ему до самой смерти, и мысль об этом уязвила меня.

Гутред заметил мои колебания и улыбнулся.

– Я дам тебе свободу, – прошептал он по-датски, и я понял, что он, как и я, видит во всей этой церемонии лишь игру.

– Ты клянешься в том? – спросил я его.

– Клянусь жизнью, – легко ответил он.

– Сейчас будут принесены клятвы! – объявил Эадред, желая вернуть атмосферу торжественности в церковь, которая теперь гудела от разговоров.

Он сердито взирал на собравшихся, пока они наконец не смолкли, потом открыл один из сундуков, тот, что поменьше. Внутри оказалась книга, обложка которой была инкрустирована драгоценными камнями.

– Это великое Евангелие Линдисфарены, – благоговейно сказал Эадред.

Он вынул книгу из сундука и поднял ее так, что драгоценности заблестели в скудном свете. Все монахи перекрестились, потом аббат протянул тяжелую книгу сопровождавшему его священнику, чьи руки тряслись, когда он принимал тяжелый том. Эадред наклонился ко второму из маленьких сундуков. Он перекрестился и только потом открыл крышку. В сундуке лежала отрубленная голова с закрытыми глазами.

Гутред не смог подавить вздох удивления и отвращения. Опасаясь колдовства, он взял меня за руку.

– Это сам святой Освальд, – заявил Эадред. – Некогда король Нортумбрии, а теперь – святой, больше всего любимый всемогущим Богом. – Голос аббата дрожал от охвативших его чувств.

Гутред отступил подальше от отрубленной головы, но я высвободил руку и шагнул вперед, чтобы посмотреть на голову Освальда. Когда-то он был повелителем Беббанбурга и королем Нортумбрии, но то было две сотни лет тому назад. Освальд погиб в битве с мерсийцами, которые изрубили его на куски, и я гадал, каким образом его голову спасли из склепа, куда свалили побежденных. Голова как будто была без шрамов, хотя щеки ее сморщились, а кожа потемнела. Волосы были длинными и спутанными, шея пряталась под клочком желтоватой льняной ткани. Бронзовый обруч служил Освальду короной.

– Возлюбленный наш святой Освальд, – сказал Эадред, крестясь, – защити нас, покажи нам истинный путь и молись за нас!

Губы древнего короля так сморщились, что виднелись зубы, похожие на желтые колышки. Монахи, стоявшие на коленях ближе всего к Освальду, раскачивались в молчаливой жаркой молитве.

– Святой Освальд, – объявил Эадред, – воин Господа, и раз он на нашей стороне, никто не сможет выстоять против нас.

Аббат шагнул мимо головы мертвого короля к последнему, самому большому из сундуков. В церкви воцарилась тишина.

Христиане, конечно, сознавали, что, предъявив реликвии, Эадред призвал небесные силы, чтобы те стали свидетелями клятвы. Ну а язычники-датчане, хотя и не понимали в точности, что происходит, испытывали благоговейный страх перед колдовством, которое, по их мнению, сейчас вершилось в большой церкви. И они чувствовали, что сейчас колдовства будет еще больше, потому что монахи расprostерлись ниц на земляном полу, а Эадред молча вознес молитвы рядом с последним сундуком. Он молился долго, сцепив руки, его губы шевелились, а глаза были воздеты к стропилам, под которыми порхали воробьи. Но вот наконец аббат расстегнул тяжелые бронзовые застёжки последнего сундука и поднял большую крышку.

В большом сундуке лежал труп. Труп, завернутый в льняную ткань. Но я достаточно ясно видел очертания тела. Гутред снова взял меня за руку, как будто я мог защитить его от колдовства Эадреда. Тем временем аббат осторожно развернул ткань, под которой оказался мертвый епископ в белом одеянии. Лицо его закрывал маленький белый квадратный лоскуток, вышитый золотой нитью. Вокруг шеи виднелся вышитый монашеский наплечник; помятая митра свалилась с головы. Золотой крест, украшенный гранатами, наполовину скрывали руки, молитвенно сложенные на груди. На одном из сморщенных пальцев сияло кольцо с рубином.

Некоторые монахи задохнулись, как будто не могли выдержать святой силы, исходящей от трупа, и даже Эадред притих. Он прикоснулся лбом к краю гроба, потом выпрямился и посмотрел на меня.

– Ты знаешь, кто это? – спросил он.

– Нет.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – проговорил аббат и снял клочок материи с головы покойника, обнажив пожелтевшее лицо, покрытое темными пятнами.

– Это святой Кутберт, – сказал Эадред с оттенком благоговейного страха в голосе. – Самый благословенный, самый любимый святой. О всеблагой Господь, – он качнулся вперед и упал на колени, – это сам святой Кутберт!

До десяти лет меня воспитывали на историях о святом Кутберте. Я узнал, как он учил морских котиков петь псалмы, как орлы приносили еду на маленький остров Беббанбург, где он жил в уединении. Святой Кутберт мог усмирять шторма своими молитвами и спас бесчисленное множество моряков. Ангелы приходили в его жилище, чтобы поговорить с ним. Однажды он спас целую семью, приказав пламени, пожиравшему их дом, вернуться в ад, и огонь чудес-

ным образом погас. Обычно святой Кутберт заходил в зимнее море, пока вода не достигала его шеи, и проводил там всю ночь, молясь, а потом возвращался на берег на рассвете, и его монашеское одеяние оставалось сухим. Он извлекал воду из потрескавшейся земли во время засухи и, когда птицы таскали только что посеянные зерна ячменя, приказывал им вернуть украденное, и птицы повиновались.

Так мне говорили.

Этот самый Кутберт, без сомнения, был самым великим святым Нортумбрии, нашим небесным покровителем, тем, кому полагалось молиться, чтобы он прошептал наши молитвы в ухо Богу. И вот он лежит здесь в резном позолоченном еловом сундуке, растянувшись на спине, с зияющими ноздрями, слегка приоткрытым ртом, запавшими щеками и пятью желто-черными зубами, с которых отслоились десны, так что зубы смахивают на клыки, причем один клык сломан. Глаза его были закрыты.

Моя мачеха владела гребнем святого Кутберта и любила рассказывать мне, что нашла на зубцах реликвии несколько волос святого, помнится, те волосы были цвета чистейшего золота. Однако волосы этого человека были черными как деготь, длинными, прямыми, зачесанными назад с высокого лба, с монашеской тонзуры.

Эдред осторожно поправил митру, потом наклонился и поцеловал кольцо с рубином.

– Вы видите, – хриплым от избытка чувств голосом проговорил он, – что святая плоть не тронута тлением. – Он помедлил, чтобы погладить руки святого. – И это явное чудо и несомненный знак святости. – Аббат снова наклонился и поцеловал святого прямо в раскрытые, сморщенные губы. – О наисвятейший Кутберт, – стал он молиться вслух, – укажи нам истинный путь, приведи нас к твоей славе во имя Того, Кто умер за нас, по правую руку от Кого ты восседаешь теперь в сияющей вечности. Аминь.

– Аминь! – хором отозвались монахи.

Те, кто находился ближе, встали с пола, чтобы увидеть чудесным образом избежавшего тления святого, и большинство из них плакали, глядя на его желтоватое лицо.

Эдред снова посмотрел на меня.

– В этой церкви, молодой человек, – сказал он, – находится средоточие духовности Нортумбрии. Здесь, в этих сундуках, – наша слава, наши чудеса, наши сокровища, именем которых мы говорим с Богом, когда просим у него защиты. Пока эти драгоценные святые реликвии в безопасности, мы тоже в безопасности, и некогда... – Он встал, произнес последнее слово, и голос его стал звучать все тверже. – Некогда все эти святые реликвии защищали повелители Беббанбурга, но они не смогли их защитить! Пришли язычники, монахи были зверски убиты, а мужчины Беббанбурга трусливо спрятались за стенами крепости, вместо того чтобы двинуться на убийц-язычников. Но наши святые предки спасли эти вещи, и с тех пор мы странствовали, скитались по диким землям, неся с собой эти реликвии. И однажды мы построим великую церковь, и реликвии сии будут сиять по всей святой земле! По земле, куда я привел этих людей!

Он махнул рукой, показывая на народ, ожидавший снаружи.

– Бог послал мне армию! – прокричал аббат. – И эта армия одержит славную победу, но поведу ее не я! Бог и святой Кутберт ниспослали мне сон, в котором показали короля, что заберет нас всех в обетованную землю. Мне показали короля Гутреда!

Он встал и поднял вверх руку Гутреда, что вызвало аплодисменты собравшихся.

Вид у Гутреда был скорее удивленный, чем царственный, а я просто рассматривал мертвого святого.

Кутберт был аббатом и епископом Линдисфарены, острова, расположенного к северу от Беббанбурга, и почти две сотни лет его тело пролежало в усыпальнице на этом острове, пока набеги викингов не стали слишком грозными. Тогда, чтобы спасти святой труп, монахи забрали мертвеца и с тех пор странствовали по Нортумбрии. Эдред не любил меня, потому что моя семья не смогла защитить святые реликвии, но сила Беббанбурга была в том, что он

стоял на исхлестанной морем скале, и только глупец отдал бы гарнизону крепости приказ спуститься вниз, чтобы сражаться. И, доведись мне выбирать: удержать Беббанбург, бросив на произвол судьбы эти реликвии, или защищать их, я предпочел бы первое. Разве можно сравнивать трупы каких-то святых с неприступной крепостью вроде Беббанбурга.

– Узрите! – закричал Эадред, вновь поднимая руку Гутреда. – Вот король Халиверфолкланда!

Король чего? Я подумал, что ослышался, но нет. Эадред пояснил, что Халиверфолкланд означает «Земля Святых Людей». Так аббат назвал королевство Гутреда. Может, Кутберт и был великим святым, но кто бы ни стал королем этой земли, он окажется овцой среди волков. Под волками я подразумевал Ивара, Кьяртана и своего дядю. У этих троих имелись вполне реальные армии опытных воинов, в то время как Эадред надеялся создать королевство своих снов. Я не сомневался, что порожденные его снами овцы в конце концов будут задраны волками.

Однако в тот момент Кайр-Лигвалид был для меня самым подходящим убежищем в Нортумбрии, потому что моим врагам пришлось бы пересечь холмы, чтобы меня найти. И кроме того, меня захватило такого рода безумие. Ибо оно вело к изменениям, которые дают возможность, а возможность дарует богатство.

– А теперь, – произнес Эадред, отпустив руку Гутреда и повернувшись ко мне, – ты поклянешься в верности нашему королю и его королевству.

Гутред подмигнул мне, и я послушно опустил на колени и протянул правую руку, но Эадред раздраженно отбросил ее в сторону.

– Ты дашь клятву святому, – прошипел он.

– Это как?

– Положи свои руки на святейшие руки святого Кутберта, – приказал аббат, – и повторяй за мной.

Я положил руки на пальцы святого Кутберта и почувствовал под своими пальцами большой рубин. Я повернул драгоценность – просто чтобы увидеть, прочно ли вставлен камень и не выскочит ли он, но кольцо оказалось сработано на совесть.

– Я клянусь быть твоим человеком, – сказал я трупу, – и служить тебе верой и правдой.

Я снова попытался повернуть кольцо, но мертвые пальцы окоченели, и рубин не сдвинулся.

– Ты клянешься в этом своей жизнью? – сурово спросил Эадред.

Я опять дернул кольцо, но оно не поддавалось.

– Клянусь своей жизнью, – уважительно сказал я.

Никогда еще я не давал клятву так легко. Спрашивается, чем может связать тебя клятва, данная мертвецу?

– И ты клянешься верой и правдой служить королю Гутреду?

– Клянусь, – ответил я.

– И быть врагом его врагов?

– Клянусь.

– И ты будешь служить святому Кутберту до конца своих дней?

– Буду.

– Тогда можешь поцеловать блаженнейшего Кутберта, – сказал Эадред.

Я наклонился над краем гроба, чтобы поцеловать сложенные на груди руки.

– Нет! – запротестовал аббат. – В губы!

Я зашаркал на коленях, нагнулся и поцеловал труп в сухие, колючие губы.

– Да славится Господь! – заключил Эадред.

Потом он заставил Гутреда поклясться служить святому Кутберту, и вся церковь наблюдала, как король-раб облобызал труп. Монахи запели, и после этого простым людям, собравшимся в церкви, тоже разрешили лицезреть Кутберта.

Хильда содрогнулась, подойдя к гробу, и упала на колени. По ее лицу струились слезы, и мне пришлось поднять ее и увести.

Виллибальд тоже был охвачен избытком чувств, и его лицо просто сияло от счастья.

Я заметил, что Гизела не поклонилась трупу. Девушка рассматривала его с любопытством, но было ясно, что он для нее ничего не значит. Я решил, что она язычница. Гизела некоторое время смотрела на мертвеца, потом взглянула на меня и улыбнулась. И я подумал, что глаза ее ярче рубина на пальце святого Кутберта.

Вот так Гутред пришел в Кайр-Лигвалид. Тогда я, признаться, подумал, да и впоследствии не изменил своего мнения, что все это самая настоящая чушь. Но то была чудесная чушь, и мертвый воин сделался вассалом мертвеца, а раб стал королем.

Боги смеялись в тот день, наблюдая за нами.

* * *

Позже, много позже я понял, что делал тогда именно то, чего хотел от меня Альфред. Я помогал христианам.

В те далекие годы шли две войны. Открытая – между саксами и датчанами и тайная – между язычниками и христианами. Большинство датчан были язычниками, а большинство саксов – христианами, поэтому обе войны сливались в одну большую битву, но в Нортумбрии все это оказалось гораздо более странным и запутанным благодаря незаурядному уму аббата Эадреда.

Избрав в короли Гутреда, Эадред положил конец войне между саксами и датчанами в Камбреленде. Гутред, само собой, был датчанином, а потому камбрелендские датчане были готовы следовать за ним, но поскольку его объявил королем саксонский аббат, саксы тоже были настроены поддерживать его. Таким образом, два самых больших враждующих местных племени, саксы и датчане, объединились. В Камбреленде также все еще жили бритты, и немало бриттов; они тоже были христианами, и их священники велели им принять выбор Эадреда.

Понятно, что объявить кого-то королем – это только полдела, надо еще, чтобы этот король правил. Но Эадред сделал умный выбор. Гутред был не просто хорошим человеком, но вдобавок еще и сыном Хардакнута, который называл себя королем Нортумбрии. Поэтому Гутред потребовал корону, и ни один из танов Камбреленда не был достаточно могущественным, чтобы бросить ему вызов. Всем им нужен был король, потому что слишком долго они вели борьбу друг с другом и страдали от набегов норвежцев и ирландцев, от вторжений дикарей из Страт-Клоты.

Объединив датчан и саксов, Гутред теперь располагал достаточно сильным войском, чтобы противостоять этим врагам. Только один человек мог бы оспорить у Гутреда корону. Датчанин по имени Ульф, владевший землями к югу от Кайр-Лигвалида. Его богатства превосходили богатства любого другого тана Камбреленда, но Ульф был старым и хромым, и у него не было сыновей, поэтому он присягнул на верность Гутреду. Пример Ульфа склонил других датчан принять выбор Эадреда. Один за другим они преклонили перед Гутредом колени, а он приветствовал их, называя по именам, потом поднял и обнял каждого.

– Я и в самом деле должен стать христианином, – сказал он мне на следующее утро.

– Зачем?

– Я уже объяснял тебе зачем. Чтобы выразить свою благодарность. А разве тебе не полагается обращаться ко мне «мой господин»?

– Да, мой господин.

– Скажи, а это больно?

– Называть тебя «мой господин»? – изумился я.

– Нет! – засмеялся он. – Стать христианином!

– Почему это должно быть больно?

– Не знаю. Я думал, меня пригвоздят к кресту. Разве нет?

– Конечно нет, – пренебрежительно ответил я, – тебя просто искупают в воде.

– Да я в любом случае и сам моюсь, – нахмурился Гутред. – Интересно, а почему саксы не моются? Нет, тебя я не имею в виду, но большинство саксов не моются. Не то что датчане. Саксам что, нравится быть грязными?

– Во время мытья можно подхватить простуду.

– Я же не подхватил, – сказал он. – Так, говоришь, меня просто искупают в воде?

– Это называется обрядом крещения.

– И мне придется отступить от старых богов?

– Да.

– И иметь только одну жену?

– Только одну. На этот счет есть строгое правило.

Гутред поразмыслил над этим.

– И все-таки я думаю, что должен стать христианином, – сказал он, – потому что бог Эадреда – могущественный бог. Посмотри на этого мертвеца! Это ведь чудо, что он не сгнил!

Датчане были заморожены реликвиями Эадреда. Может, поначалу большинство из них и не понимали, с какой стати монахи таскали труп старика, голову мертвого короля и изукрашенную драгоценностями книгу по всей Нортумбрии, но зато сейчас они уразумели, что эти предметы священны, и это произвело на них впечатление. Священные реликвии имеют власть. Они тропа, ведущая из нашего мира к другим, огромным мирам за его пределами, поэтому еще до того, как Гутред появился в Кайр-Лигвалиде, некоторые датчане приняли крещение, чтобы пользоваться силой этих реликвий.

Сам я не христианин. В наши дни опасно делать подобные признания, потому что епископы и аббаты имеют слишком большое влияние. Куда легче притвориться верующим, чем открыто выступать против. Я был воспитан христианином, но в десятилетнем возрасте, когда меня приняли в семью Рагнара, обрел старых саксонских богов, которые также были и богами датчан и норвежцев. Поклонение им всегда имело для меня больше смысла, чем поклонение христианскому богу, который обитал где-то далеко, так далеко, что я ни разу не встречал никого, кто побывал бы в тех местах.

Другое дело Тор и Один: они бродили по нашим холмам, ночевали в наших долинах, любили наших женщин и пили воду из наших источников, поэтому казались нашими соседями. Что еще мне нравилось в старых богах – это то, что они не были одержимы нами, простыми людьми. У них имелась собственная жизнь, свои битвы и любовные похождения, и, казалось, по большей части боги просто не обращают на нас внимания.

Зато христианский бог, похоже, только тем и занимался, что строго следил за нами. Он постоянно изобретал множество всевозможных правил, и вводил запреты, и издавал новые законы, и ему требовались сотни облаченных в черное священников и монахов, чтобы убедиться в том, как мы себя ведем.

Этот бог представлялся мне довольно сварливым, хотя христианские священники и уверяли, что он нас любит. Я никогда не был настолько глуп, чтобы думать, будто Один или Хёд любят меня, хотя иногда надеялся, что они считают меня достойным воином.

Но Гутред хотел заполучить силу христианских реликвий, поэтому, к восторгу Эадреда, попросил, чтобы его окрестили. Церемонию провели на открытом воздухе, возле большой церкви. Гутреда погрузили в огромную бочку с речной водой, и все монахи при этом размахивали руками, взывая к небесам и всячески славя Господа. Потом Гутреда завернули в плащ, и Эадред короновал его во второй раз, возложив на его мокрые волосы бронзовый обруч мертвого короля Освальда. Лоб Гутреда смазали тресковым маслом, ему вручили меч и щит и попросили поцеловать сначала Евангелие Линдисфарены, а затем, в губы, святого Кутберта.

Труп вынесли на солнечный свет, чтобы вся собравшаяся толпа могла лицезреть святого. Судя по виду Гутреда, он наслаждался церемонией, и аббат Эадред был так тронут, что взял украшенный гранатами крест святого Кутберта из рук мертвеца и повесил его на шею нового короля.

Однако там крест провисел недолго. Аббат снова положил его на труп после того, как Гутреда представили его подданным – оборванцам, живущим на руинах Кайр-Лигвалида.

В ту ночь закатили пир. Правда, еды там было немного, только копченая рыба, тушенная баранина и черствый хлеб, но зато было вволю эля.

А на следующее утро я с гудящей головой отправился на первый витенагемот Гутреда. Само собой, будучи датчанином, он не привык к тому, чтобы на подобные собрания допускали всех танов и высших церковников и позволяли им высказать свое мнение. Но Эадред настоял на том, что витан² состоится и Гутред будет там заправлять.

Местом проведения витана была выбрана большая церковь. Всю ночь шел дождь, и вода просачивалась сквозь грубую солому крыши, поэтому присутствовавшим приходилось то и дело уклоняться от падающих сверху капель. В церкви не хватало кресел и стульев, поэтому мы большим полукругом уселись на застланном тростником полу вокруг Эадреда и Гутреда – те восседали на престоле рядом с открытым гробом святого Кутберта.

В витане участвовало сорок шесть человек, половина их была священниками, а вторая половина – крупнейшими землевладельцами Камбреленда, как датчанами, так и саксами. Но по сравнению с витенагемотом восточных саксов здешний казался жалким сборищем. Тут не щеголяли особым богатством. Некоторые датчане носили на руках браслеты, а несколько саксов имели изящные броши, но, по правде говоря, все это больше смахивало на сборище фермеров, чем на государственный совет.

Однако Эадреду мерещилось величие. Он начал пересказывать присутствующим новости из других частей Нортумбрии. Он знал, что там происходит, потому что получал от церковников донесения, в которых говорилось, что Ивар все еще находится в долине реки Туид, ведет ожесточенную войну с воинами короля Аэда Шотландского.

– Кьяртан Жестокий затаился в своей твердыне, – сказал Эадред, – и не выходит на бой. Значит, остается Эгберт из Эофервика, а он не отличается особой силой.

– А что насчет Эльфрика? – перебил я.

– Эльфрик Беббанбургский поклялся защищать святого Кутберта, – ответил Эадред. – И он не сделает ничего, что оскорбило бы этого святого.

Может, это и было правдой, но мой дядя наверняка потребует мою голову в награду за то, чтобы труп святого остался нетронутым.

Я больше ничего не говорил, а просто слушал Эадреда: тот предлагал создать армию и двинуться маршем через холмы, чтобы взять Эофервик.

Это предложение вызвало некоторое удивление. Присутствующие переглядывались, но Эадред ораторствовал с такой уверенностью и напором, что сначала никто не осмеливался задать ему вопрос. Все члены витана ожидали, что им велят приготовить отряды своих людей, чтобы биться с норвежскими викингами из Ирландии или чтобы отразить очередное нападение Эохайда из Страт-Клоты, но вместо этого им предлагали отправиться на далекую войну, чтобы низложить короля Эгберта.

Ульф, самый богатый датчанин Камбреленда, в конце концов не выдержал. Он был уже пожилым, лет сорока, и после частых стычек, происходивших в Камбреленде, был весь покрыт шрамами и хромал. Но он все еще мог привести Гутреду сорок или пятьдесят опытных воинов. По меркам большинства областей Британии, это было немного, но в Камбреленде пред-

---

² *Витан*, или витенагемот, – совет старейшин при короле у англосаксов.

ставлялось внушительной силой. И теперь Ульф потребовал, чтобы ему объяснили, почему он должен вести своих людей через холмы.

– В Эофервике у нас нет врагов, – заявил он. – Однако стоит нам уйти, как на наших землях мигом появится множество врагов.

Большинство датчан согласно загудели. Но Эадред знал, чем убедить присутствующих.

– В Эофервике есть огромные богатства, – сказал он.

Ульфу это понравилось, но он все еще осторожничал и потому уточнил:

– Какие богатства?

– Серебро, – пояснил Эадред, – и золото, и драгоценности.

– А женщины? – спросил кто-то.

– Эофервик просто погряз в разврате, – объявил Эадред. – Это настоящий притон дьявола, место, где живет множество похотливых женщин. Это город зла, который должен быть очищен святой армией.

Большинство датчан приободрились при мысли о похотливых женщинах, и больше никто уже не возражал против того, чтобы напасть на Эофервик. Как только город будет взят, что Эадред считал само собой разумеющимся, мы должны будем отправиться на север, а люди Эофервика, заявил аббат, пополнят наши ряды.

– Кьяртан Жестокий не победит нас, – объявил Эадред, – потому что он трус. Он отступит обратно в крепость, как паук, удирающий в свою паутину, и останется там. Мы позволим ему гнить там, пока не настанет время его сразить. А Эльфрик Беббанбургский не станет с нами сражаться, потому что он христианин.

– Он ненадежный ублюдок, – прорычал я, но на меня не обратили внимания.

– И мы победим Ивара, – продолжал аббат.

Я удивился, каким это образом наш сброд сумеет одолеть «стену щитов» Ивара.

Но у Эадреда не было сомнений.

– Бог и святой Кутберт будут сражаться на нашей стороне! – объявил он. – А потом мы станем хозяевами Нортумбрии, и всемогущий Бог поможет нам основать Халиверфолкланд, и мы построим гробницу святого Кутберта, которой будет дивиться весь мир.

Ну вот, теперь наконец ясно, чего Эадред хотел на самом деле. Ради этого и затевалось все безумие – ради гробницы давно умершего святого. Ради этой цели Эадред сделал Гутреда королем и теперь собирался идти воевать со всей Нортумбрией.

А на следующий день явились восемь темных всадников.

* * *

У нас было триста сорок четыре человека того возраста, в котором мужчина может сражаться, и из них только у нескольких имелись кольчуги, и лишь примерно у сотни были приличные кожаные доспехи. Люди в кольчугах и кожаных доспехах по большей части имели также шлемы и нормальное оружие – копья или мечи, но остальные были вооружены топорами, теслами, серпами или заостренными мотыгами.

Эадред напыщенно именовал это Армией Святых Людей, но, будь я и вправду святым человеком, я не стал бы в этом участвовать, а рванул бы обратно на небеса и подождал бы, пока мне подвернется что-нибудь получше.

Треть нашей армии составляли датчане, остальные были по большей части саксами, хотя среди них имелось и несколько бриттов, вооруженных длинными охотничьими луками. Эти луки могли быть страшным оружием, поэтому я назвал бриттов Стражей Святых Людей и велел им оставаться рядом с трупом святого Кутберта, которому, очевидно, предстояло сопровождать нас во время предстоящих завоеваний.

Однако первым делом нам следовало добыть запасы продовольствия для людей и фуража для лошадей, которых у нас насчитывалось всего семьдесят семь.

Так что появление темных всадников оказалось весьма кстати. Их было восемь, все верхом на черных или гнедых лошадях. Всадники (четверо из них были облачены в кольчуги, а остальные – в добротные кожаные доспехи) вели четырех запасных верховых лошадей. Все всадники – в черных плащах, с выкрашенными в черный цвет щитами – приехали с востока, следуя вдоль римской стены, что вела на дальний берег реки. Поскольку старый мост разрушили норвежцы, им пришлось переправиться вброд.

Эти радушно встреченные восемь всадников были не единственным нашим подкреплением. Новые участники похода прибывали ежечасно. Многие из них были монахами, хотя встречались и воины, пришедшие с холмов. Обычно оружием им служили топоры или дубины. Некоторые являлись в доспехах, верхом, но только восемь вышеупомянутых темных всадников появились в полном военном снаряжении. Они оказались датчанами и сообщили Гутреду, что прибыли из усадьбы Хергиста, владевшего землями в месте под названием Хегостелдес.

Хергист стар, пояснили они королю, и не смог явиться сам, но он послал лучших своих людей. Предводителя всадников звали Текиль, и он казался хорошим воином, потому что мог похвалиться четырьмя браслетами и имел длинный меч. Этого человека отличали твердый взгляд и уверенное выражение лица. На вид ему было около тридцати, как и остальным шестерым, и только последний, восьмой всадник был намного младше остальных – совсем еще мальчик, и у него единственного на руках не было браслетов.

– Почему Хергист из Хегостелдеса прислал мне своих людей? – спросил Гутред у Текиля.

– Его земли находятся слишком близко к Дунхолму, мой господин, – ответил тот. – И Хергист хочет, чтобы ты уничтожил это осиное гнездо.

– Тогда добро пожаловать, – проговорил Гутред и позволил восьмерым мужчинам опуститься перед ним на колени и принести клятву верности.

– Я хочу, чтобы люди Текиля входили в состав моей личной стражи, – позже сказал мне Гутред.

Мы стояли в поле к югу от Кайр-Лигвалида, где я тренировал войска короля. Я выбрал тридцать молодых людей, почти наугад, позаботившись лишь о том, чтобы половина из них была датчанами, а половина – саксами. Я велел им построиться «стеной щитов», так чтобы рядом с каждым датчанином обязательно оказался бы сакс, и теперь учил их, как сражаться и как молиться моим богам, чего им никогда еще не приходилось делать: все воины были абсолютно неопытные. Хотя датчане и смотрелись лучше саксов, потому что датчанам с детства прививают умение владеть щитом и мечом, но они и понятия не имели о том, как вести себя в «стене щитов».

– Края ваших щитов должны соприкасаться! – кричал я им. – Иначе вы мертвецы! Хотите погибнуть? Хотите, чтобы ваши кишки выплеснулись к вашим ногам? Смыкайте щиты! Да не так, ты, эрслинг! Правый край твоего щита должен быть перед левым краем его щита. Понял?

Я повторил все это по-датски, потом посмотрел на Гутреда и сказал:

– Я против того, чтобы люди Текиля стали твоими телохранителями.

– Почему?

– Потому что я их не знаю.

– Этих людей ты тоже не знаешь, – ответил Гутред, показав на воинов, которых я тренировал.

– Я знаю, что они идиоты и что их матерям не следовало бы разводить колени, – в сердцах сказал я. – Ты что делаешь, Клапа? – закричал я молоденькому неуклюжему датчанину.

Его настоящее имя я забыл, но все звали парня Клапа, что означало «Неуклюжий». Этот прибывший из деревни верзила был редким силачом и, пожалуй, один стоил двоих, но вот с умом у него была беда. Он тупо уставился на меня, когда я пошел к строю.

– Что тебе полагается делать, Клапа?

– Держаться поближе к королю, мой господин, – ответил тот с озадаченным видом.

– Хорошо! – отозвался я, так как это был первый и самый важный урок, который следовало вколотить в головы тридцати новобранцев.

Поскольку эти молодцы составляли личную стражу короля, они и впрямь должны были всегда находиться рядом с ним, но сейчас я добивался от Клапы другого ответа.

– В «стене щитов», идиот, – сказал я, стуча по его мускулистой груди. – Что тебе следует делать в «стене щитов»?

Клапа немного подумал, потом просиял:

– Поднимать щит, мой господин.

– Правильно, – кивнул я, подняв вверх щит, который он держал у лодыжек. – Щит не должен болтаться над твоими сапогами! Ты чему ухмыляешься, Райпер?

Райпер был саксом, в отличие от Клапы, тощим и умным, как горностай. Прозвище Райпер означало «вор» и очень подходило парню. Попадись он в лапы правосудия, его мигом заклеямили бы и высекли, но мне нравилась смекалка, сквозившая в глазах этого юноши, и я решил, что из него выйдет настоящий убийца.

– Знаешь, кто ты такой, Райпер? – спросил я, стукнув его щитом в грудь. – Ты эрслинг. А что такое эрслинг, Клапа?

– Задница, мой господин.

– Правильно, задница! Щиты поднять! Поднять!

Последнее слово я прокричал во весь голос.

– Хочешь, чтобы все над вами смеялись? – Я показал на группу людей, разыгравших на большом лугу шуточную битву.

На лугу были и воины Текиля, но они просто сидели в тени и наблюдали, давая понять, что им не нужны тренировки. Я снова повернулся к Гутреду:

– Эти лучшие из наших людей никак не могут входить в число твоей личной стражи.

– Но почему?

– Потому что дело кончится тем, что ты окажешься в окружении, когда все остальные сбегут. И тогда ты умрешь.

– Так и случилось, когда мой отец сражался с Эохайдом, – признался Гутред.

– Теперь ты и сам видишь, что я прав, – сказал я. – Мы поставим Текиля на один фланг, а Ульфа и его людей – на другой.

Ульф, вдохновленный мечтами о бесчисленных гудах серебра и похотливых развратных женщинах, теперь рвался совершить бросок на Эофервик. Ульфа не было в Кайр-Лигвалиде, когда появились темные всадники: он повел своих людей добывать еду и фураж.

Я разделил личную стражу на две группы и заставил их драться друг с другом. Правда, на первое время я приказал ребятам обмотать клинки мечей тканью, чтобы они не перерезали друг друга. Они сражались с воодушевлением, но до чего же неумело! Я в мгновение ока прорвался сквозь обе «стены щитов». Ничего, все впереди: рано или поздно они научатся сражаться, если только сперва не повстречаются с войсками Ивара и не погибнут в неравном бою.

Спустя некоторое время, когда новобранцы устали и по их лицам покатился пот, я велел им отдыхать. Я заметил, что они разделились на две группы: датчане сели с датчанами, а саксы – с саксами, но этого следовало ожидать. Я подумал, что со временем наши воины научатся доверять друг другу. Они могли худо-бедно общаться: я заметил, что в Нортумбрии датский язык и язык саксов постепенно начали смешиваться. Эти два наречия в любом случае похожи, и большинство саксов могли понимать датчан, если те кричали достаточно громко, но теперь сходство обоих языков еще более усилилось. Нет, вы только подумайте, большинство саксонских эрслингов из личной стражи Гутреда хвастались своими «навыками» в битве на мечах (хотя ясно, что никакими навыками они не обладали). Но дело в другом: они говорили «навык»

вместо «мастерство». И они ели теперь «яичницу», а не «болтунью». Датчане же стали называть лошадь лошадю, а не конягой, и иногда было трудно понять, датчанин перед тобой или сакс. Нередко попадались полукровки, у которых отцы были датчанами, а матери – саксонками, но никогда наоборот.

– Я должен жениться на саксонке, – сказал мне Гутред.

Мы добрались до края поля, где несколько женщин резали солому и смешивали ее с овсом. Когда войско двинется через холмы, этой смесью мы будем кормить лошадей.

– Это еще зачем? – удивился я.

– Чтобы показать, что Халиверфолкланд есть союз двух народов, – ответил Гутред.

– Нортумбрия, – раздраженно поправил я.

– Что? – не понял он.

– Эта земля называется Нортумбрией.

Гутред лишь пожал плечами, как будто название не имело значения.

– Я должен жениться на саксонке, – повторил он, – и мне бы хотелось, чтобы она была хорошенькой. Может, на красотке Хильде? Только она слишком стара.

– Но ей всего девятнадцать!

– А мне нужна девушка лет тринадцати-четырнадцати. Здоровая, чтобы могла родить нескольких наследников.

Он перелез через низкий забор и стал спускаться по крутому берегу к маленькому ручью, который тек на север, к Хедену.

– В Эофервике наверняка есть хорошенькие саксонки!

– Но тебе ведь нужна девственница, так?

– Пожалуй, – сказал Гутред. Потом кивнул: – Да, конечно.

– Может, в Эофервике еще остались одна или две.

– Все-таки с Хильдой не слишком удачно вышло, – туманно проговорил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Не будь она твоей женщиной, – пояснил Гутред, – ты мог бы жениться на Гизеле.

– Мы с Хильдой друзья, – ответил я. – Всего лишь друзья.

И это была правда. Раньше мы были любовниками, но с тех пор, как Хильда прикоснулась к мощам святого Кутберга, она впала в задумчивость. Ее все больше и больше тянуло к ее богу, я видел это. Но когда я спросил, не хочет ли Хильда снова облачиться в одеяние монахини, она покачала головой и сказала, что еще не готова.

– С другой стороны, Гизелу лучше выдать замуж за короля, – сказал Гутред, не обратив внимания на мои слова. – Может, за Аэда Шотландского, чтобы тот наконец утихомирится? Или лучше за сына Ивара. Как ты думаешь, она достаточно красива?

– Еще бы!

– Кобылья Морда! – сказал Гутред и сам рассмеялся этому старому прозвищу. – Мы с сестрой в детстве обычно ловили тут колюшку, – продолжал он.

Король стащил с ног сапоги, оставил их на берегу и побрел по воде, вверх по течению.

Я последовал за ним по берегу: мне приходилось подныривать под ветви ольхи и идти по высокой траве. Вокруг меня гудели мухи. День был теплым.

– Хочешь колюшки? – спросил я, все еще думая о Гизеле.

– Я ищу остров, – отозвался Гутред.

– Вряд ли тут есть большие острова, – возразил я.

Ручей можно было пересечь в два шага, и вода доходила Гутреду только до икр.

– Он был достаточно большим, когда мне было тринадцать, – сказал Гутред.

– Достаточно большим для чего? – спросил я и прихлопнул слепня, размазав его по кольчуге.

Было так жарко, что мне захотелось снять тяжелую кольчугу. Но я давно уже понял: мужчина должен быть к ней привычен, иначе в битве она становится обременительной. Поэтому почти каждый день я носил кольчугу, чтобы она стала моей второй кожей. Зато когда я снимал ее, то чувствовал себя так, будто боги дали моим ногам крылья.

– Остров был достаточно большим для меня и для саксонки по имени Эдит, – ухмыльнулся Гутред. – Она была у меня первой. Эта Эдит была очень милым созданием.

– Вероятно, она такой и осталась.

– Она погибла: ее забодал бык, – покачал головой Гутред.

Король продолжал брести по воде, проходя мимо камней, на которых росли папоротники. Шагов через пятьдесят он издал счастливый крик, увидев свой остров, и я почувствовал жалость к бедняжке Эдит, потому что остров оказался всего лишь грудой камней. Должно быть, ее костлявой заднице камни казались острыми как бритвы.

Гутред сел и начал швырять в воду гальку.

– Как ты думаешь, мы сможем победить? – спросил он.

– Вероятно, мы сможем взять Эофервик, – ответил я, – если только Ивар не вернулся.

– А если он уже вернулся?

– Тогда ты мертвец, мой господин.

Он нахмурился, услышав это. И предложил:

– Мы можем вступить с Иваром в переговоры.

– Именно это и сделал бы Альфред, – сказал я.

– Вот и прекрасно! – приободрился Гутред. – И еще я смогу предложить Гизелу в жены его сыну!

На эти слова я не обратил внимания и ответил:

– Но Ивар не станет вести с тобой переговоры. Он будет сражаться. Не забывай, что он из Лотброков. Он не ведет переговоры, кроме тех случаев, когда ему нужно выиграть время. Ивар верит в меч, в копье, в щит, в военный топор и в смерть своих врагов. Какие там переговоры! Нам придется биться с Иваром, а у нас нет для этого армии.

– Но если мы возьмем Эофервик, – с энтузиазмом произнес Гутред, – люди присоединятся к нам. Наша армия будет расти.

– Ты называешь это армией? – спросил я, покачав головой. – Ивар возглавляет закаленных в боях датчан. Когда мы встретимся с ними, мой господин, большинство наших датчан мигом перейдут к нему.

Гутред поднял на меня глаза; на его честном лице читалось замешательство.

– Но они дали мне клятву! – воскликнул он.

– И все равно они присоединятся к Ивару, – мрачно произнес я.

– Так что же нам делать?

– Мы берем Эофервик, – сказал я, – грабим его и возвращаемся сюда. Ивар не будет нас преследовать. Ему плевать на Камбреленд. Поэтому мой тебе совет: правь здесь, и в конце концов Ивар про тебя забудет.

– Но Эадреду это не понравится.

– А чего он хочет?

– Соорудить гробницу.

– Он может построить ее здесь.

– Аббат хочет, чтобы она находилась на восточном берегу, потому что там живет больше всего людей, – покачал головой Гутред.

Полагаю, Эадред мечтал возвести гробницу, способную привлечь тысячи пилигримов, которые засыпали бы его церковь монетами. Он вполне мог бы построить гробницу здесь, в Кайр-Лигвалиде, но это было слишком удаленное место, и паломники не стали бы приходить туда тысячами.

– Но король – ты, а не Эадред, – возразил я, – и ты отдаешь приказы.
– Это верно, – горько усмехнулся Гутред и швырнул в воду еще один камень. Потом нахмурился, глядя на меня. – Скажи, что делает Альфреда хорошим королем?

– А с чего ты взял, что он хорош?

– Все так считают. Отец Виллибальд говорит, что он величайший король со времен Карла Великого.

– Потому что Виллибальд – взбалмошная задница.

– Тебе не нравится Альфред?

– Я ненавижу этого ублюдка.

– Но он воин, законодатель...

– Да никакой Альфред не воин! – перебил я пренебрежительно. – Он просто ненавидит сражаться! Альфред дерется, если нет другого выхода, но ему это не нравится, и у него слишком слабое здоровье, чтобы стоять в «стене щитов». Но он и вправду законодатель. Он любит издавать законы. Альфред полагает, что если он придумает достаточно законов, то сотворит рай на земле.

– Но почему люди говорят, что он хороший король? – озадаченно спросил Гутред.

Я уставился вверх, на орла, который скользил по голубому своду небес.

– Чего у Альфреда не отнять, – произнес я, пытаясь быть честным, – так это порядочности. Он достойно обращается с людьми... Во всяком случае, с большинством людей. Его слову можно верить.

– Это хорошо, – кивнул Гутред.

– Но он набожный, придирчивый, беспокойный ублюдок, – продолжил я. – Вот каков он на самом деле.

– Я постараюсь быть справедливым, потому что тогда люди будут меня любить, – заметил Гутред.

– Они уже тебя любят, – ответил я, – но они должны еще и бояться тебя.

– Бояться? – Мысль об этом явно ему не понравилась. – Но почему?

– Да потому, что ты король.

– Я буду добрым королем, – сказал он с жаром, и как раз в этот миг на нас напали Текиль и его люди.

Мне следовало бы это предвидеть. Восемь хорошо вооруженных всадников не отправятся в глушь, чтобы присоединиться к какому-то сброду. Их послали сюда, и послал не датчанин по имени Хергист из Хегостелдеса. Они явились от Кьяртана Жестокого. Тот, взбешенный унижением сына, отправил своих людей выследить мертвого воина. У них ушло немного времени, чтобы выяснить, что мы последовали вдоль римской стены. И вот теперь, когда мы с Гутредом воспользовались славным теплым деньком, чтобы прогуляться, и оказались на дне маленькой долины, эти восемь предателей ринулись к нам вниз по берегу с обнаженными мечами.

Я сумел выдернуть из ножен Вдох Змея, но Текиль отбил его в сторону своим мечом, а потом меня ударили сразу двое, швырнув спиной вперед в ручей. Я дрался с ними, но они пригвоздили мою руку, державшую меч, кто-то встал коленями мне на грудь, а еще один человек держал мою голову под водой, и я почувствовал настоящий ужас, когда вода заполнила мне глотку. Я задыхался.

В глазах у меня потемнело.

Мне хотелось кричать, но я не смог издать ни звука, а потом Вдох Змея вырвали у меня из руки, и я потерял сознание.

* * *

Я пришел в себя на голом островке, где восемь человек стояли вокруг меня и Гутреда, держа мечи у наших животов и глоток. Текиль, ухмыляясь, пинком отбросил клинок, который утыкался мне в живот, и опустился рядом со мной на колени.

– Утред Рагнарсон, – приветствовал он меня, – наверняка ты не так давно встречался со Свеном Одноглазым. Он шлет тебе поклон.

Я промолчал.

– Может, в твоем кошельке есть «Скидбладнир»? И ты уплывешь от нас обратно в Нифльхейм? – улыбнулся Текиль.

Я промолчал.

Дыхание клокотало в моем горле, и я продолжал кашлять, выплевывая воду. Я хотел сражаться, но кончик меча больно придавил мне живот. Текиль послал двух своих людей, чтобы те привели коней, но прочие остались нас сторожить.

– Жаль, – сказал Текиль, – что мы не поймали твою шлюху. Ее хочет Кьяртан.

Я попытался собраться с силами и сесть, но человек, державший меч у моего живота, надавил на клинок. Текиль весело рассмеялся, глядя на меня. Потом он расстегнул мой пояс с ножнами и вытащил его из-под меня. Нащупал на поясе кошель и ухмыльнулся, услышав звяканье монет.

– Мы проделали долгий путь, Утред Рагнарсон, и не хотим, чтобы ты от нас сбежал. Ситрик!

Мальчик, единственный из людей Текиля, не носивший браслетов, подошел ближе. Похоже, он нервничал.

– Господин? – спросил он Текиля.

– Кандалы, – велел тот, и Ситрик, покопавшись в кожаном мешке, вытащил две пары рабских кандалов.

– Может, его вы отпустите? – сказал я, мотнув головой в сторону Гутреда.

– Кьяртан хочет встретиться и с ним тоже, – ответил Текиль. – Хотя и не так сильно, как желает возобновить ваше давнее знакомство.

Он улыбнулся, словно отпустил остроумную шутку, после чего извлек из-за пояса нож с тонким лезвием и такой острый, что его края казались зазубренными.

– Он велел подрезать тебе поджилки, Утред Рагнарсон, чтобы ты не сумел сбежать. Ну что же, мы подрежем тебе поджилки, а потом выколем один глаз. Свен сказал, что я должен оставить тебе один глаз, чтобы он сам смог с ним поиграть, но вдруг мне захочется выколоть тебе и второй глаз, чтобы сделать тебя более сговорчивым? А я воистину хочу, чтобы ты стал сговорчивым. Итак, какого глаза ты предпочел бы сейчас лишиться, Утред Рагнарсон? Левого или правого?

Я снова промолчал. И, признаюсь честно, мне было страшно. Я снова попытался вырваться, но Текиль пригвоздил коленом мою правую руку, а другой человек держал меня за левую. Потом моей кожи коснулся нож, как раз под левым глазом, и Текиль опять улыбнулся.

– Попрошайся со своим глазом, Утред Рагнарсон, – сказал он.

Солнце ярко сияло, отражаясь в клинке, так что мой левый глаз наполнился этим блеском, и даже сейчас, много лет спустя, я все еще вижу это сияние.

И я все еще слышу тот вопль.

Глава третья

Это кричал Клапа. Он вопил высоким, пронзительным голосом, словно молодой хряк, когда его холостят. Вообще-то, это больше походило на вопль ужаса, чем на боевой клич, и неудивительно – Клапа ведь никогда еще не сражался. Уж не знаю, о чем он думал, пока бежал вниз по склону.

Остальные парни из личной стражи Гутреда следовали за ним, но возглавлял их Клапа – воплощенные неуклюжесть и дикость. Он забыл отвязать кусок одеяла, которым обмотал меч, но Клапа сам по себе был так огромен и силен, что мог орудовать замотанным в ткань мечом как дубинкой. С Текилем было только пять человек, а по берегу мчались тридцать новобранцев, и я почувствовал, что враг убрал нож с моей скулы.

Я попытался перехватить руку, сжимающую этот нож, но Текиль оказался слишком проворен, а потом Клапа ударил его по голове, и тот покачнулся. Я увидел, как Райпер собирает вонзить меч в горло Текиля, и закричал, что убивать его пока не надо.

– Живьем! Взять их живьем!

Но двое из людей Текиля все же погибли, несмотря на мой протест. Одного пырнули и разрубили дюжиной клинков, и он бился в конвульсиях в ручье, вода которого покраснела от крови. Клапа бросил меч и повалил Текиля на усыпанный галькой берег, где удерживал его исключительно благодаря своей невероятной силе.

– Ты хорошо справился, Клапа, – сказал я, одобрительно хлопая великана по плечу, и он ухмыльнулся, глядя на меня снизу вверх.

Я забрал нож Текиля и его меч.

Райпер прикончил человека, который извивался в воде. Один из новобранцев получил удар мечом в бедро, но остальные были целы и стояли, улыбаясь, в ручье, ожидая похвалы, как щенки, загнавшие свою первую лису.

– Вы сегодня просто молодцы! – сказал я им.

И это было правдой, потому что теперь у нас в плену оказались Текиль и трое его людей. В том числе и Ситрик, самый младший. Он все еще держал в руках рабские кандалы, и я вырвал их и со злостью огрел парня кандалами по голове.

– Мне нужны еще двое, – сказал я Райперу.

– Какие двое, мой господин?

– Он послал двоих человек привести лошадей, – объяснил я. – Найдите их!

Я снова хорошенько огрел Ситрика, ожидая, что тот закричит, но он молчал, хотя по его виску заструилась кровь.

Гутред все еще сидел на гальке; на его красивом лице застыло изумление.

– Я потерял сапоги, – сказал он.

Казалось, это беспокоит его гораздо больше, чем то, что он был на волосок от смерти.

– Ты оставил их выше по течению, – напомнил я.

– Где мои сапоги?

– Они выше по течению, – повторил я и пнул Текиля в обтянутый кольчугой бок, сильно ушибив ногу.

Это лишь прибавило мне злости.

Я чувствовал себя униженным. Опясавшись мечами, я встал на колени и забрал все четыре браслета Текиля. Он посмотрел на меня снизу вверх и, должно быть, понял, какая судьба его ожидает, но на его лице ничего не отразилось.

Пленных забрали в город, а мы тем временем обнаружили тех двоих, кого Текиль послал за лошадьми. Должно быть, они слышали шум драки, потому что поскакали на восток. У нас

ушло слишком много времени, чтобы оседлать своих коней и пуститься в погоню, и я бранился, потому что не хотел, чтобы эти двое принесли вести обо мне Кьяртану.

Если бы у беглецов имелись мозги, они бы пересекли реку и поскакали во весь опор вдоль стены, но они, похоже, вообразили, что скакать через Кайр-Лигвалид слишком рискованно и безопаснее будет отправиться на юго-восток. А еще им следовало бы бросить лошадей, оставшихся без седоков, но они оказались слишком жадными и забрали всех коней с собой – вот почему было легко увидеть их следы на сухой почве. Эти двое скакали по незнакомым землям, и они отклонились слишком далеко на юг, что позволило нам перекрыть все восточные тропы. К вечеру больше шестидесяти наших людей выслеживали беглецов, и уже в сумерках мы наконец нашли этих двоих, огибающих грабовую рощу.

Старший из беглецов погиб, сражаясь. Он знал, что ему недолго осталось жить, и был полон решимости отправиться в пиршественный зал Одина, а не к ужасам Нифльхейма. Поэтому он вырвался из-за деревьев на усталой лошади с воинственным криком, и я сжал пятками бока Витнера, но Гутред мне помешал.

– Он мой! – воскликнул король и вытащил меч.

Его скакун прыгнул вперед, главным образом потому, что Витнер, возмущенный тем, что ему помешали, больно укусил второго коня.

Гутред вел себя как настоящий король. Он никогда не наслаждался боем и был куда менее опытен в сражениях, чем я, но знал, что должен убить врага сам, иначе люди скажут, что он прятался за моим мечом.

И он ухитрился неплохо справиться. Его конь споткнулся как раз перед тем, как настиг человека Кьяртана, но это оказалось к лучшему, потому что помогло Гутреду избежать дикого замаха врага. Меч просвистел мимо пояса короля, не причинив ему вреда, а отчаянный рубящий удар Гутреда пришелся по запястью врага, сломав тому кость. После этого королю оставалось только свалить противника наземь и зарубить.

Как я уже говорил, Гутред не наслаждался битвой, но прекрасно понимал, что должен это сделать. И через некоторое время убийство это стало частью легенды о новом короле. Повсюду пели песни о том, как Гутред из Нортумбрии убил в битве шестерых негодяев, хотя на самом деле враг был всего один, да и то Гутреду повезло, что его конь споткнулся.

Но королям как раз и нужно быть удачливыми. Позже, когда мы вернулись в Кайр-Лигвалид, я отдал Гутреду старый шлем моего отца в награду за храбрость, и он был доволен.

Я приказал Райперу убить второго человека, и юноша проделал это с таким удовольствием, что я понял, что в нем не ошибся. Райперу не пришлось долго трудиться, потому что второй беглец оказался трусом и хотел одного – сдаться. Он отбросил в сторону меч и рухнул на колени, дрожа и крича, что сдается, но мне не нужны были пленники.

– Убей его! – велел я Райперу, который оскалился по-волчьи и рубанул изо всех сил.

Мы забрали двенадцать лошадей, сорвали с двух убитых доспехи и оружие и оставили трупы на растерзание диким зверям, но сперва я велел Клапе отрубить у убитых головы. Клапа уставился на меня непонимающими воловьими глазами.

– Головы, мой господин? – переспросил он.

– Отруби им головы, Клапа, – повторил я. – А это – тебе.

Я отдал ему два из четырех браслетов Текиля.

Он посмотрел на серебряные браслеты так, как будто никогда раньше не видел столь чудесных вещей.

– Это мне, мой господин?

– Ты спас нам жизнь, Клапа.

– Это Райпер всех привел, – признался он. – Он сказал, что нам не следует оставлять короля, что вы ушли слишком далеко, поэтому мы должны последовать за вами.

Тогда я отдал Райперу остальные два браслета, после чего Клапа отсек головы мертвецам, убедившись, как трудно перерубить шею. Но как только дело было сделано, мы отнесли окровавленные головы в Кайр-Лигвалид. Едва мы добрались до разрушенного города, я увидел, что первые два трупа уже вытащены из ручья и обезглавлены.

Аббат Эадред хотел повесить четырех оставшихся пленников, но я убедил его отдать мне Текиля, по крайней мере на одну ночь.

Я велел привести Текиля в руины старого здания, которое, как мне казалось, построили еще римляне. В высоких стенах, сделанных из хорошо обработанного камня, были прорублены три высоких окна. Крыши в здании не было. Пол устлала крошечные черные и белые плитки, некогда составлявшие давно уничтоженный орнамент.

Я зажег огонь на самом большом из оставшихся кусков плотно пригнанных плиток, и пламя расцветило старые стены огненным мерцанием. Бледный свет просочился и сквозь окна, когда из-за облаков показалась луна.

Райпер и Клапа привели ко мне Текиля. Они хотели остаться и посмотреть, что я с ним буду делать, но я отослал обоих прочь.

Теперь, когда Текиль лишился своих доспехов, на нем остался только короткий грязный плащ. Лицо его покрывали синяки; запястья и лодыжки были скованы рабскими кандалами, теми самыми, в которые он собирался заковать меня.

Пленник сел в дальнем конце комнаты, а я устроился у огня напротив него. Текиль уставился на меня. У него было славное мужественное лицо, и я подумал, что этот человек мог бы стать моим товарищем, если бы судьба не сделала нас врагами. Казалось, его забавляло то, как тщательно я его разглядываю.

– Ты и был тем самым мертвым воином, – сказал он, немного помолчав.

– Да ну? С чего это ты взял?

– Я знаю, что мертвый воин носил шлем с серебряным волком на гребне, и видел точно такой же шлем на тебе. – Текиль пожал плечами. – А может, он просто одолжил у тебя шлем?

– Может, и одолжил, – ответил я.

– Тот воин напугал Кьяртана и его сына до полусмерти, но именно этого ты и добивался, верно? – слегка улыбнулся Текиль.

– Это то, чего добиваются все воины, – ответил я.

– А теперь, – продолжал он, – ты отрезал головы четверым моим людям и собираешься послать эти головы Кьяртану, так?

– Да.

– Потому что ты хочешь напугать его еще больше?

– Именно так, – подтвердил я.

– Но всего должно быть восемь голов, – сказал Текиль. – Разве не так?

– Восемь, – снова кивнул я.

Он скорчил гримасу, услышав это, потом подался вперед и посмотрел на плывущие по небу облака. На руинах города выли собаки, и Текиль повернул голову, прислушиваясь.

– Кьяртан любит собак, – сказал он. – И постоянно держит свору псов. Свирепых тварей. Заставляет их драться друг с другом и оставляет только сильнейших. Он устроил псарню в зале Дунхолма и использует псов для двух вещей. – Текиль замолчал и насмешливо посмотрел на меня. – Именно этого ты и добиваешься, да? Чтобы я рассказал тебе о Дунхолме? Объяснил, в чем его сила и слабость, и сколько там человек, и как ты можешь его взять?

– Да, я хочу знать все это и даже больше, – ответил я.

– Потому что ты кровный враг Кьяртана? Жизнь Кьяртана в отместку за смерть ярла Рагнара? Да?

– Ярл Рагнар вырастил меня, и я любил его как отца.

– Вообще-то, у него есть родной сын.

– Да, но он не может отомстить. Альфред держит сына Рагнара в заложниках.

– Поэтому сыновний долг исполнишь ты? – спросил Текиль. Он пожал плечами, как будто и так знал, каким будет мой ответ. И продолжил: – Ты поймешь, что сделать это непросто. Хотя бы потому, что тебе придется драться с псами Кьяртана. Он держит их в зале собственного дома. Они там живут, как господа, а под полом зала Кьяртана спрятаны сокровища. Много серебра и золота. Правда, на эти драгоценности он никогда не смотрит. Но все-таки сокровище там, зарыто в земле, под тем залом, где живут собаки.

– Кто его охраняет? – спросил я.

– Это первая из обязанностей его свирепых псов, – пояснил Текиль, – но вторая – убивать людей. И он убьет тебя. Кьяртан сперва выколлет тебе глаза, а потом тебя разорвут на куски его гончие. Или, может, он дюйм за дюймом будет сдирать с тебя кожу. Мне приходилось видеть такое.

– Да уж, не зря его зовут Кьяртан Жестокий, – сказал я.

– Он заслужил это прозвище, – отозвался мой пленник.

– Так почему же ты ему служишь?

– Он щедр, – ответил Текиль. – Кьяртан любит в этой жизни лишь собак, золото, женщин и своего сына. Мне тоже по душе сокровища и бабы, и Кьяртан щедро снабжает меня тем и другим.

– А как насчет собак и его сына? – поинтересовался я.

– Я ненавижу его псов, – признался Текиль, – а его сын, он жалкий трус.

– Свен? – удивился я. – Он не был трусом в детстве.

Текиль вытянул было ногу, но поморщился, поскольку рабские кандалы помешали ему.

– Когда Один потерял глаз, – сказал он, – то взамен получил мудрость. Но когда Свен потерял глаз, то стал трусом. Этот парень достаточно храбрый, когда сражается со слабым, но ему не нравится встречаться лицом к лицу с сильным противником. Но его отца, однако, трусом не назовешь.

– Я помню, что Кьяртан всегда был храбрым, – произнес я.

– Он храбрый, жестокий, безжалостный, – сказал Текиль. – А теперь ты знаешь также, что у него полным-полно злобных гончих, которые разорвут тебя в кровавые клочки. И это, Утред Рагнарсон, все, что я тебе расскажу.

– Ты расскажешь мне кое-что еще, – покачал я головой.

Текиль наблюдал, как я подкладываю бревно в огонь.

– Интересно, с какой стати? – спросил он.

– Да потому, что я могу дать тебе кое-что взамен, – ответил я.

– Неужели оставишь мне жизнь?

– Нет, но зато позволю тебе самому выбрать, какой смертью умереть.

Он понял и слабо улыбнулся:

– Я слышал, что монахи хотят меня повесить?

– Да, – подтвердил я, – потому что у них нет воображения. Но я не позволю им повесить тебя.

– И что же, интересно, ты собираешься сделать вместо этого? Отдашь меня тем мальчикам, которых зовешь воинами? Разрешишь им потренироваться на мне?

– Если ты не заговоришь, – сказал я, – то именно так я и поступлю, потому что им и впрямь нужно практиковаться. Но я облегчу новобранцам задачу. Ты не получишь меча.

Если у него не будет меча, он не отправится в пиршественный чертог Одина: этой угрозы оказалось достаточно, чтобы Текиль заговорил.

Он рассказал, что у Кьяртана в Дунхолме три корабельные команды³, что составляет примерно сто пятьдесят воинов. Но есть и другие люди на фермах недалеко от крепости, которые будут сражаться за него, если их призовут. Поэтому Кьяртан, если пожелает, может возглавить отряд из четырехсот опытных воинов.

– И все они ему верны, – предупредил меня Текиль.

– Потому что он щедр с ними?

– У Кьяртана всегда в избытке золота, серебра и женщин. А чего еще может желать воин?

– Отправиться в пиршественный зал мертвых, – ответил я, и Текиль кивнул, подтверждая, что это правда. – Но скажи, откуда Кьяртан берет рабынь и рабов?

– Покупает у торговцев вроде того, которого ты убил. Или мы находим их сами.

– Вы держите их в Дунхолме?

Текиль покачал головой.

– Только совсем юные девочки отправляются туда, остальные идут в Гируум. В Гирууме у нас две корабельные команды.

Это имело смысл. Я бывал в Гирууме. Некогда там стоял знаменитый монастырь, пока Рагнар Старший его не разрушил. Насколько я помню, Гируум – это маленький городок на южном берегу реки Тайн, расположенный очень близко к морю: удобное место для кораблей работорговцев.

А еще на мысу Гируума стоит старая римская крепость – правда, далеко не такая грозная твердыня, как в Дунхолме. Но это и не важно, потому что, если вдруг над Гируумом нависнет беда, тамошний гарнизон всегда успеет отправиться на юг, к крепости побольше, и укрыться там, забрав с собой рабов.

– А Дунхолм, – заявил Текиль, – взять невозможно.

– Так уж и невозможно? – скептически переспросил я.

– Я хочу пить, – вдруг сказал пленник.

– Райпер! – прокричал я. – Я знаю, что ты там! Принеси эля!

Я дал Текилю горшок эля, немного хлеба и холодной козлятины, и, поглощая все это, он рассказывал мне о Дунхолме. Он заверял, что крепость эта абсолютно неприступна.

– Однако достаточно большая армия смогла бы его взять, – предположил я.

Текиль издевательски ослабил в ответ.

– Приблизиться к Дунхолму возможно только с севера, – сказал он, – но подступ с севера узкий и крутой. Поэтому, даже если у тебя будет самая огромная армия в мире, ты сможешь повести против тамошних укреплений всего несколько человек зараз.

– А кто-нибудь уже пытался взять Дунхолм?

– Ивар как-то явился, чтобы посмотреть на нас, проторчал поблизости четыре дня – и ушел восвояси. До этого сын ярла Рагнара пришел и не остался даже четырех дней. Полагаю, крепость можно взять измором, но на это уйдет год, а попробуй-ка прокормить осаждающую армию целых двенадцать месяцев! – Текиль покачал головой. – Дунхолм, как и Беббанбург, неприступен.

Однако судьба упорно вела меня в оба этих места.

Я сидел молча и размышлял, пока Текиль вдруг не напрягся, словно проверяя, не может ли он разорвать рабские кандалы. Не смог.

– Ну а теперь скажи мне, как я умру, – попросил пленник.

– У меня есть еще один вопрос.

– Спрашивай, – пожал он плечами.

– Насчет Тайры Рагнарсон.

---

³ В данном случае имеется в виду не собственно корабельный экипаж, а количество людей.

Это удивило Текиля, и он некоторое время молчал. Потом сообразил, что, конечно, я знал ее в детстве.

– Милейшая Тайра, – саркастически проговорил он.

– Она жива?

– Предполагалось, что она станет женой Свена.

– И она действительно стала его женой?

– Ясное дело, ее силком загнали к нему в постель, – засмеялся Текиль. – Но Свен к ней даже не прикоснулся. Он боится Тайры. Поэтому ее заперли подальше, и Кьяртан интересуется тем, что она увидела во сне.

– Это еще почему?

– Через нее говорят боги. Так считает Кьяртан.

– А ты что думаешь?

– Я думаю, что эта сучка безумна.

Я уставился на него сквозь огонь.

– Во всяком случае, Тайра жива?

– Если только это можно назвать жизнью, – сухо произнес он.

– Говоришь, она безумна?

– Она постоянно режет себя, – сказал Текиль, проведя ребром ладони по своей руке. – Она завывает, режет себя и сыплет проклятиями. Даже Кьяртан ее боится.

– А Свен?

– Он от нее просто в ужасе. Свен хочет, чтобы она умерла, – поморщился Текиль.

– Так почему же она до сих пор жива?

– Потому что собаки ее не трогают, – ответил Текиль, – и потому что Кьяртан верит, будто Тайра владеет даром прорицания. Она сказала, что мертвый воин его убьет, и он ей почти поверил.

– Мертвый воин и вправду однажды убьет Кьяртана, – заявил я. – А завтра он убьет тебя.

Текиль спокойно принял свою судьбу:

– Ветви орешника, я полагаю?

– Да.

– И в моей руке будет меч?

– Если хочешь, в обеих руках по мечу, потому что мертвый воин все равно убьет тебя.

Он кивнул, потом закрыл глаза и снова прислонился к стене.

– Ситрик, – сказал он, – родной сын Кьяртана.

Я вспомнил мальчика, взятого в плен вместе с Текилем.

– Он брат Свена? – спросил я.

– Сводный брат. Мать Ситрика была рабыней-саксонкой. Кьяртан отдал ее на растерзание псам, заподозрив в том, что она хочет его отравить. Может, она и вправду пыталась это сделать, а может, у него просто разболелся живот. Но, как бы то ни было, он скормил несчастную женщину псам. Он пощадил Ситрика только потому, что Ситрик – мой слуга, и я просил за него. Он славный мальчик. Ты бы сделал доброе дело, если бы оставил его в живых.

– Но мне нужно восемь голов, – напомнил я.

– Да, – устало ответил он. – Я понимаю.

От судьбы не уйдешь.

* * *

Аббат Эадред хотел повесить четверых пленников. Или утопить. Или задушить. Словом, он хотел для них бесславной смерти.

– Эти негодяи напали на нашего короля! – неистово воскликнул он. – И они должны умереть самой низкой и бесславной смертью!

Он продолжал повторять это с редким пылом, но я только пожал плечами и сказал, что пообещал Текилю достойную смерть, ту, что поможет ему отправиться в Валгаллу, а не в Нифльхейм. Эадред уставился на мой амулет-молот и завизжал, что в Халиверфолкланде не может быть милосердия к людям, напавшим на избранника самого Кутберта.

Мы спорили с ним, стоя на склоне холма, а четверо пленников, в цепях и веревках, сидели на земле под охраной личной стражи Гутреда. Там же собралось множество городского люда, ожидающего решения короля. Эадред всю разглагольствовал перед ним, говоря, что проявление слабости подорвет авторитет Гутреда. Церковники согласились с аббатом, что было неудивительно, и особенно горячо поддерживали Эадреда два недавно прибывших монаха, которые пришли сюда через холмы из Восточной Нортумбрии. Их звали Дженберт и Ида. Им обоим было лет по двадцать, и оба обязаны были повиноваться Эадреду. Очевидно, эти монахи ходили за холмы с каким-то поручением от аббата, а теперь, вернувшись в Кайр-Лигвалид, неистово доказывали, что пленники должны умереть мучительной и позорной смертью.

– Сжечь их! – настаивал Дженберт. – Так, как сами язычники сожгли множество святых! Поджарить их над адским пламенем!

– Повесить их! – настаивал Эадред.

Я чувствовал, хотя сам аббат этого и не замечал, что камбрелендские датчане, присоединившиеся к Гутреду, оскорблены горячностью священников, поэтому отвел короля в сторону и спросил:

– Как думаешь, ты сможешь остаться королем без поддержки датчан?

– Конечно нет.

– Но если ты предашь пленников-датчан мучительной смерти, их соплеменникам это не понравится. Они подумают, что ты предпочитаешь им саксов.

Гутред явно пребывал в замешательстве. Он был обязан своим тронном Эадреду. И понимал, что не удержит корону, если аббат отступится от него, но он не удержит ее и в том случае, если лишится поддержки камбрелендских датчан.

– Как бы на моем месте поступил Альфред? – спросил у меня король.

– Он бы молился, – ответил я, – и заставил бы молиться всех этих священников и монахов, но в конце концов сделал бы все, что угодно, лишь бы сохранить свое королевство.

Гутред молча смотрел на меня.

– Все, что угодно, – медленно повторил я.

Гутред кивнул. Потом, нахмурившись, пошел обратно к Эадреду.

– Через день или два, – начал Гутред достаточно громко, чтобы его услышало большинство людей из толпы, – мы отправимся маршем на восток. Мы пересечем холмы и перенесем нашего благословенного святого в его новый дом в святой земле. Нам предстоит одолеть наших врагов, кем бы они ни были, и основать там новое королевство.

Он говорил на датском, но три или четыре человека переводили его слова на английский.

– Так будет, – сказал Гутред, и голос его окреп, – потому что мой друг аббат Эадред видел сон, посланный Богом и святым Кутбертом. И когда мы оставим этот город, чтобы пересечь холмы, мы отправимся в путь с благословения Господа нашего и при содействии святого Кутберта и обустроим лучшее на свете королевство, священное королевство, которое станет охранять магия христианства.

Эадред нахмурился, услышав слово «магия», но не стал протестовать.

– И мы создадим королевство правосудия! – очень громко произнес Гутред. – Королевство, в котором все люди будут верить в Бога и короля, однако при этом вовсе не обязательно будет поклоняться одному и тому же богу.

Теперь все слушали очень внимательно, а Дженберта с Идой, похоже, так и подмывало громко возразить против последнего заявления Гутреда. Но тот продолжал:

– Я вовсе не собираюсь заставлять одних людей принимать обычаи других. А в обычаях этих людей, – указал он на Текиля и его товарищей, – умирать с мечом в руках. Да будет так! И да смилостивится Господь над их душами.

Наступила тишина. Гутред повернулся к Эадреду и заговорил куда тише.

– Кое-кто, – произнес он по-английски, – сомневается, что мы можем победить датчан в бою. Так пусть же скептики увидят, как это сейчас произойдет.

Эадред напрягся, потом заставил себя кивнуть.

– Как прикажете, господин король, – сказал он.

И вот принесли ветви орешника и сложили из них круг. Датчане знали правила боя внутри такого круга: только один из противников мог остаться в живых, а если кто-то пытался бежать из отмеченного ветвями места, его убивали. Такой человек считался трусом и полным ничтожеством.

Гутред вызвался сам сражаться с Текилем, но я понял: король предлагает это потому, что от него ждут такого предложения, на самом же деле он вовсе не хочет очутиться лицом к лицу с бывалым воином. Кроме того, я был не в настроении пререкаться.

– Я сам справлюсь со всеми, – сказал я, и Гутред не стал спорить.

Теперь я стар. Очень стар. Иногда я теряю счет прожитым годам, но, должно быть, прошло лет восемьдесят с тех пор, как мать дала мне жизнь. Людей вроде меня очень мало, и лишь немногие из тех, что стояли в «стене щитов», прожили хотя бы половину такого срока. Я вижу, как люди наблюдают за мной, ожидая моей смерти, и, без сомнения, скоро я сделаю им такое одолжение. Они понижают голос, находясь рядом со мной, чтобы не потревожить старика, и это раздражает меня, потому что теперь я слышу не так хорошо, как прежде. Да и зрение у меня уже не то, что прежде, и я мочусь всю ночь напролет, и кости мои окоченели, и старые раны болят. Но каждый вечер, ложась в постель, я обязательно кладу рядом Вздох Змея или другой свой меч, чтобы суметь сжать рукоять, когда за мной придет смерть. И лежа в темноте, слушая, как море бьется о песок и ветер ерошит солому крыши, я вспоминаю, каково это – быть молодым, высоким, сильным и быстрым. И самоуверенным.

А именно таким я и был в те далекие времена. Я был Утредом, убийцей Уббы, и в 878 году, когда Альфред победил Гутрума, а Гутред взошел на трон Нортумбрии, мне исполнился двадцать один год, и мое имя знали везде, где люди точили мечи. Я был воином. Воином меча, и гордился этим.

Текиль это знал. Сам он был искусным воином, за плечами которого десятки битв, однако, перешагнув через ветви орешника, Текиль понял, что он мертвец.

Было бы неправдой сказать, что я совсем не нервничал. Люди, видевшие меня на полях сражений по всей Британии, гадали, испытывал ли я вообще хоть раз чувство страха. Разумеется, испытывал. Мы все чего-то боимся. Страх ползает внутри тебя, как дикий зверь, царапает когтями твои внутренности, делает слабыми твои мускулы, пытается сыграть дурную шутку с твоими кишками. Он хочет, чтобы ты корчился и плакал, но страх надо отбросить прочь и призвать все свое мастерство, и тогда тебе поможет свирепость. Многие люди пытались меня убить, желая похвастаться, что убили самого Утреда, но эта свирепость всякий раз помогала мне выжить.

А сейчас, полагаю, я слишком стар, чтобы умереть в битве, и поэтому жизнь бесцельно вытекает из меня капля за каплей. «Wurd bið ful aræd», – говорим мы, и это правда. От судьбы не уйдешь.

И Текилю судьбой была предназначена смерть. Он сражался, вооруженный мечом и щитом, а еще я вернул ему кольчугу, поэтому никто не мог сказать, что бой был неравным.

Сам я сражался вообще без доспехов. И без щита. Я был самоуверен и сознавал, что на меня смотрит Гизела, и мысленно посвящал этот бой ей.

Поединок едва ли продлился одну минуту, несмотря на то что я слегка прихрамывал с тех пор, как при Этандуне в мое правое бедро воткнулось копьё, но хромота не делала меня медлительным.

Текиль стремительно ринулся на меня, надеясь сбить с ног щитом, а потом изрубить мечом, но я умело развернул его – и продолжил свое движение. Секрет победы в сражении на мечах как раз и заключается в том, чтобы продолжать двигаться. В том, чтобы танцевать. В «стене щитов» человек не может двигаться, только делать выпад вперед и бить, и рубить, и высоко держать щит, но внутри круга из орешниковых ветвей твоя жизнь зависит от подвижности и грациозности. Заставь противника отвечать на твои движения, не давай ему сохранить равновесие! И Текиль теперь двигался медленно, потому что был в кольчуге, а я – без доспехов. Но даже в доспехах я всегда оставался проворным, и у него не было шансов сравняться со мной в быстроте.

Он снова бросился на меня, и я пропустил его мимо, а потом сделал смертельный замах. Противник уже разворачивался ко мне лицом. Но я оказался быстрее, и Вздох Змея угодил ему в шею, как раз над краем кольчуги. Поскольку Текиль был без шлема, клинок сломал ему позвонки, и он рухнул в пыль.

Я убил его быстро, и он отправился в пиршественный зал мертвых, где когда-нибудь поприветствует меня.

Толпа заплодировала. Я думаю, что зрители из числа саксов предпочли бы, чтобы пленников сожгли или истоптали лошаадьми, но среди них было немало таких, которые ценили работу меча, – и они хлопали мне.

Гизела мне улыбалась.

Хильда не наблюдала за поединком. Она стояла с краю толпы с отцом Виллибальдом. Эти двое проводили долгие часы в разговорах, и я знал, что они беседуют о христианстве, но это меня не касалось.

Следующие два пленника были в ужасе. Текиль был их главарем, человеком, который ведет остальных, потому что он лучший боец, и в его внезапной смерти они увидели собственную участь. Ни один из них даже не дрался по-настоящему. Вместо того чтобы напасть на меня, оба лишь пытались защищаться, и второй пленник оказался достаточно умелым, чтобы парировать мои удары снова и снова, пока я не сделал широкий выпад. Он вскинул щит, и я пнул его в лодыжку, сбив с ног. Толпа разразилась приветственными криками, когда он умер.

Теперь в живых остался только мальчик Ситрик. Монахи, которые хотели повесить датчан, а теперь бесстыдно веселились при виде их бесславной смерти, втолкнули его в круг из ветвей орешника, и я увидел, что Ситрик даже не умеет держать меч, щит для него – всего лишь обуза. До его смерти оставалось одно биение сердца, убить мальчишку для меня было не труднее, чем прихлопнуть муху. Он тоже понял это и заплакал.

Мне требовалось восемь голов. У меня было только семь. Я уставился на мальчика, и тот не смог выдержать моего взгляда. Он отвел глаза в сторону и увидел кровавые полосы на земле – на том месте, где тела трех его убитых соплеменников оттащили прочь. Он упал на колени. Толпа начала глумиться. Монахи кричали, чтобы я его убил. Вместо этого я ждал, желая увидеть, что будет делать Ситрик, – и увидел, что он отчаянно преодолевает свой страх. Я видел, как мальчишка делает над собой усилие, чтобы прекратить реветь, справиться с дыханием, подчинить себе трясущиеся ноги и встать. Он поднял щит, шмыгнул носом и посмотрел мне в глаза.

Я показал на его меч, и он послушно поднял его, чтобы умереть, как подобает мужчине.

На его лбу, в том месте, где я ударил его рабскими кандалами, красовались багровые струпы.

– Как звали твою мать? – спросил я.
Он уставился на меня, словно лишившись дара речи. Монахи вопили, требуя его смерти.

– Как звали твою мать? – повторил я.

– Эльфлэд, – заикаясь, ответил он, но так тихо, что я не расслышал.

Я нахмурился, выжидательно глядя на него. Тогда он повторил, уже громче:

– Эльфлэд.

– Эльфлэд, мой господин, – поправил я.

– Ее звали Эльфлэд, мой господин, – послушно сказал он.

– Он была саксонкой?

– Да, мой господин.

– И что, она действительно пыталась отравить твоего отца?

Ситрик помолчал, потом понял, что, если скажет правду, это никому не принесет беды.

– Да, мой господин.

– И как именно? – Я возвысил голос, чтобы перекрыть шум толпы.

– Черными ягодами, мой господин.

– Пасленом?

– Да, мой господин.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю, мой господин.

На вид ему было лет четырнадцать.

– Твой отец любит тебя? – спросил я.

Этот вопрос поставил его в тупик.

– Кто любит меня?

– Кьяртан. Он ведь твой отец, так?

– Точно не знаю, мой господин, – ответил Ситрик, и, вероятно, то была правда.

Кьяртан, должно быть, наплодил в Дунхолме сотню таких же щенков.

– А твоя мать? – спросил я.

– Я любил ее, мой господин, – сказал Ситрик, снова готовый заплакать.

Я сделал шаг навстречу, и меч в его руке дрогнул, но он попытался взять себя в руки.

– На колени, мальчишка, – велел я.

Теперь у него был непокорный вид.

– Я хочу умереть, как подобает, – ответил Ситрик, и голос его сорвался от страха.

– На колени! – прорычал я.

Испугавшись, он упал на колени и, когда я двинулся к нему, казалось, был не в силах шевельнуться. Я перевернул Вздох Змея, и Ситрик вздрогнул, ожидая, что я ударю его тяжелой рукояткой. Но вместо этого я протянул ему свой меч рукоятью вперед, и в глазах его появилось удивление.

– Возьми меч, – велел я, – и повторяй за мной.

Мальчишка все еще молча тарачился на меня, потом ухитрился уронить щит и меч и положить ладони на рукоять Вздоха Змея. Я накрыл его руки своими ладонями.

– Повторяй за мной, – снова приказал я.

– Клянусь отныне быть твоим человеком, мой господин, – послушно повторил он, глядя на меня снизу вверх, – верно служить тебе до самой смерти.

– И после нее, – сказал я.

– И после нее, мой господин. Клянусь.

Дженберта и Иду эта сцена страшно возмутила. Оба монаха перешагнули через орешниковые прутья и закричали, что мальчик должен немедленно умереть, что такова Божья воля. Ситрик вздрогнул, когда я вырвал Вздох Змея из его рук и сделал круговой замах. Зазубрен-

ный клинок, покрытый свежей кровью, устремился к монахам, а потом застыл, его кончик был у самого горла Дженберта.

И тут ко мне пришла ярость – ярость битвы, жажда крови, веселье убийства. Я едва удерживался, чтобы не позволить Вздоху Змея забрать еще одну жизнь. Меч жаждал этого, я чувствовал, как он дрожит в моей руке.

– Ситрик – мой человек, – заявил я монахам. – И отныне каждый, кто его тронет, станет моим врагом. И я убью тебя, монах, если ты его тронешь, убью не задумываясь! – Я уже кричал. Наконец, с трудом сумев отвести острие Вздоха Змея от горла Дженберта, я описал мечом круг, охватывающий всю толпу. – Еще кто-нибудь из вас возражает против того, что Ситрик – мой человек? Хоть кто-нибудь? Ну же?

Никто не подал голоса. В порывах ветра, пронесившегося через Кайр-Лигвалид, все почуяли запах смерти, поэтому никто не решился заговорить, но их молчание не утолило моего гнева.

– Ну же? – прокричал я, отчаянно желая, чтобы кто-нибудь принял мой вызов. – Потому что, если найдется такой человек, он сможет убить мальчишку! Он сможет убить его, стоящего на коленях, но сперва этому человеку придется убить меня!

Дженберт молча наблюдал за мной. У него были узкое смуглое лицо и умные глаза. Рот его был слегка кривым, возможно, из-за какого-то несчастного случая, приключившегося с ним в детстве, и поэтому казалось, будто монах недобро усмехается. Я хотел вырвать его гнилую душонку из тощего тела. Он тоже не отказался бы прикончить меня, но не осмеливался даже шевельнуться. Никто не двинулся, пока наконец Гутред не перешагнул через ветки орешника и не протянул руку Ситрику.

– Добро пожаловать, – сказал он мальчику.

Отец Виллибальд, который побежал ко мне, услышав мои свирепые вызывающие крики, также переступил через ветки.

– Ты можешь вложить меч в ножны, мой господин, – сказал он ласково.

Священник был слишком испуган, чтобы приблизиться вплотную, но все-таки достаточно храбр, чтобы встать передо мной и осторожно отвести в сторону Вздох Змея.

– Ты можешь вложить меч в ножны, – повторил он.

– Мальчик будет жить! – прорычал я ему.

– Да, мой господин, – мягко произнес Виллибальд, – мальчик будет жить.

Гизела наблюдала за мной, и глаза ее ярко блестели, как в тот день, когда она обнимала своего брата, вернувшегося из рабства.

Хильда же наблюдала за Гизелой.

А что касается меня, то у меня все еще не доставало одной отрубленной головы.

* * *

Мы выступили на рассвете – армия, отправляющаяся на войну.

Люди Ульфа двигались в авангарде, потом шла толпа священников, несущих три драгоценных сундука аббата Эадреда, а за ними ехал Гутред на белой кобыле. Гизела шла рядом с братом, а я пешком двигался за ней, в то время как Хильда вела в поводу Витнера. Потом, заметив, что моя подруга устала, я настоял, чтобы она села в седло.

Хильда выглядела как монахиня. Она заплела в косы свои длинные золотистые волосы и обернула их вокруг головы, а поверх накинула светло-серый капюшон плаща. На шее у нее висел простой деревянный крест, и она все теребила его, пока ехала верхом.

– Они не дают тебе покоя? – спросил я.

– Кто?

– Священники. Отец Виллибальд и другие. Небось уговаривают тебя вернуться в монастырь?

– Мне не дает покоя Бог, – ответила Хильда.

Я поднял на нее глаза, и она улыбнулась, словно заверяя, что, несмотря на душевные терзания, не будет для меня обузой.

– Я молилась святому Кутберту, – сказала она.

– И он тебе ответил?

Хильда потеряла крест.

– Я просто молилась, – спокойно произнесла она, – и это еще только начало.

– Тебе не нравится быть свободной? – спросил я без обиняков.

– Я женщина. Как я могу быть свободной? – засмеялась Хильда.

Я ничего не ответил, и она улыбнулась мне.

– Мы, женщины, всегда подчиняемся, – сказала Хильда. – Богу, отцу, мужу. Так уж заведено на свете.

Она говорила без горечи, словно просто утверждала очевидное. И это было правдой. Она происходила из хорошей семьи, и если бы в детстве ее не отдали Церкви, то наверняка отдали бы мужчине. Такова уж женская доля. Правда, со временем я познакомился с женщиной, которая бросила вызов такой судьбе, но Хильда напоминала вола, который в праздничный день скучает по своему ярму.

– Теперь ты свободна, – сказал я.

– Нет, – ответила она. – Я завишу от тебя. – Она посмотрела на Гизелу, которая смеялась каким-то словам своего брата. – И ты хорошо заботишься обо мне, Утред, и не позоришь меня.

Хильда имела в виду, что я не унижаю ее, хотя вполне мог бы бросить и начать ухаживать за Гизелой. Заметив выражение моего лица, Хильда засмеялась.

– Во многих отношениях ты хороший христианин.

– Я?!

– Ты пытаешься поступать правильно, ведь так?

Хильда снова рассмеялась: наверняка вид у меня был ошарашенный.

– Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал, – сказала она.

– Если только это в моих силах, – осторожно ответил я.

– Поклянись, что не украдешь голову святого Освальда, чтобы у тебя стало восемь отрубленных голов.

Я засмеялся, почувствовав облегчение: обещание, которого Хильда от меня ждала, не имело отношения к Гизеле.

– Вообще-то, я подумывал об этом, – признался я.

– Знаю, что подумывал, но из этого ничего не выйдет. Освальд слишком стар. И Эдред будет убит горем.

– А что в этом плохого?

Хильда не обратила внимания на мои последние слова.

– Семи голов вполне достаточно, – настаивала она.

– Восемь было бы лучше.

– Нельзя же быть таким жадным, – заметила Хильда.

Семь голов были зашиты в мешок. Ситрик погрузил его на ослика, которого вел на веревке. Вокруг мешка жужжали мухи, и из него страшно воняло, поэтому Ситрик шел в одиночестве.

Мы были странной армией. Не считая священников, нас насчитывалось триста восемнадцать человек, причем с нами шли по крайней мере столько же женщин и детей и, как обычно, несколько десятков собак. Шестьдесят или семьдесят священников и монахов я охотно обменял бы на дополнительных лошадей и воинов. Откровенно говоря, я сомневался, что из трех-

сот восемнадцати человек хотя бы сотня стоила того, чтобы поставить ее в «стену щитов». Положа руку на сердце, мы были не армией, а настоящим сбродом.

Монахи распевали на ходу. Я полагал, что они поют на латыни, но не понимал ни единого слова. Они набросили на гроб святого Кутберта прекрасную зеленую ткань, вышитую крестами, и тем утром вороны обделали ткань. Сперва я принял это за дурное предзнаменование, но потом решил, что раз ворон – птица Одина, он просто выказывает свое неудовольствие мертвому христианину. Поэтому я поаплодировал шутке бога, заслужив тем самым злобные взгляды братьев Иды и Дженберга.

– А что мы будем делать, если, добравшись до Эофервика, обнаружим, что Ивар уже вернулся туда? – спросила Хильда.

– Убежим, конечно.

Она засмеялась.

– Ты счастлив, правда? – спросила она.

– Да.

– Почему?

– Потому что я далеко от Альфреда.

И я понял, что ответил чистую правду.

– Альфред – хороший человек, – укоризненно заметила Хильда.

– Хороший, – согласился я, – но, признайся, тебе хоть раз хотелось оказаться в его компании? Ты когда-нибудь запоминала шутку, чтобы поделиться ею с Альфредом? Кто-нибудь хоть раз сидел вместе с ним у огня, загадывая королю загадки? Мы когда-нибудь пели с ним вместе? Альфред только и знает, что беспокоиться о том, чего хочет бог, и составлять правила, чтобы ублажить своего бога, и если человек что-нибудь для него сделает, Альфреду всегда этого мало, потому что его несчастный бог всегда хочет большего.

Хильда улыбнулась своей обычной терпеливой улыбкой, как и всегда, когда я оскорблял ее Бога.

– Альфред хочет, чтобы ты вернулся, – сказала она.

– Ему нужен мой меч, а не я.

– Ты вернешься?

– Ни за что, – твердо ответил я.

Но кто из нас в силах увидеть свое будущее? Вот и я не знал, что уготовили мне пряжи, прядущие нити наших судеб. Я надеялся каким-то образом вместе со всем этим сбродом уничтожить Кьяртана и взять Беббанбург, однако суровый здравый смысл говорил мне, что это невозможно. С другой стороны, кто бы мог вообразить, что освобожденный раб будет принят в качестве короля как датчанами, так и саксами?!

– Неужели ты никогда не вернешься к Альфреду? – спросила Хильда с сомнением.

– Никогда, – сказал я.

И услышал, как пряжи смеются надо мной, и испугался, что судьба свяжет меня с Альфредом. Неужели я больше не буду сам себе господином? Ну уж нет, я не собираюсь, подобно Хильде, слепо подчиняться судьбе. Я должен свершить кровную месть.

Мы следовали через холмы по римской дороге. Очень медленно (у нас ушло на дорогу целых пять дней), но быстрее двигаться мы не могли, потому что монахи несли на плечах труп святого. Каждую ночь они читали молитвы, и каждый день к нам присоединялись все новые люди, поэтому в последний день нашего марша к Эофервику, когда мы пересекали плоскую равнину, нас было уже почти пятьсот человек.

Ульф, который гордо именовал себя ярлом Ульфом, возглавлял наше шествие под знаменем с орлиной головой. Он проникся расположением к Гутреду, и теперь мы с Ульфом были ближайшими советниками короля. Эадред, конечно, тоже был приближенным Гутреда, но аббат плохо разбирался в войне. Как и большинство церковников, он утверждал, что Бог

дарует нам победу, этим весь его вклад в общее дело и ограничивался. Мы же с Ульфом, напротив, могли многое сказать о войне и армии. Суть наших высказываний сводилась к тому, что пятисот наполовину обученных людей далеко недостаточно, чтобы взять Эофервик, если Эгберт решит его защищать.

Но Эгберт был в отчаянии. В священной книге христиан есть история о короле, который увидел на стене некую надпись. Я слышал эту историю несколько раз, но не запомнил подробностей, кроме того, что слова, которые он прочитал на стене, страшно напугали короля. Думаю, их написал христианский бог, хотя и не уверен. Я мог бы при желании выяснить все детали у духовника своей жены, которая была очень набожной женщиной. Но всегда боялся, что священник начнет пресмыкаться и умолять, чтобы я увеличил паек рыбы, эля и дров, которые получает его семья. А мне совершенно не хотелось этого делать, поэтому я так и не узнал детали. Ну и не важно. Жил-был король, однажды он прочитал на стене какие-то слова, которые его напугали. Вот и все.

А сейчас Виллибальд тоже вспомнил историю о том короле. Он плакал, когда мы вошли в город, плакал от счастья, а когда выяснилось, что Эгберт не сопротивляется нам, Виллибальд начал кричать про короля, который увидел на стене надпись. Он выкрикивал это снова и снова, и тогда его слова не имели для меня смысла, но теперь я знаю, что он имел в виду. Виллибальд хотел этим сказать, что Эгберт знал: он проиграл, еще не начав сражения.

В Эофервике ожидали возвращения короля Ивара, и многие жители, боясь мести датчан, покинули город. У Эгберта, конечно, имелась личная стража, но большинство телохранителей бросили его, так что теперь стражников насчитывалось всего двадцать восемь человек. И ни один из них не захотел умирать за короля, который видит надписи на стенах, а оставшиеся жители даже не потрудились покрепче закрыть городские ворота или попробовать защитить палисад. Поэтому армия Гутреда вошла в город, не встретив никакого сопротивления. Мало того, нас приветствовали как желанных гостей.

Думаю, жители Эофервика считали, что мы явились защищать их от Ивара, а не отбирать корону у Эгберта, но даже когда они узнали правду, то все равно выглядели вполне довольными.

Разумеется, их особенно воодушевило присутствие святого Кутберта. Эадред водрузил гроб святого в церкви архиепископа, открыл крышку, и народ столпился, чтобы посмотреть на мертвеца и помолиться ему.

Вульфера, архиепископа, не было в городе, но отец Хротверд все еще был там и до сих пор читал свои безумные проповеди. Он немедленно прилип к Эадреду. Полагаю, Хротверд тоже видел надпись на стене. Что же касается меня, то я видел лишь кресты, нацарапанные на дверях домов. Это был знак, что здесь живут христиане, но большинство выживших датчан тоже на всякий случай выставили кресты. А люди Гутреда были настроены грабить. Эадред пообещал им распутных женщин и горы серебра, но теперь аббат прилагал все усилия, чтобы защитить христианский город от датчан Гутреда.

Беспорядки все-таки были, но небольшие. У горожан хватило ума самим предложить нашей армии монеты, еду и эль, чтобы не допустить грабежей, а Гутред обнаружил ящики с серебром во дворце и раздал деньги своим воинам. Ну а если учесть, что в тавернах имелось много эля, пришельцы из Камбреленда были вполне довольны и даже счастливы.

– Что бы сделал на моем месте Альфред? – спросил меня Гутред в первый же вечер, проведенный в Эофервике.

Я уже начал привыкать к этому вопросу, потому что Гутред каким-то образом убедил себя, что Альфред – король, которому стоит подражать. На сей раз Гутреда интересовало, как поступить с Эгбертом, которого нашли в королевской спальне. Его притащили в большой зал, где он упал перед Гутредом на колени и поклялся ему в верности. То было странное зрелище: один король, стоящий на коленях перед другим в старом римском зале, освещенном жаров-

нями, которые наполняли дымом верхнюю часть помещения. За спиной у Эгберта на коленях стояли его придворные и слуги, и все они, шаркая, ползли вперед, чтобы тоже присягнуть на верность Гутреду.

Эгберт казался старым, больным и несчастным, в то время как Гутред весь светился молодостью, здоровьем и силой. Я нашел кольчугу Эгберта и отдал ее Гутреду. Он надел ее, потому что это придавало ему царственный вид. Гутред был приветлив и великодушен со свергнутым королем: поднял его с колен и расцеловал в обе щеки, а потом вежливо пригласил сесть рядом с собой.

– Убей старого ублюдка, – посоветовал Ульф.

– Я желаю проявить милосердие, – царственно проговорил Гутред.

– Идиотское желание, – резко ответил Ульф.

Он был в дурном настроении, потому что не обнаружил в Эофервике и четверти того, что собирался наgrabить. С другой стороны, Ульф нашел здесь двух близняшек, которые ублажили его, поэтому не слишком жаловался.

После того как церемония подошла к концу и Эадред проревел благодарственную молитву, Гутред отправился вместе со мной прогуляться по городу.

Думаю, он хотел показать свою новую кольчугу, а может, просто проветриться, ибо дворец был наполнен дымом. Он пил эль в каждой таверне, шутил с людьми на датском и на английском, поцеловал не меньше пятидесяти девушек, а потом вдруг повел меня на укрепление, и некоторое время мы шагали молча, пока не дошли до восточной окраины города. Там я остановился и бросил взгляд через поля туда, где река блестела в лунном свете, словно лист серебра.

– Вот здесь погиб мой отец, – сказал я.

– С мечом в руке?

– Да.

– Это хорошо, – кивнул Гутред, забыв на миг, что он христианин. – Но для тебя то был печальный день.

– Не такой уж и печальный, – возразил я, – потому что я встретил ярла Рагнара. И мне никогда особо не нравился мой отец.

– Не нравился? – удивленно спросил Гутред. – Почему?

– Он был слишком угрюмым, – ответил я. – Люди жаждали его одобрения, а получали недоброжелательность.

– Значит, ты похож на него.

Пришел мой черед удивиться.

– Я?

– Мой угрюмый Утрэд, – сказал Гутред. – Весь – сплошной гнев и угроза. Так посоветуй, что мне делать с Эгбертом?

– Лично мне по душе предложение Ульфы.

– Ульф убил бы кого угодно, потому что это избавило бы его от всех проблем. А что бы сделал на моем месте Альфред?

– Думаю, это не важно.

– Нет, важно, – настаивал Гутред, – поэтому ответь мне.

Было в Гутреде что-то такое, что всегда заставляло меня говорить ему правду, ну или почти всегда. У меня возникло искушение ответить, что Альфред вытащил бы старого короля на рыночную площадь и отрубил бы ему голову, но я знал, что он сроду такого не сделал бы. Поощрил же Альфред своего предателя-кузена после Этандуна, оставил в живых своего племянника Этельвольда, хотя этот племянник имел больше прав на трон, чем он сам.

– Он бы не стал убивать Эгберта, – вздохнул я, – но Альфред – набожный дурак.

– Он не дурак, – возразил Гутред.

– Его приводит в ужас неодобрение Бога, – объяснил я.

– Ну что же, этого, пожалуй, стоит бояться.

– Убей Эгберта, мой господин! – воскликнул я. – Если ты оставишь его в живых, он попытается вернуть свое королевство. К югу отсюда у Эгберта есть поместья. Он может поднять тамошних людей, отведет их к Ивару, а Ивар захочет снова видеть Эгберта на троне. Эгберт – враг!

– Он старик, больной и испуганный, – терпеливо отвечал Гутред.

– Вот и избавь престарелого ублюдка от страданий, – гнул свое я. – Если пожелаешь, я сделаю это для тебя. Я еще никогда не убивал королей.

– А тебе бы хотелось?

– Я убью его для тебя, – повторил я. – Эгберт позволил своим саксам резать датчан! Он не так жалок, как ты думаешь.

Гутред неодобрительно посмотрел на меня.

– Я знаю тебя, Утред, – ласково произнес он. – Ты хочешь иметь полное право хвастаться, что не только убил Уббу на морском побережье и сбросил с коня Свейна Белую Лошадь, но и отправил короля Эофервика Эгберта в холодную могилу.

– И убил Кьяртана Жестокого, – отозвался я. – И зарезал Эльфрика, который незаконно захватил Беббанбург.

– Я рад, что не вхожу в число твоих врагов, – беспечно проговорил Гутред, потом поморщился. – Какой здесь кислый эль.

– В этих краях его делают по-другому, – объяснил я. – А что посоветовал тебе сделать аббат Эадред?

– Разумеется, то же самое, что ты и Ульф. Убить Эгберта.

– В кои-то веки я согласен с Эадредом.

– Но Альфред не убил бы его, – твердо заявил Гутред.

– Альфред – король Уэссекса, – ответил я. – Ему не угрожает Ивар, и у него нет соперника вроде Эгберта.

– Но Альфред – хороший король, – настаивал Гутред.

Я в отчаянии пнул частокол и поинтересовался:

– Почему ты хочешь оставить Эгберту жизнь? Чтобы понравиться здешнему народу?

– Да, я хочу нравиться людям.

– Они должны тебя бояться, – возмутился я. – Ты король! Ты должен быть безжалостным.

Ты должен внушать страх!

– А разве Альфред внушает страх?

– Да, – ответил я и сам удивился, поняв, что сказал правду.

– Потому что он безжалостный?

– Нет, просто люди боятся вызвать его неудовольствие, – покачал я головой.

Я никогда не сознавал этого раньше, но теперь мне внезапно стало ясно: хотя Альфред вовсе не был безжалостным и был склонен проявлять милосердие, однако все равно внушал страх.

Думаю, люди подчинялись Альфреду, понимая, что он и сам живет под кнутом. Кнут Альфреда был страх вызвать неудовольствие Бога. Он никогда не мог избавиться от этого страха. Ему никогда не удавалось быть настолько хорошим, как хотелось бы, но он никогда не переставал пытаться. Что касается меня, я уже давно принял то, что я несовершенен, но Альфред никогда не мог смириться с этим по отношению к себе.

– Мне бы хотелось, чтобы люди боялись вызвать мое неудовольствие, – мягко проговорил Гутред.

– Тогда позволь мне убить Эгберта, – ответил я.

Но я напрасно тратил время, убеждая его. Гутред, вдохновленный своим кумиром Альфредом, пощадил Эгберта, и в конце концов выяснилось, что он поступил правильно. Он вынудил старого короля удалиться в монастырь к югу от реки и приставил к нему монахов, которые следили за тем, чтобы Эгберт не покидал монастырских стен. Монахи выполнили приказ, и не прошло и года, как Эгберт умер от какой-то болезни, которая превратила его в истерзанный болю мешок костей и сухожилий. Его похоронили в большой церкви у Эофервика, хотя ничего из этого я не видел.

Лето было уже в разгаре, и каждый день я опасался увидеть людей Ивара, следующих на юг, но вместо этого до нас дошли слухи о великой битве между Иваром и скоттами. Поскольку вечно циркулировали подобные слухи, которые в основном оказывались ложными, я не обратил на них особого внимания, но Гутред решил поверить в эту историю и разрешил большей части своей армии вернуться в Камбреленд, чтобы собрать урожай.

Таким образом, в Эофервике остался лишь маленький гарнизон. В том числе и личная стража Гутреда, и каждое утро я заставлял их упражняться в сражении на мечах, со щитами, с копьями, и каждый день заставлял их чинить стену Эофервика, обвалившуюся в слишком многих местах.

Решение Гутреда позволить людям уйти показалось мне неразумным, но он заявил, что следует собрать урожай, дабы потом не голодать. И он был совершенно уверен, что все вернутся. И снова оказался прав. Люди действительно вернулись. Ульф привел их назад из Камбреленда и потребовал, чтобы ему рассказали, чем будет заниматься вновь собирающаяся армия.

– Мы отправимся на север, к поселению Кьяртана, – ответил Гутред.

– И Эльфрика, – настойчиво добавил я.

– Конечно, – отозвался Гутред.

– Сколько добычи можно взять у Кьяртана? – заинтересовался Ульф.

– Безмерно много, – ответил я, вспомнив рассказ Текиля. Я предусмотрительно умолчал о свирепых псах, охраняющих серебро и золото. – Такое богатство, как у Кьяртана, вам и не снилось.

– Ну, тогда пора точить мечи, – отозвался Ульф.

– А у Эльфрика припрятано еще больше богатств, – добавил я, хотя понятия не имел, правду ли говорю.

Так или иначе, я искренне верил, что мы сможем взять Беббанбург. Ну и что с того, что эту крепость еще никогда не брали враги? В жизни нет ничего невозможного. Все зависело от Ивара. Если удалось бы его победить, Гутред стал бы самым могущественным человеком в Нортумбрии. А поскольку Гутред был моим другом, я верил, что он не только поможет мне убить Кьяртана и таким образом отомстить за Рагнара Старшего, но и вернет мне мои законные земли и крепость у моря.

Таковы были мои мечты тем летом. Я думал, что меня ждет золотая судьба, если только я смогу укрепить королевство Гутреда, но я опрометчиво позабыл о трех коварных пряхах, что сидят у корней древа жизни и плетут нити наших судеб.

Отец Виллибальд хотел вернуться в Уэссекс, и я не мог его за это винить. Он был восточным саксом, и ему не нравилась Нортумбрия. Я помню, как однажды ночью, когда мы ужинали елдером – это спрессованное и запеченное коровье вымя, – я жадно поглощал это блюдо, говоря, что так вкусно не ел с тех пор, как был ребенком. Бедный Виллибальд не смог проглотить даже одного куска и выглядел так, как будто его вот-вот стошнит. Я насмеялся над священником, называя его слабаком-южанином. Ситрик, который теперь был моим слугой, принес ему вместо вымени хлеб с сыром, а мы с Хильдой вдвоем доели елдер.

Хильда тоже была южанкой, но не такой привередливой, как Виллибальд. Именно той ночью, весь скривившись при виде елдера, он сообщил нам, что хочет вернуться к Альфреду.

До нас доходило мало новостей из Уэссекса, мы лишь знали, что там царит мир. Гутрум, конечно, был побежден и принял крещение как одно из условий мирного договора, который он заключил с Альфредом. При крещении он взял имя Этельстан, что означало «благородный камень», и Альфред стал его крестным отцом. В донесениях с юга говорилось, что Гутрум – или как там теперь его звали – хранит мир. Альфред жив, в Уэссексе все спокойно, – вот, пожалуй, и все, что нам было известно.

Гутред решил отправить к Альфреду послов. Он отобрал четверых датчан и четверых саксов, рассудив, что такой отряд сможет невредимым проехать на юг по территории обоих народов. Отца Виллибальда он назначил своим посланником. Священник записал письмо короля, скрипя пером по куску свежесделанного пергамента.

– С помощью Божьей, – диктовал Гутред, – я взял королевство Нортумбрия...
– Которое зовется теперь Халиверфолкланд, – вставил Эадред.

Гутред вежливо махнул рукой, давая понять, что Виллибальд может сам решить, добавлять ли эту фразу.

– И с благословения Божьего я правлю этой землей мирно и справедливо...
– Не так быстро, мой господин, – попросил священник.

– И должен же кто-то научить здешних жителей правильно варить эль, – продолжал Гутред.

– И должен же кто-то научить... – повторил себе под нос Виллибальд.

– Нет-нет, святой отец! Этого писать не надо! – рассмеялся Гутред.

Бедный Виллибальд. Письмо оказалось таким длинным, что пришлось растянуть, выскоблить и обрезать шкуру еще одного ягненка. Послание все тянулось и тянулось – в нем говорилось о святом Кутберте и о том, как он привел Армию Святых Людей в Эофервик, а также сообщалось о намерениях Гутреда сделать для святого гробницу. В письме упоминалось, что у короля до сих пор еще есть враги, способные помешать всем этим благим намерениям, но они описывались, на мой взгляд, как-то очень уж легкомысленно, как будто Ивар, Кьяртан и Эльфрик были лишь мелкими, незначительными помехами. В послании короля Уэссекса просили молиться за Гутреда и его подданных и заверяли, что такие молитвы каждый день возносятся за него самого христианами Халиверфолкланда.

– Я должен послать Альфреду подарок, – сказал Гутред. – Как ты думаешь, что бы ему понравилось?

– Святые мощи, – угрюмо сказал я.

Это оказалось удачным предложением, потому что Альфред ничего не любил так, как святыне реликвии, но их в Эофервике было немного. Правда, в церкви архиепископа раньше имелись сокровища вроде губки, с которой дали напиток вина Иисусу, когда тот умирал, или уздечки Валаамовой ослицы (лично я понятия не имел, кто такой Валаам, а уж почему его зад считался святым, оказалось для меня и вовсе неразрешимой загадкой)⁴. Всего таких реликвий было около дюжины, но архиепископ предусмотрительно забрал их с собой, и никто не знал наверняка, где сейчас Вульффер. Я полагал, что он присоединился к Ивару. Хротверд сказал, что у него якобы есть семена сикаморы, которая упоминается в Евангелии, но, когда он открыл серебряную шкатулку, в ней не оказалось ничего, кроме пыли.

В конце концов я предложил выдернуть зубы у святого Освальда. Эадред поначалу вознегодовал, услышав это, но потом решил, что идея не столь уж плоха. Принесли клещи, открыли маленький сундучок, и один из монахов выдернул два желтых, похожих на колышки зуба у мертвого короля. Мы положили их в красивый серебряный горшок, в котором Эадред обычно держал копченых устриц.

⁴ Непереводимая игра слов: английское ass имеет два значения: осел и задница.

Посольство отбыло утром в конце августа. Гутред отвел Виллибальда в сторону и передал ему на словах последнее сообщение для короля Уэссекса. Гутред заверял его, что хотя он сам и датчанин, однако тоже христианин, и умолял Альфреда отрядить своих воинов, дабы сражаться за Господню землю, если Нортумбрии будут угрожать враги.

Я подумал, что это все равно что мочиться на ветер: у Уэссекса имелось достаточно своих собственных врагов, чтобы его короля заботила судьба Нортумбрии.

Я тоже отвел Виллибальда в сторону. Мне было жаль, что он уезжает: священник всегда нравился мне. Виллибальд был хорошим человеком, но я видел, что ему не терпится снова увидеть Уэссекс.

– Сделай для меня кое-что, святой отец, – попросил я.

– Если это в моих силах, – осторожно ответил он.

– Передай мои приветствия королю.

Виллибальд явно почувствовал облегчение, как будто ожидал, что я попрошу о куда более обременительном одолжении. Ну что ж, так оно и было, и минуту спустя ему предстояло в этом убедиться.

– Король захочет узнать, когда ты вернешься, Утред, – сказал священник.

– Когда придет время, – ответил я, хотя, честно говоря, мог навестить Уэссекс лишь по одной-единственной причине – чтобы забрать клад, спрятанный мной в Фифхэдене.

Теперь я жалел, что закопал сокровища именно в Уэссексе.

– А еще я хочу, чтобы ты отыскал ярла Рагнара, – сказал я Виллибальду.

Он широко распахнул глаза и уточнил:

– Заложника?

– Найди его, – повторил я, – и передай ему от меня весточку.

– Если смогу, – сказал Виллибальд, по-прежнему очень осторожно.

Я с такой силой сжал плечи священника, желая убедиться, что он внимательно слушает, что бедняга поморщился.

– Ты найдешь Рагнара, – угрожающе произнес я, – и передашь ему послание! Скажи, что я собираюсь на север, чтобы убить Кьяртана. И еще передай, что его сестра жива и я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти ее и уберечь. Скажи ему, что я клянусь в том своей жизнью. И еще передай, чтобы Рагнар явился сюда, как только его освободят.

Я заставил Виллибальда повторить все это и поклясться на распятии, что он доставит Рагнару мое сообщение. Священнику явно не хотелось произносить клятву, но он боялся моего гнева, поэтому сжал в руке маленький крест и дал торжественное обещание.

А потом он уехал.

* * *

И у нас снова появилась армия, потому что урожай был собран, и пора было двигаться на север.

Гутред отправлялся на север по трем причинам. Во-первых, чтобы победить Ивара; во-вторых, присутствие Кьяртана в Нортумбрии беспокоило его, словно гноящаяся рана; и в-третьих, Эльфрик должен был подчиниться власти Гутреда. Ивар был опаснее всех, и он наверняка разбил бы нас, если бы повел свою армию на юг. Кьяртан был менее опасен, но его следовало уничтожить, потому что в Нортумбрии не будет мира, покуда он жив. Эльфрик представлял собой еще меньшую угрозу, чем Кьяртан.

– Твой дядя – король Беббанбурга, – сказал мне Гутред, когда мы маршировали на север.

– Он сам себя так назвал? – сердито спросил я.

– Нет-нет! Для этого у него слишком много здравого смысла. Но в действительности он и есть король. Земли Кьяртана – своего рода барьер, так ведь? Поэтому правление Эльфрика не простирается дальше Дунхолма.

– Раньше мы были королями Беббанбурга, – сказал я.

– Да? – удивленно спросил Гутред. – Королями Нортумбрии?

– Берниции, – ответил я.

Гутред никогда не слышал этого названия.

– Она занимала весь север Нортумбрии, – объяснил я, – а все земли вокруг Эофервика были королевством Дейра.

– Потом они объединились? – заинтересовался Гутред.

– Потом мы убили их последнего короля. Но это было много лет тому назад. Задолго до появления христианства.

– Итак, ты заявляешь, что имеешь право быть королем этих земель? – спросил Гутред.

К моему удивлению, в голосе его слышалось подозрение.

Я пристально уставился на своего спутника, и он покраснел.

– Признайся, Утред, ты все-таки хочешь быть тамошним королем? – настаивал он, пытаясь сделать вид, что ему безразличен мой ответ.

Я засмеялся.

– Господин король, если ты вернешь мне Беббанбург, я встану перед тобой на колени и поклянусь в вечной верности тебе и твоим потомкам!

– Потомкам, говоришь? – весело отозвался он. – Ты видел Осбурх?

– Видел.

Осбурх была племянницей Эгберта, саксонкой и жила во дворце, когда мы взяли Эофервик. Ей исполнилось четырнадцать, она была пухленькой, темноволосой и довольно хорошенькой.

– Как думаешь, если я на ней женюсь, – спросил меня Гутред, – Хильда согласится стать ее компаньонкой?

– Спроси у нее сам, – ответил я, мотнув головой назад, в сторону следовавшей за нами Хильды.

Накануне я предложил ей вернуться в Уэссекс с отцом Виллибальдом, но Хильда заявила, что еще не готова встретиться с Альфредом. Я прекрасно понимал ее, а потому не настаивал.

– Думаю, она сочтет за честь стать компаньонкой твоей жены, – сказал я Гутреду.

* * *

В первую ночь похода мы встали лагерем в Онхрипуме, где маленький монастырь дал приют Гутреду, Эадреду и множеству церковников. Теперь в нашей армии насчитывалось около шестисот человек, почти половина из них – конные, поэтому огни нашего лагеря осветили все поля вокруг монастыря. Как командир личной стражи короля, я разбил свой лагерь поближе к зданиям монастыря, а мои подчиненные (теперь их насчитывалось сорок человек, почти все в кольчугах, награбленных в Эофервике) расположились неподалеку от монастырских ворот.

Первую часть ночи я стоял на часах вместе с Клапой и двумя саксами. Со мной был и Ситрик. Хотя я называл его своим слугой, но всюду учил владеть мечом и щитом. Мне казалось, что через год-другой из мальчишки получится неплохой воин.

– Ты хорошо присматриваешь за головами? – спросил я его.

– Ох, и воняет же от них! – скривился Клапа.

– Не больше, чем от тебя самого, Клапа, – осадил я верзилу.

– Они в безопасности, мой господин, – заверил Ситрик.

– Вообще-то, у меня должно было быть восемь голов, – заметил я и шутливо обхватил пальцами шею парнишки. – У тебя костлявая шейка, Ситрик.

– Но крепкая, мой господин, – ответил он.

Как раз в этот миг дверь монастыря открылась, и из нее выскользнула Гизела в черном плаще.

– Тебе следовало бы спать, моя госпожа, – пожурил ее я.

– Я не могу уснуть. Хочу прогуляться.

Гизела с вызовом уставилась на меня. Ее губы были чуть приоткрыты, и пламя костра поблескивало на ее крупных красивых зубах и отражалось в бездонных глазах.

– Куда ты хочешь пойти? – спросил я.

Она пожала плечами, все еще глядя на меня, и я подумал, что Хильда спит в монастыре.

– Оставляю тебя за главного, Клапа, – сказал я, – и, если вдруг явится Ивар, убей ублюдка.

– Да, мой господин.

Я слышал, как стражники захихикали, когда мы с Гизелой пошли прочь. Пришлось хорошенько на них рявкнуть, чтобы они замолчали. Я повел Гизелу к деревьям, что росли к востоку от монастыря, потому что там было темно. Она взяла меня за руку.

Гизела молчала, довольствуясь тем, что идет рядом со мной.

– Ты не боишься ночи? – спросил я ее.

– С тобой – нет.

– Когда я был ребенком, – произнес я, – то превратился в скедугенгана.

– А что такое скедугенган?

Слово было саксонским, незнакомым для нее.

– Движущая Тень, – пояснил я. – Создание, которое крадетсЯ во мраке ночи.

Неподалеку заухала сова, и пальцы Гизелы невольно сжали мою руку.

Мы остановились под деревьями, кроны которых ерошил ветер. Сквозь листья пробивался скудный свет лагерных костров, и я приподнял лицо Гизелы и посмотрел на нее сверху вниз. Она была высокой, но все же на голову ниже меня. Она позволила себя рассматривать, потом закрыла глаза, и я осторожно провел пальцем вниз по ее длинному носу.

– Послушай... – начал было я, но потом замолчал.

– Да, – отозвалась она, как будто знала, что я собирался сказать.

Я заставил себя отвернуться от Гизелы.

– Я не могу сделать Хильду несчастной.

– Она сказала мне, что вернулась бы в Уэссекс с отцом Виллибальдом, но хочет посмотреть, возьмешь ли ты Дунхолм, – ответила моя спутница. – Она говорит, что молится, чтобы тебе это удалось, и что Бог подаст ей знак, будет ли сопутствовать тебе удача.

– Она так сказала?

– Хильда полагает, что это будет одновременно и зна́ком, говорящим, что она может вернуться в монастырь. Так она сказала мне этой ночью.

Похоже, Гизела говорила правду. Я погладил ее лицо.

– Тогда мы должны подождать, пока Дунхолм не будет взят, – ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

– Мой брат считает, что я должна стать короной мира, – горько проговорила Гизела.

Корова мира – это женщина, которую отдают замуж в семью соперника в попытке завязать с ним дружбу. И, без сомнения, Гутред хотел выдать сестру за сына Ивара или найти ей супруга в Шотландии.

– Но я не буду короной мира, – решительно заявила Гизела. – Я бросила палочки с рунами и узнала свою судьбу.

– И что ты узнала?

– У меня будут два сына и дочь.

– Вот и хорошо.

– Это будут твои сыновья, – с вызовом проговорила она, – и твоя дочь!

Мгновение я молчал. Мне внезапно стало очень жарко.

– Так сказали тебе палочки с рунами? – спустя несколько биений сердца ухитрился выговорить я.

– Они никогда не лгут, – ответила Гизела спокойно. – Когда Гутред был взят в плен, палочки сказали мне, что он вернется и что вместе с ним приедет мой будущий муж. Так и вышло.

– Но твой брат хочет, чтобы ты стала короной мира, – напомнил я.

– Тогда ты должен увезти меня, – сказала Гизела, – так, как делали в старину.

Действительно, существовал древний датский обычай похищать невесту: жениху следовало ворваться в ее поместье и умыкнуть возлюбленную у родных. И сейчас невест время от времени еще похищали, но с обоюдного согласия: обычно предварительно велись переговоры с родителями, у девушки было время собрать свои пожитки, прежде чем явятся всадники.

– Я тебя увезу, – пообещал я, понимая, что завариваю кашу. Как переживет мою измену Хильда? Да и Гутред посчитает, что я его предал.

И все равно я запрокинул лицо Гизелы и поцеловал ее.

Она повисла у меня на шее, и как раз в этот момент раздались крики. Крепко прижимая к себе Гизелу, я внимательно прислушался. Крики доносились со стороны лагеря, и сквозь деревья я видел, как мимо костров люди бегут к дороге.

– Там что-то случилось, – сказал я, схватил девушку за руку, и мы вместе побежали к монастырю, где Клапа и другие стражники уже обнажили мечи.

Я втолкнул Гизелу в дверь и вытащил из ножен Вздох Змея.

Но, к счастью, ничего страшного не случилось. Во всяком случае, для нас. Свет лагерных костров привлек троих чужаков, один из которых был тяжело ранен. Вновь прибывшие принесли новости.

Не прошло и часа, как маленькая церковь монастыря была ярко освещена и все священники и монахи пели хвалы Господу. Послание, которое трое чужаков принесли с Севера, обошло весь наш лагерь, и те, кто только что проснулся, тоже пришли к монастырю, чтобы выслушать новости и убедиться, что это правда.

– Господь творит чудеса! – кричал Хротверд толпе.

Он вскарабкался по лестнице на монастырскую крышу. Несколько человек принесли пылающие факелы, и при их свете Хротверд казался огромным. Он поднял руки, и толпа замолчала. Он выждал некоторое время, глядя сверху вниз на запрокинутые лица, а позади него звучало торжественное пение монахов, и где-то в ночи кричала сова. Хротверд сжал кулаки и воздел руки еще выше, как будто мог коснуться небес в свете луны.

– Ивар побежден! – в конце концов прокричал он. – Славьте Господа и святых, тиран Ивар Иварсон побежден! Он потерял всю свою армию!

И жители Халиверфолкланда, которые боялись сражаться с могучим Иваром, радостно кричали, пока не охрипли, потому что самое серьезное препятствие для правления Гутреда в Нортумбрии было устранено. Он воистину мог называть себя королем. И теперь он им был. Королем Гутредом.

Глава четвертая

Мы услышали, что произошла битва, великая и страшная, битва, после которой вся долина наполнилась кровью, и Ивар Иварсон, самый могущественный датчанин Нортумбрии, был побежден Аэдом Шотландским. Потери с обеих сторон были просто ужасающими.

На следующее утро прибыло еще почти шестьдесят выживших, и мы узнали подробности недавнего сражения. Эти люди странствовали достаточно крупным отрядом, чтобы их не попытался схватить Кьяртан, и до сих пор еще не пришли в себя после страшной кровавой бойни, в которой им чудом удалось уцелеть. Как оказалось, Ивара заманили через реку в долину, где, как он считал, укрылся Аэд, но то была ловушка. Холмы с обеих сторон долины оказались полны вражеских воинов. С дикими криками ринулись шотландцы сквозь туман и вереск, чтобы врезаться в датскую «стену щитов».

– Их были тысячи, – поведал нам один из выживших, все еще трясась от ужаса.

«Стена щитов» Ивара поначалу держалась, но я мог вообразить себе, сколь неистовой была та битва. Мой отец сражался со скоттами много раз, и он всегда называл их дьяволами. «Безумные дьяволы, – говорил он, – дьяволы с мечами, завывающие дьяволы». И датчане Ивара рассказали нам, как, придя в себя после первой атаки, они пустили в ход мечи и копья, чтобы сразить этих дьяволов. Однако шотландцы, издавая воинственные вопли, продолжали нападать, перебираясь через собственных мертвецов, волосы этих дикарей покраснели от крови, мечи шипели, и Ивар попытался выбраться из долины на север, чтобы оказаться на возвышенности.

Для этого ему требовалось рубить направо и налево, буквально прокладывая себе дорогу через плоть, – и он проиграл. Тогда Аэд повел свои отборные войска против лучших людей Ивара, и щиты сталкивались со щитами, и клинки звенели, и люди умирали один за другим.

Уцелевшие сказали, что Ивар сражался как демон, но получил удар мечом в грудь, а в ногу его вонзилось копьё. Личная стража оттащила его назад из «стены щитов». Он бесновался, требуя, чтобы ему позволили умереть лицом к лицу с врагом, но люди Ивара сдержали его и отогнали дьяволов – к тому времени на поле сечи уже пала ночь.

Задняя часть колонны датчан все еще держалась, и выжившие, большинство из которых истекали кровью, притащили своего вождя к реке. Сын короля, тоже Ивар, всего шестнадцати лет от роду, собрал тех, кто был ранен не так тяжело, – и они пошли в атаку и прорвались сквозь окруживших их скоттов. Но много датчан погибло, когда они пытались в темноте переправиться через реку. Некоторые утонули, уйдя на дно под тяжестью своих кольчуг. Других враги прирезали на мелководье, но примерно шестая часть армии Ивара все-таки преодолела водную преграду. Мокрые, уставшие, они сидели на южном берегу, слушая крики умирающих и боевые кличи скоттов.

На рассвете выжившие вновь построились «стеной щитов», ожидая, что скотты переправятся через реку и довершат истребление их армии, но люди Аэда почти так же истекали кровью и почти так же устали, как побежденные датчане.

– Мы убили сотни врагов, – безрадостно завершил рассказчик.

Позже мы узнали, что это правда и что Аэд похромал обратно на Север, чтобы зализать раны.

Сам ярл Ивар был ранен, но выжил. Говорили, что он прячется в холмах, боясь попасть в плен к Кьяртану, и Гутред послал на север сотню всадников, чтобы его найти. Вскоре те обнаружили, что отряды Кьяртана тоже прочесывают холмы. Ивар, должно быть, понимал, что его все равно найдут, и предпочел стать пленником Гутреда, чем узником Кьяртана, поэтому он сдался отряду людей Ульфа, которые привезли раненого ярла в наш лагерь сразу после полудня.

Ивар не мог ехать верхом, поэтому его несли на щите. Его сопровождали сын Ивар и еще около тридцати уцелевших воинов. Некоторые из них были ранены так же тяжело, как их вождь. Но когда Ивар понял, что должен встретиться с человеком, который самовольно захватил трон Нортумбрии, он настоял на том, чтобы идти самому. И он встал и пошел.

Представляю, с каким трудом это ему далось, потому что боль его, должно быть, была невыносима, но Ивар все-таки заставил себя идти: он шел, хромя, и через каждые несколько

шагов опирался на копье, словно на костыль. Я видел, насколько плохо было этому человеку, но он был слишком горд и не мог позволить, чтобы его несли в присутствии Гутреда.

Словом, Ивар, хоть и с большим трудом, но все-таки подошел к нам. Делая очередной шаг, он вздрагивал от боли, но при этом был полон гнева и не собирался сдаваться.

Я никогда не встречался с этим человеком раньше, потому что его воспитывали в Ирландии, но он выглядел в точности как его покойный отец, Ивар Бескостный. То же смахивающее на череп лицо с запавшими глазами, те же желтые волосы, стянутые в хвост, та же угрюмая злоба. Да, в нем чувствовалась сила.

Гутред ждал у входа в монастырь, и его личная стража построилась двумя шеренгами, между которыми Ивару пришлось пройти.

Слева и справа от Гутреда стояли его главные помощники: я, аббат Эадред, отец Хротверд и остальные церковники.

Не дойдя до Гутреда нескольких шагов, Ивар остановился, оперся на копье и окинул всех нас испепеляющим взглядом. Он сперва принял меня за короля, потому что мои кольчуга и шлем были гораздо лучше, чем у Гутреда.

– Это ты тот самый мальчишка, который называет себя королем? – спросил он.

– Я тот самый мальчишка, который убил Уббу Лотброксона, – ответил я.

Убба был родным дядей Ивара, поэтому лицо его невольно перекопилось, и я увидел в его глазах странный зеленый блеск. То были глаза настоящей ядовитой змеи. Ивар, может, и был тяжело ранен, его мощь была сломлена, но в тот миг он хотел одного – убить меня.

– Кто ты такой? – спросил он.

– Ты прекрасно знаешь, кто я, – пренебрежительно ответил я.

Высокомерие – это все для молодого воина.

Гутред сжал мою руку, словно веля мне замолчать, потом шагнул вперед.

– Господин Ивар, – сказал он, – мне жаль видеть, что ты ранен.

Ивар презрительно ухмыльнулся, услышав это.

– Тебе полагалось бы радоваться и сожалеть лишь о том, что я не мертв. Так, значит, ты Гутред?

– Я скорблю, что ты ранен, мой господин, – ответил Гутред, – и скорблю о людях, которых ты потерял. Но я возликовал, узнав, что ты убил столько врагов. Мы у тебя в долгу.

Он сделал шаг назад и посмотрел мимо Ивара на нашу армию, что собралась вокруг дороги.

– Мы должны поблагодарить Ивара Иварсона! – воскликнул Гутред. – Он уничтожил угрозу, что подстерегала нас к северу! Король Аэд похромал домой, зализывать раны, оплакивать павших и утешать вдов Шотландии!

На самом деле, конечно, это Ивар сейчас хромал, а Аэд был победителем, но слова Гутреда вызвали приветственные крики, и это удивило Ивара. Он, должно быть, ожидал, что Гутред его убьет, и это было бы вполне логично. Однако вместо этого с Иваром обращались с почетом.

– Лучше убей этого ублюдка, – пробормотал я Гутреду.

Тот удивленно взглянул на меня, как будто такая мысль никогда не приходила ему в голову.

– Зачем? – тихо спросил он.

– Просто убей его, и побыстрее, – настаивал я. – А заодно и этого крысеныша, его сына.

– Ты одержим убийствами, – ответил Гутред так, словно это его развлекало.

Тут я увидел, что Ивар наблюдает за нами. Должно быть, он догадывался, что я говорю.

– Воистину – добро пожаловать, господин Ивар! – Гутред отвернулся от меня и улыбнулся Ивару. – Нортумбрии нужны великие воины, – продолжал он, – а тебе, мой господин, обязательно нужно хорошенько отдохнуть.

Я заметил в змеиных глазах Ивара удивление. Нетрудно было догадаться, о чем он думает: «Ох и глупец же этот Гутред». Но именно в тот момент я понял, что Гутреда ждет золотая судьба. *Wyrd bið ful aræd.*

Когда я спас его от Свена и Гутред заявил, что он король, я воспринял это как шутку. Когда он стал королем Кайр-Лигвалида, я все еще думал, что да, шутка хороша. И даже в Эофервике я еще сомневался, что мы сможем смеяться над этой шуткой дольше нескольких недель, потому что Ивар был сюзереном Нортумбрии, великим и жестоким. Но теперь Аэд сделал за нас всю работу. Ивар потерял большинство своих людей, он был тяжело ранен, и в Нортумбрии остались только три великих владыки. Эльфрик, цепляющийся за украденные у меня земли в Беббанбурге, Кьяртан, черный паук в своей крепости у реки, и король Гутред, властитель Севера и единственный датчанин в Британии, возглавляющий как датчан, так и добровольно идущих за ним саксов.

Мы остались в Онхрипуме. Вообще-то, раньше это не входило в наши планы, но Гутред настоял на том, чтобы мы подождали, пока Ивар не оправится от ран. Монахи усиленно лечили его, и Гутред навещал раненого ярла, принося ему еду и эль. Большинство выживших людей Ивара тоже были ранены, и Хильда промывала им раны и приносила чистую ткань для перевязок.

– Им нужна еда, – сказала она мне.

Но еды у нас осталось мало, и каждый день мне приходилось отправлять отряды фуражиров искать зерно или скот все дальше и дальше. Я убеждал Гутреда поскорее двинуться в путь, чтобы добраться до мест, где будет больше припасов, но он был просто очарован Иваром.

– Этот человек мне нравится! – говорил мне Гутред. – И мы не можем его здесь оставить!

– А почему бы нам не похоронить его здесь? – предложил я.

– Он же наш союзник! – возмутился Гутред.

Похоже, он и впрямь так считал. Ивар осыпал его похвалами, а Гутред верил каждому слову этого предателя.

Поскольку монахи хорошо делали свою работу, Ивар быстро поправлялся. Я надеялся, что он умрет от ран, но через три дня он уже ездил верхом. Он все еще испытывал боль, это было ясно. Должно быть, ужасную боль, но он заставлял себя ходить и взбираться на лошадь, точно так же как заставил себя присягнуть на верность Гутреду.

По правде говоря, у него не было особого выбора. У Ивара теперь осталось меньше сотни человек, многие из которых были ранены, и он больше не был великим владыкой, поэтому он и его сын были вынуждены опуститься на колени перед Гутредом и поклясться в верности королю. Сын Ивара, шестнадцатилетний парнишка, был похож на отца и деда – такой же тощий и коварный. Лично я не доверял им обоим, но Гутред меня не слушал.

– Король должен быть великодушным, – сказал он.

И он искренне верил, что, проявив к Ивару милосердие, навеки привяжет к себе этого человека.

– Так поступил бы Альфред, – объяснил мне король.

– Альфред взял бы в заложники сына и отослал бы отца прочь, – возразил я.

– Но Ивар дал клятву, – настаивал Гутред.

– Вот увидишь: он соберет новых людей, – предупредил я.

– И замечательно! – заразительно улыбнулся Гутред. – Нам нужны воины, способные сражаться.

– Ивар захочет, чтобы его сын стал королем.

– Если он сам не хочет быть королем, то с какой стати ему желать такой судьбы для своего сына? Тебе повсюду мерещатся враги, Утрэд. Юный Ивар красивый парень, как ты думаешь?

– Он похож на полумертвую от голода крысу.

– Он как раз такого возраста, как Гизела! Кобылья Морда и Голодная Крыса – славная выйдет парочка, а?

Гутред ухмыльнулся, и мне захотелось стереть ухмылку с его лица кулаком.

– А что, неплохая идея? – продолжал он. – Ей пора замуж, и такой брак привяжет ко мне Ивара.

– А не лучше ли тебе будет привязать к себе меня? – прямо спросил я.

– Мы с тобой и так уже друзья, – ответил он, все еще ухмыляясь. – И я благодарю за это Бога.

* * *

Мы двинулись на север, когда Ивар достаточно оправился. Он был уверен, что многие его воины пережили устроенную шотландцами резню, поэтому брат Дженберт и брат Ида поехали впереди в сопровождении пятидесяти человек. Эти два монаха, как заверил меня Гутред, хорошо знали местность у реки Туид и могли возглавить спасательные отряды, которые искали пропавших людей Ивара.

Большую часть пути Гутред ехал рядом с Иваром. Его честолюбию польстило, что такой человек принес ему клятву верности. Король приписал этот успех христианской магии, и, когда Ивар отстал, чтобы ехать вместе со своими людьми, Гутред призвал отца Хротверда и стал расспрашивать бородатого священника о Кутберте, Освальде и Святой Троице. Гутред хотел уразуметь, как работает магия, и был сбит с толку объяснениями Хротверда.

– Сын – это не Отец, – попытался внушить ему священник. – А Отец – не Дух Святой, а Дух Святой – не Сын, но Отец. Сын и Дух Святой едины, неделимы и вечны.

– Выходит, всего богов три? – спросил Гутред.

– Бог один! – сердито сказал Хротверд.

– Ты это понимаешь, Утрэд? – окликнул меня Гутред.

– Никогда не понимал, мой господин, – отозвался я. – Для меня это полная чушь.

– Никакая это не чушь! – зашипел на меня Хротверд. – Представь себе листок клевера, мой господин, – обратился он к Гутреду. – Три отдельных лепестка, но при этом одно растение.

– Сие великое таинство, мой господин, – вставила Хильда.

– Ты о чем?

– Бог есть великое таинство, мой господин, – пояснила она, не обращая внимания на злобный взгляд Хротверда. – И великое чудо. Тебе и не надо понимать, просто дивись этому.

Гутред повернулся в седле, чтобы взглянуть на Хильду.

– Надеюсь, ты все-таки станешь компаньонкой моей жены? – жизнерадостно спросил он.

– Сперва женитесь, мой господин, – ответила Хильда, – тогда и поговорим об этом.

Он ухмыльнулся и отвернулся от нее.

– Я думал, ты решила вернуться в монастырь, – потихоньку обратился я к Хильде.

– Это Гизела тебе сказала?

– Да.

– Я жду знак, ниспосланный Богом, – пояснила Хильда.

– Падение Дунхолма?

– Может быть, – нахмурилась она. – Дунхолм – средоточие зла. Если Гутред возьмет город и тот окажется под знаменами святого Кутберта, это покажет волю Господа. Может, именно такой знак мне и нужен.

– Мне сдается, ты уже получила свой знак.

Она направила кобылу в сторону от Витнера, который косил на ее лошадь злым глазом.

– Отец Виллибальд хотел, чтобы я вернулась с ним в Уэссекс, – сказала Хильда, – но я отказалась. Я ответила, что, прежде чем удалиться от мира, я хочу узнать этот мир.

Несколько шагов она проехала в молчании, а потом заговорила очень тихо:

– Я всегда любила детей.

– Ты можешь родить детей, – сказал я.

– Нет, у меня другая судьба, – отрицательно покачала она головой. Взглянув на меня, Хильда спросила: – Ты знаешь, что Гутред хочет выдать Гизелу замуж за сына Ивара?

Этот неожиданный вопрос заставил меня вздрогнуть.

– Я слышал, что он подумывает об этом, – осторожно ответил я.

– Ивар согласился. Прошлой ночью.

У меня упало сердце, но я попытался не показать виду. И поинтересовался:

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказала Гизела. Но возникла загвоздка с приданым.

– Извечный камень преткновения, – грубо отозвался я.

– Ивар хочет получить Дунхолм.

До меня не сразу дошло, что именно сказала Хильда, но потом я осознал всю чудовищность этой сделки. Ивар потерял большинство своих воинов, когда его армию вырезал Аэд, но если ему отдадут Дунхолм и окрестные земли, он снова станет силен. Люди, которые теперь следуют за Кьяртаном, станут людьми Ивара, и в мгновение ока он обретет былую мощь.

– Надеюсь, Гутред не согласился? – спросил я.

– Пока еще нет.

– Он не может быть настолько глуп!

– Глупости мужчин, похоже, нет предела, – ядовито заметила Хильда. – Утрэд, ты помнишь, как перед отъездом из Уэссекса сказал мне, что в Нортумбрии полным-полно твоих врагов?

– Помню.

– По-моему, врагов тут еще больше, чем ты думаешь, – сказала Хильда, – поэтому я пока на всякий случай останусь с тобой. – Она прикоснулась к моей руке. – Иногда я думаю, что я здесь твой единственный друг, – продолжала Хильда, – поэтому позволь мне остаться до тех пор, пока я не буду знать наверняка, что ты в безопасности.

Я улыбнулся ей и, прикоснувшись к рукояти Вздоха Змея, твердо заявил:

– Я в безопасности.

– Ты самонадеян, – вздохнула Хильда, – и порой бываешь слеп. – Она произнесла это с упреком, потом посмотрела на дорогу и поинтересовалась: – Ну и что ты собираешься делать?

– Осуществить кровную месть, – ответил я. – Именно поэтому мы здесь.

Это была правда. Как раз за этим я и ехал на север – чтобы убить Кьяртана и освободить Тайру. Но к тому времени, когда я сделаю все это, Дунхолм будет принадлежать Ивару, а Гизела будет принадлежать его сыну. Я чувствовал себя так, словно меня предали, хотя о каком предательстве могла идти речь: Гизелу никогда не обещали отдать мне в жены. Гутред был волен выдать ее замуж за того, за кого пожелает.

– Хотя не лучше ли нам с тобой просто уехать прочь? – горько спросил я свою подругу.

– Уехать куда?

– Да куда угодно.

– Обратнo в Уэссекс? – улыбнулась Хильда.

– Нет!

– Тогда куда?

Да никуда. Если я и вернусь однажды в Уэссекс, то лишь для того, чтобы вырыть свой клад, когда у меня появится надежное место, в которое можно будет его перенести. Судьба держала меня крепкой хваткой, судьба послала мне множество врагов. И враги эти были повсюду.

* * *

Мы пересекли вброд реку Виир далеко к западу от Дунхолма, а потом двинулись к поселению, которое местные звали Канкесестером. Оно лежало поперек римской дороги в пяти милях севернее Дунхолма. В свое время римляне построили в Канкесестере крепость, и стены ее до сих пор сохранились, хотя теперь превратились всего лишь в невысокие насыпи на зеленом поле.

Гутред велел устроить привал у стен обветшавшей крепости, а я возразил, что армия должна продолжить марш до тех пор, пока не доберется до Дунхолма. Мы впервые поспорили, потому что Гутред не желал менять своего решения.

– Какой смысл, мой господин, – спросил я, – задерживать армию в двух часах марша от врага?

– Эадред говорит, что мы должны остановиться здесь.

– Аббат Эадред? Он что, знает, как брать крепости?

– Ему приснился вещий сон.

– Опять?

– Святой Кутберт хочет, чтобы его гробница находилась здесь, – ответил Гутред. – Прямо вот здесь! – Он показал на маленький холм, где гроб со святым окружали молящиеся монахи.

Лично мне все это показалось полнейшей бессмыслицей.

Место как место, ничем не примечательное, если не считать руин крепости. Тут были холмы, поля, пара ферм и маленькая речка. Все вместе выглядело довольно симпатично, но почему именно это место идеально подходило для гробницы святого, оставалось выше моего понимания.

– Наша задача, мой господин, – сказал я, – заключается в том, чтобы взять Дунхолм. Если мы построим здесь церковь, это делу не поможет.

– Но сны Эадреда всегда сбывались, – настойчиво проговорил Гутред, – и святой Кутберт еще ни разу меня не подводил.

Я стал спорить – и проиграл. Хотя меня и поддержал Ивар, утверждавший, что мы должны подвести армию ближе к Дунхолму. Однако вещий сон аббата предписывал разбить лагерь у Канкесестера.

Монахи немедленно начали возводить церковь. Разровняли холм, срубили деревья, и теперь Эадред втыкал в землю колышки, чтобы показать, где должны быть стены. Поскольку для фундамента требовались камни, следовало найти карьер, а еще лучше – старое римское здание, которое можно разобрать. Но только это должно было быть большое здание, потому что аббат задумал построить грандиозную церковь, превышающую размером тронные залы некоторых королей.

Лето заканчивалось. На следующий день под высоким небом, на котором изредка попадались облака, мы двинулись на юг, к Дунхолму. Мы ехали туда, чтобы бросить вызов Кьяртану и испытать силу его крепости. Путь предстоял недолгий.

Нас было сто пятьдесят человек. Ивар и его сын ехали справа и слева от Гутреда, Ульф и я следовали за ними, ну а церковники остались в Канкесестере. Среди нас были датчане и саксы, воины с мечами и копьями, и мы ехали под новым знаменем Гутреда с изображением святого Кутберта – одну руку тот поднял в благословляющем жесте, в другой держал изукрашенное драгоценностями Евангелие с острова Линдисфарена. Не слишком-то вдохновляющее знамение – во всяком случае, на мой взгляд, и я жалел, что не догадался попросить Хильду сшить мне личное знамя с изображением волчьей головы, то был символ Беббанбурга. Вот у ярла Ульфа имелось собственное знамя с орлиной головой, да и Ивар ехал под потрепанным

полотнищем с двумя вбронами, которое он спас во время поражения датчан в Шотландии. И только я ехал без своего штандарта.

Ярл Ульф выругался, когда впереди показался Дунхолм. Он впервые понял, сколь неприступна эта высокая скала, стоящая в излучине реки Виир. Скала не была отвесной, ее крутые склоны густо поросли сикоморами и грабами. Но вершина была ясно видна, и мы могли разглядеть крепкий деревянный палисад. Входом в крепость служили высокие ворота, увенчанные валом. На нем трепетало треугольное знамя, украшенное изображением корабля со змеиной головой, – своего рода напоминание о том, что Кьяртан некогда был капитаном судна. Под знаменем стояли люди с копьями, на палисаде висели ряды щитов.

Ульф, Гутред и Ивар внимательно разглядывали Дунхолм. Все молчали, потому что сказать тут было нечего. Крепость выглядела неприступной. Правда, к ней вела тропа, но такая крутая и узкая, что требовалось совсем немного человек, чтобы ее оборонять. Тропа петляла вокруг деревьев, мимо валунов, поднимаясь к высоким воротам.

Не было никакого смысла бросать нашу армию вверх по этой тропе: в некоторых местах она так сужалась, что даже двадцать человек могли бы сдержать там целое войско, причем все это время на наши головы дождем сыпались бы копья и камни.

Гутред, который явно решил, что Дунхолм взять невозможно, молча бросил на меня умоляющий взгляд.

– Ситрик! – позвал я, и мальчик поспешил ко мне. – Скажи, эта стена – она что, идет вокруг всей вершины?

– Да, мой господин, – ответил он. Потом поколебался и добавил – Вот только...

– Только что?

– На южной стороне, мой господин, есть небольшой промежуток, там находится скала, оттуда сбрасывают дерьмо.

– Скала? – переспросил я.

– Совсем маленькая. – Ситрик взмахнул рукой, показывая, что это просто обломок камня.

– На эту скалу можно взобраться? – спросил я.

– Нет, мой господин.

– А как насчет воды? Там есть колодец?

– Целых два, мой господин, оба снаружи палисада. Тем, который на западе, пользуются нечасто. Другой – на восточной стороне. Он расположен высоко на склоне, где растут деревья.

– Снаружи стены?

– Да, мой господин, но этот колодец обнесен собственной стеной.

Я бросил Ситрику в награду монету, хотя его ответы меня не подбодрили. Я думал, что, если люди Кьяртана берут воду из реки, мы сможем выставить лучников и остановить их, однако, увы, невозможно пустить стрелу сквозь дерево и стену, чтобы помешать брать воду из колодца.

– Так что же нам делать? – спросил меня Гутред.

Я был так зол, что меня просто подмывало в ответ ядовито поинтересоваться: почему бы королю не узнать это у священников, авось аббату приснится очередной вещий сон? Однако я все-таки сдержался и сказал следующее:

– Ты можешь предложить Кьяртану вступить с тобой в переговоры, мой господин, а когда он откажется, просто заморить его голодом.

– Урожай только что убрали, – возразил Гутред.

– Значит, на осаду уйдет год, – резко ответил я. – Поставь стену поперек горловины Дунхолма. Запри Кьяртана здесь. Дай ему знать, что мы не уйдем. Пусть он увидит, что на него надвигается голод. Если ты построишь стену, – продолжал я, мне и самому начинала нравиться эта идея, – тебе не придется оставлять здесь армию. Достаточно будет шестидесяти человек.

– Шестидесяти? – спросил Гутред.

– Да, они вполне смогут справиться.

Огромная масса камней, на которой стоял Дунхолм, имела форму груши, с ее нижнего узкого конца, горловины, мы сейчас и смотрели на высокие стены.

Река бежала справа от нас, омывая огромную скалу, потом исчезала слева, и здесь расстояние от одного ее берега до другого составляло чуть меньше трехсот шагов. Ушла бы неделя на то, чтобы расчистить эти три сотни шагов от деревьев, и еще неделя потребовалась бы, чтобы выкопать ров и возвести палисад. Ну и приблизительно столько же времени мы бы укрепляли палисад, чтобы шестьдесят человек могли его успешно защищать.

Горловина была не плоской полосой земли, а неровным нагромождением камней, поэтому палисад должен был бы тянуться через этот холм. Шестьдесят человек никогда бы здесь не справились, не будь большая часть горловины непроходимой из-за каменных утесов – оттуда уж точно никто не сможет напасть. Таким образом, получалось, что я прав: и в самом деле требовалось всего шестьдесят человек, чтобы защитить палисад в трех или четырех местах.

– Шестьдесят, говоришь? – злобно переспросил до сих пор молчавший Ивар: он выплюнул эти слова, как проклятие. – Тебе понадобится гораздо больше. Ночью воинам надо будет сменяться. А еще кому-то придется ходить за водой, пасти скот и патрулировать берег реки. Может, шестьдесят человек и сумеют удержать стену, но тебе понадобится еще две сотни, чтобы эти шестьдесят смогли здесь продержаться.

Он бросил на меня испепеляющий взгляд. Конечно, Ивар был прав. Но если осадой Дунхолма будут заняты две или три сотни людей, то эти люди не смогут охранять Эофервик, патрулировать наши границы и выращивать урожай.

– Однако это единственный способ взять Дунхолм, – сказал Гутред.

– Пожалуй, – согласился Ивар, хотя в голосе его звучало сомнение.

– Итак, мне просто нужны люди, – заключил король. – Мне нужно больше людей.

Я повел Витнера на восток, прикидывая, где можно будет построить стену. Люди наверху у ворот Дунхолма наблюдали за нами.

– Может, на это и не уйдет целый год! – обернувшись, крикнул я Гутреду. – Езжай сюда и посмотри на это!

Он направил лошадь ко мне, и я подумал, что никогда еще не видел короля таким удрученным. До сих пор все давалось Гутреду легко – трон, Эофервик, клятва в верности Ивара, но Дунхолм, эта огромная саднящая язва, воплощение грубой силы, поневоле поколебала его жизнелюбие.

– Что ты хочешь мне показать? – спросил он, озадаченный тем, что я увел его с тропы.

Я оглянулся, убедившись, что Ивар и его сын не могут меня услышать, и показал на реку. Со стороны все выглядело так, как будто мы обсуждали ландшафт.

– Мы можем взять Дунхолм, – тихо сказал я Гутреду, – но я не стану помогать тебе в этом, если ты отдашь Дунхолм Ивару в награду.

Он хотел было возмутиться, но поневоле смутился, наверняка гадая, откуда мне известна правда. И король не стал отрицать, что собирался отдать Дунхолм Ивару.

– Сейчас Ивар слаб, – сказал я. – И пока он слаб, он будет тебе другом. Но, позволив ему стать сильным, ты сделаешь его врагом.

– А что толку от слабого друга? – спросил король.

– Он полезнее сильного врага, мой господин.

– Но Ивар не хочет быть королем, – возразил Гутред. – Так зачем ему быть моим врагом?

– Ивар хочет управлять королем, дергая его за ниточки, словно марионетку. Неужели тебя привлекает такая роль?

Гутред уставился на ворота крепости.

– Кто-то должен взять Дунхолм, – слабо проговорил он.
– Так позволь сделать это мне, – сказал я, – потому что я твой друг. Или ты сомневаешься?

– Нет, Утред, в этом я не сомневаюсь.

Он прикоснулся к моему локтю. Ивар наблюдал за нами своими змеиными глазами.

– Я пока еще не давал Ивару никаких обещаний, – продолжал Гутред, но когда он это говорил, вид у него был тревожный. Потом он заставил себя улыбнуться. – Ты сумеешь взять эту крепость?

– Я думаю, мы сможем выманить Кьяртана оттуда, мой господин.

– Каким образом?

– Сегодня ночью я сотворю волшебство, мой господин. А завтра ты сможешь с ним поговорить. Скажи Кьяртану, что, если он здесь останется, ты его уничтожишь. Скажи, что начнешь с того, что подожжешь его поместья и спалишь его загоны для рабов в Гирууме. Пообещай, что разоришь его. Дай Кьяртану понять, что его не ждет ничего, кроме огня, смерти и всяческих бедствий, если он останется здесь. Потом предложи ему способ уйти. Позволь ему покинуть это место, отплыв за море.

Откровенно говоря, я хотел вовсе не этого. Я мечтал, чтобы Кьяртан Жестокий корчился под Вздохом Змея, но готов был поступиться своей мезьей, лишь бы выманить его из Дунхолма.

– Ну так твори же свое волшебство, – сказал Гутред.

– А если оно сработает, мой господин, ты обещаешь не отдавать это место Ивару?

Он заколебался, потом протянул мне руку.

– Если оно сработает, мой друг, тогда я обещаю отдать Дунхолм тебе.

– Спасибо, мой господин, – поклонился я, и король одарил меня такой широкой улыбкой, что я просто не мог не улыбнуться в ответ.

* * *

Наблюдавшие за нами люди Кьяртана наверняка были порядком озадачены, когда в тот же день, чуть позднее, мы отправились прочь. Мы не уехали далеко, а разбили лагерь на склоне холма к северу от крепости и разожгли костры, чтобы Кьяртан знал: мы все еще близко.

Потом, в темноте, я вместе с Ситриком поскакал обратно к Дунхолму. Я отправлялся творить свое волшебство: следовало испугать Кьяртана, а для этого мне требовалось стать скедугенганом, Движущейся Тенью. Скедугенган бродит по ночам, когда честные люди боятся оставить свои дома. Именно ночью по земле ходят странные твари: все эти потусторонние создания, привидения, безумцы, эльфы и дикие звери скитаются во тьме ночной.

Однако я всегда чувствовал себя ночью уютно. С детства я учился быть Движущейся Тенью, пока не стал одним из тех созданий, которых боятся люди. И той ночью мы с Ситриком отправились вверх по тропе, к высоким воротам Дунхолма. Мальчишка вел наших лошадей, и они, похоже, боялись не меньше его самого.

Мне было нелегко держаться тропы: луна спряталась за недавно появившимися облаками, и я находил путь на ощупь, с помощью Вздоха Змея и палки нашаривая кусты и камни. Мы продвигались вперед медленно; Ситрик держался за мой плащ, чтобы не потеряться. Когда мы поднялись выше, идти стало легче, потому что в крепости горели огни и отсвет их пламени над палисадом служил нам маяком.

Я различал темные силуэты часовых над высокими воротами, но, когда мы добрались до выступа, где тропа устремлялась вниз на несколько футов, прежде чем начать последний длинный подъем к воротам, сами караульные видеть нас не могли. Весь склон между выступом

и палисадом был очищен от деревьев, чтобы никакой враг не смог подобраться незамеченным к защитникам крепости и попытаться внезапно напасть.

– Оставайся здесь, – велел я Ситрику.

Я взял с собой мальчишку, чтобы он охранял лошадей и нес мой щит, шлем и мешок с отрубленными головами, который я теперь у него забрал. Я велел Ситрику спрятаться за деревьями и ждать.

Я положил головы на тропу: первую – меньше чем в пятидесяти футах от ворот, последнюю – у самых деревьев, что росли у выступа. Вынимая головы из мешка, я чувствовал, как под моими пальцами извиваются черви. Я на ощупь положил головы так, чтобы мертвые глаза были обращены в сторону крепости. К тому времени, когда я наконец закончил свою работу, мои руки стали скользкими от гниющей плоти.

Часовые ничего не услышали и не увидели. Темнота окутала меня плащом; и ветер дул через холмы, и река шумно бежала по камням вниз.

Я нашел дрожащего Ситрика, и тот отдал мне черный шарф, которым я обмотал лицо, завязав узел сзади, у основания шеи. Потом я с силой нахлобучил поверх ткани шлем и взял щит.

И стал ждать.

Медленно разгорелся свет туманной зари. Сперва то была просто серая дрожь, тронувшая восточный край неба. Некоторое время в наполнившей мир холодной серости, которая не была ни светом, ни тьмой, лишь летучие мыши бесшумно скользили обратно в свои пещеры. Деревья делались черными по мере того, как бледнел горизонт, а потом первый солнечный луч слегка расцветил мир.

Запели птицы. Их было не так много, как весной или ранним летом, но я слышал голоса крапивников, пеночек и малиновок, приветствовавших наступление нового дня, а где-то внизу застучал по стволу дерева дятел.

Черные силуэты деревьев теперь стали темно-зелеными, я увидел неподалеку ярко-красные ягоды рябины...

И тут стражи у ворот заметили головы.

Я услышал их громкие крики и увидел, что на укреплениях появились еще люди. И ждал, что будет дальше.

Над высокими воротами подняли знамя, на стену взошло еще больше народу, а потом ворота открылись, и двое крадучись вышли наружу. Вид у них был нерешительный. Я прятался среди деревьев, обнажив меч, нащечники моего шлема были открыты, так что в пространстве виднелась черная ткань. Поверх кольчуги, которую Хильда до блеска натерла речным песком, я надел черный плащ. И еще на мне были черные сапоги. Я снова стал мертвым воином и наблюдал, как двое наших врагов осторожно спускались по тропе к цепочке голов.

Когда они добрались до первой заляпанной кровью головы, один из них крикнул в сторону крепости, что это голова воина из отряда Текиля. А потом спросил, что с ней делать.

Ответил ему Кьяртан. Я был уверен, что это он: хотя не мог видеть лица, но узнал его громкий, как рык, голос.

– Пни их хорошенько, чтобы улетели! – прокричал он.

И воины послушались, пинками посылая головы прочь с тропы, так что те покатались вниз, в высокую траву, где раньше стояли деревья, которые потом срубили.

Затем двое подошли еще ближе – осталась последняя из семи голов, – и, как только они шагнули к ней, я выступил из-за деревьев.

Они увидели воина с темным лицом и в блестящих доспехах, высокого, с мечом и щитом в руках. Легендарный мертвый воин просто стоял в десяти шагах перед ними, не двигаясь, ничего не говоря. Люди Кьяртана в ужасе уставились на меня, а потом один из них издал звук, похожий на мяуканье котенка, и оба без единого слова пустились наутек.

Я, по-прежнему неподвижный, стоял на месте. Выходило солнце. Кьяртан и его люди все таранились на меня, и в этом рассветном сиянии я был темнолицей смертью в сияющих доспехах, смертью в ярком шлеме... А потом, не дожидаясь, когда они догадаются спустить собак и обнаружат, что я вовсе не призрак, а человек из плоти и костей, я вернулся в тень и присоединился к Ситрику.

Я сделал все, что мог, чтобы нагнать на Кьяртана настоящий ужас. Теперь Гутред должен уговорить его сдаться, а потом, как я осмелился надеяться, великая крепость на этой скале станет моей, а вместе с ней и Гизела. Я дерзнул лелеять подобную надежду, потому что считал Гутреда своим другом. И собственное будущее представлялось мне таким же золотым, как и судьба Гутреда. Я уже видел, как успешно свершил кровную месть, видел, как мои люди осуществляют набеги на земли Беббанбурга, видел, что мой злодей-дядя посрамлен, а Рагнар возвращается в Нортумбрию, чтобы биться бок о бок со мной. Короче, я совсем забыл про богов и сам сплел себе судьбу из сияющих нитей, а три коварные пряхи тем временем всю смеялись надо мной, сидя у подножия древа жизни Иггдрасиля.

* * *

Тридцать всадников вернулись в Дунхолм к середине утра. Клапа ехал впереди, держа в руках зеленую ветку, чтобы показать, что мы явились с миром. Мы все были в кольчугах, хотя я оставил свой добрый шлем, поручив его Ситрику. Я подумывал было переодеться в мертвого воина, но потом рассудил, что тот уже свершил свое волшебство, и теперь нам надлежит проверить, сработало ли оно.

Мы приехали к тому месту, где я стоял на рассвете и наблюдал, как двое людей Кьяртана пинали отрубленные головы, сбрасывая их с тропы. Там мы и остановились в ожидании. Клапа энергично размахивал веткой, а Гутред ерзал в седле, наблюдая за воротами.

Я же смотрел на запад, где собирались зловещие темные облака.

– Надвигается непогода, – сказал я.

Ивар прихлопнул слепня на шее своего коня, потом нахмурился, глядя на высокие ворота.

– Похоже, этот ублюдок не желает с нами говорить.

– Мне бы хотелось выступить завтра, – мягко произнес Гутред.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Там загоны, которые соорудил для рабов Кьяртан, – ответил Гутред. – И ты сказал мне, что мы должны их разрушить. Кроме того, мне бы хотелось увидеть старый монастырь. Я слышал, что это величественное здание.

– Тогда отправляйся туда, когда закончится ненастье, – предложил я.

Гутред ничего не сказал, потому что со стороны высоких ворот внезапно прозвучал горн. Мы все замолчали, когда ворота распахнулись и навстречу нам выехал десяток людей.

Их возглавлял Кьяртан верхом на высокой пегой лошади. Этот широколицый здоровяк с окладистой бородой и маленькими подозрительными глазками держал огромный боевой топор так, словно оружие ничего не весило. На голове у Кьяртана был шлем с парой вороньих крыльев; с широких плеч свисал грязно-белый плащ. Он остановил коня, не доезжая нескольких шагов, и некоторое время просто молча смотрел на нас. Я пытался разглядеть страх в его глазах, но вид у него был воинственный, хотя, когда Кьяртан заговорил, голос его звучал подавленно.

– Господин Ивар, – сказал он, – мне жаль, что ты не убил Аэда.

– Но и он тоже меня не убил, – сухо произнес Ивар.

– Я рад этому, – ответил Кьяртан.

Потом посмотрел на меня долгим взглядом. Я находился чуть в стороне от остальных, по другую сторону тропы и немного выше того места, где тропа эта поднималась к поросшему деревьями холмику, прежде чем круто устремиться к горловине Дунхолма. Кьяртан, должно быть, узнал меня, сообразив, что я приемыш Рагнара, тот самый, из-за которого его сын лишился глаза, но решил не обращать на меня внимания. Он снова посмотрел на Ивара.

– Чтобы победить Аэда, тебе нужен был колдун, – сказал Кьяртан.

– Колдун? – Похоже, Ивара позабавило это заявление.

– Вождь скоттов боится старой магии, – пояснил Кьяртан. – Он никогда не стал бы сражаться с человеком, который с помощью колдовства может отрубать головы.

Ивар ничего не ответил, а вместо этого повернулся и выразительно уставился на меня, выдав таким образом, кто исполнял роль мертвого воина, и объяснив Кьяртану, что тот стал жертвой не колдовства, но происков старого врага. На лице Кьяртана отразилось облегчение. Он внезапно засмеялся коротким, лающим, презрительным смехом, но все еще демонстративно не обращал на меня внимания. Он повернулся к Гутреду и спросил:

– Ты кто?

– Я твой король, – ответил Гутред.

Кьяртан снова засмеялся. Теперь он окончательно успокоился, уверившись, что ему не угрожает темная магия.

– Это Дунхолм, щенок, – сказал он, – и у нас нет короля.

– Ошибаешься, король у вас есть, и он здесь, – ответил Гутред, выказав полнейшее равнодушие к попытке его оскорбить. – И я останусь здесь до тех пор, пока твои кости не побелеют под солнцем Дунхолма.

Кьяртана это развеселило.

– Надеешься взять меня измором? С помощью своих священников? Думаешь, я умру от голода, потому что ты здесь? Так слушай, щенок. В реке есть рыба, в небе есть птицы, и Дунхолм не будет голодать. Ты можешь торчать здесь до тех пор, пока хаос не разорвет мир на клочки, но все это время я буду есть лучше, чем ты. Почему бы тебе не объяснить ему это, господин Ивар?

Ивар лишь пожал плечами, как будто честолюбивые замыслы Гутреда его не касались.

– Ну ладно, – Кьяртан положил топор на плечо, словно придя к выводу, что оружие ему не понадобится, – и что же ты хочешь предложить мне, щенок?

– Ты можешь забрать своих воинов в Гируум, – сказал Гутред, – и мы дадим вам корабли, чтобы было на чем уплыть. Твои люди могут отправиться с тобой, кроме тех, что пожелают остаться в Нортумбрии.

– Ты играешь в короля, мальчишка! – Кьяртан снова посмотрел на Ивара. – Неужели ты его союзник?

– Я его союзник, – без выражения ответил Ивар.

Кьяртан снова взглянул на Гутреда:

– С какой стати мне покидать Дунхолм, щенок? Мне здесь нравится. Я прошу одного – чтобы меня оставили в покое. Мне не нужен твой трон, мне не нужна твоя земля, хотя я мог бы заинтересоваться твоей женщиной, если бы она у тебя была и оказалась достаточно хорошенькой. Поэтому я сделаю тебе встречное предложение. Ты оставишь меня с миром, и я забуду о твоём существовании.

– Ты мешаешь мне жить в мире, – ответил Гутред.

– Да насрать мне на тебя, щенок! Берегись, если отсюда не уйдешь! – прорычал Кьяртан, и в его голосе чувствовалась сила, которая напугала юного короля.

– Так, значит, ты отказываешься от моего предложения? – спросил Гутред.

Он утратил преимущество в переговорах и знал это.

Кьяртан покачал головой с видом крайнего разочарования.

– И ты называешь *это* королем? – обратился он к Ивару. – Если тебе нужен король, найди мужчину.

Затем Кьяртан указал на меня боевым топором.

– А с тобой у меня старые счеты, – проговорил он, – но еще не пришел день, когда я заставлю тебя вопить, как трусливую бабу. Однако этот день обязательно придет.

Он плюнул в мою сторону, потом круто повернул лошадь и поскакал обратно к высоким воротам, не промолвив больше ни слова. Его люди последовали за ним.

Гутред глядел ему вслед, а я пристально смотрел на Ивара, который намеренно разоблачил мое «колдовство». Думаю, ему сказали, что король обещал мне Дунхолм в случае успеха, а потому Ивар позаботился о том, чтобы крепость не пала. Он посмотрел на меня, сказал что-то своему сыну, и оба засмеялись.

– Через два дня, – обратился ко мне Гутред, – ты начнешь строить стену. Я дам тебе две сотни человек, чтобы возвести ее.

– Почему бы не начать завтра? – спросил я.

– Потому что мы собираемся в Гируум, вот почему. Мы отправляемся на охоту.

Я пожал плечами. Короли имеют право на капризы, вот и Гутреду захотелось поохотиться.

* * *

Мы поскакали обратно в Канкесестер, где выяснилось, что Дженберт и Ида, монахи, посланные на поиски выживших людей Ивара, уже вернулись.

– Нашли кого-нибудь? – спросил я, когда мы спешили.

Дженберт лишь уставился на меня с таким видом, как будто вопрос его озадачил, а Ида торопливо покачал головой.

– Никого не нашли, – ответил он.

– Выходит, вы зря потратили время, – заключил я.

Дженберт ухмыльнулся, услышав это, а может, из-за его искривленного рта мне просто так показалось. Потом обоих монахов призвали к Гутреду, который хотел узнать подробности, а я отправился к Хильде и спросил ее, произносят ли христиане проклятия. Если да, то пусть она пошлет на голову Ивара десяток отборных проклятий.

– Натрави на него дьявола! – попросил я.

* * *

В ту ночь Гутред попытался возродить в нас былое воодушевление, задав пир. Он выбрал для этого ферму в долине под холмом, где аббат Эадред возводил свою церковь, и пригласил всех людей, которые утром вместе с ним бросили вызов Кьяртану. Нас потчевали бараниной и свежей форелью, да и эль был хорош. Присутствующих развлекал арфист, и я рассказал историю о том, как Альфред пошел в Сиппанхамм, переодевшись арфистом. Моя история заставила всех смеяться: я красочно описал, как обозленный датчанин стукнул короля, потому что тот оказался никудышным музыкантом.

Эадред тоже был в числе гостей, и, когда Ивар вышел, аббат предложил прочесть молитву. Христиане собрались по одну сторону очага, и в результате мы с Гизелой остались вдвоем неподалеку от двери. На поясе у девушки висел кошель из овчины, и, пока Эадред нараспев произносил слова молитвы, она открыла кошель и вынула связку перетянутых шерстяной нитью палочек с рунами. Гизела подняла их, закрыла глаза – и разжала пальцы.

Палочки, как всегда, упали в беспорядке. Гизела опустилась рядом с ними на колени, ее лицо освещали отблески умирающего огня. Она долго и внимательно рассматривала перепутавшиеся палочки, затем пару раз взглянула на меня и вдруг ни с того ни с сего начала плакать.

Я прикоснулся к ее плечу и спросил:

– Что случилось?

И тут Гизела громко завопила. Она воздела руки к закопченным стропилам и принялась причитать.

– Нет! – выкрикнула она так, что аббат Эадред испуганно замолчал. – Нет!

Хильда поспешно обошла очаг и обняла за плечи плачущую девушку, но Гизела вырвалась и снова склонилась над палочками с рунами.

– Нет! – в третий раз воскликнула она.

– Гизела! – Ее брат присел рядом с ней. – Что с тобой, Гизела?

Она повернулась к Гутреду и вдруг со всей силы отвесила ему пощечину, а потом начала задыхаться, словно ей не хватало воздуха. Гутред, чья щека моментально покраснела, поднял палочки.

– Это языческое колдовство, мой господин, – сказал Эадред. – Ну и мерзость!

– Уведи ее, – велел Гутред Хильде, – уведи Гизелу в ее хижину.

И Хильда увлекла Гизелу прочь; ей помогли две служанки, заинтригованные странным поведением своей госпожи.

– Дьявол наказывает ее за колдовство, – настаивал Эадред.

– Что Гизела видела? – спросил меня Гутред.

– Она не сказала.

Король продолжал смотреть на меня, и на одно биение сердца мне показалось, что я вижу слезы в его глазах, но потом он резко отвернулся и бросил палочки в огонь. Раздался громкий треск, жгучее пламя взметнулось к крыше, а потом они превратились в черные головешки.

– Кого ты предпочитаешь: сокола или ястреба? – поинтересовался король.

Я озадаченно уставился на него.

– Когда завтра мы отправимся на охоту, – пояснил Гутред, – кого ты предпочитаешь взять?

– Сокола, – ответил я.

– Тогда ты сможешь поохотиться с Быстрым, – решил Гутред.

Это была одна из его птиц.

– Гизела больна, – сказала мне Хильда той же ночью. – У бедняжки лихорадка. Ей не стоило есть мясо.

* * *

На следующее утро я купил связку палочек с рунами у одного из людей Утреда. Они были черного цвета, длиннее сгоревших накануне и обошлись мне недешево. Я отнес подарок в хижину Гизелы, но одна из служанок сказала мне, что ее госпожа больна женским недугом и не может меня видеть. Я оставил ей палочки. Теперь-то я понимаю, насколько было бы лучше, если бы я метнул их сам, желая выяснить собственное будущее.

Вместо этого я отправился на охоту.

День выдался жарким. На западе громоздились темные облака, но они, казалось, не приближались, и солнце пекло так отчаянно, что лишь десять стражников надели кольчуги. Мы не ожидали, что встретим врага.

Гутред вел наш отряд, и Ивар с сыном тоже ехали с нами, и Ульф был там, и оба монаха, Дженберт и Ида, которые отправились в путь, чтобы молиться за монахов, злодейски убитых в Гирууме. Я не сказал им, что присутствовал при этих убийствах, учиненных Рагнаром Стар-

шим. У него была причина так поступить. Монахи эти убили датчан, и Рагнар наказал их, хотя в наши дни все почему-то утверждают, будто те монахи были безгрешны: дескать, они лишь молились и погибли, как настоящие мученики. На самом деле они были безжалостными убийцами женщин и детей, но разве смогу я поведать людям правду и уличить во лжи священников?

Гутред в тот день был радостно возбужден и счастлив. Он без умолку болтал, смеялся собственным шуткам и даже пытался вызвать улыбку на похожем на череп лице Ивара. Тот говорил мало, если не считать советов, которые давал своему сыну насчет соколиной охоты.

Гутред одолжил мне своего сокола, но поначалу мы ехали по лесистой местности, где сокол не мог охотиться, в отличие от его ястреба-тетеревятника, который сбил двух грачей, настигнув их среди веток. Гутред приветствовал каждое убийство радостным воплем. Только когда мы достигли открытой местности у реки, мой сокол смог высоко взлететь и нырнуть вниз, чтобы ударить утку. Но он промахнулся, и утка улетела в безопасное укрытие среди зарослей ольхи.

– Сегодня у тебя неудачный день, – сказал мне Гутред.

– Скоро у всех нас может испортиться настроение, – ответил я и указал на запад, где собирались тучи. – Надвигается гроза.

– Надеюсь, она будет сегодня ночью, – отмахнулся Гутред. – И мы успеем вернуться до наступления темноты.

Мы отдали своих птиц слугам. Теперь река была слева от нас, а развалины монастыря Гируума виднелись впереди – на речном берегу, на возвышенности над солончаками. Сейчас был отлив, и плетеные верши тянулись в реку, впадавшую в море неподалеку отсюда.

– У Гизелы лихорадка, – сказал Гутред.

– Я слышал.

– Эадред обещал дотронуться до нее тканью, покрывавшей лицо святого Кутберта. Он говорит, что это вылечит ее.

– Надеюсь, что так и будет, – ответил я, не желая спорить.

Впереди нас ехали Ивар и его сын с дюжиной своих людей, облаченных в кольчуги.

Помню, я еще подумал, что если они сейчас вдруг повернутся, то смогут легко прирезать и Гутреда, и меня. Поэтому я подался вперед и проверил, в порядке ли королевский конь, чтобы в случае чего Ульф и его люди могли к нам присоединиться.

Гутреда позабавила моя бдительность.

– Ивар не враг, Утрэд.

– Однажды, – сказал я, – тебе все-таки придется его убить. И с того дня, мой господин, ты будешь в безопасности.

– А разве сейчас я не в безопасности?

– У тебя есть лишь малочисленная и необученная армия, а Ивар снова соберет людей. Он будет нанимать датчан с мечами, датчан со щитами, датчан с копьями до тех пор, пока опять не станет повелителем Нортумбрии. Теперь он слаб, но он не всегда будет слабым. Вот почему ему нужен Дунхолм. Это снова сделает его сильным.

– Знаю, – терпеливо проговорил Гутред. – Я все это знаю.

– Тогда скажи, если ты выдашь Гизелу за сына Ивара, сколько новых воинов это тебе даст?

Он недовольно посмотрел на меня и спросил:

– А сколько человек можешь привести мне ты?

Но не стал ждать ответа, а прищпорил коня и поспешил вверх по склону к разрушенному монастырю, который Кьяртан и его люди использовали в качестве жилища. Они соорудили меж каменных стен соломенную крышу, а под крышей имелись очаг и дюжина настилов, на которых можно было спать. Люди, жившие тут, вернулись в Дунхолм, прежде чем мы пересекли реку, двигаясь на север, и длинный зал был теперь пуст. Очаг остыл.

За холмом, в широкой долине между монастырем и старой римской крепостью, на мысу, находились загоны для рабов, огороженные только плетнями. Сейчас все загоны были пусты.

Несколько человек жили наверху, в старой крепости, и они обычно зажигали на маяке огонь, которому полагалось освещать всадникам путь к реке. Я думал, что это делалось исключительно для удобства датчан, разъезжавших по землям Кьяртана, однако сейчас под холмом, на котором находился маяк, там, где река Тайн делает поворот к морю, одиноко стоял на якоре какой-то корабль.

– Посмотрим, что за дела его сюда привели, – угрюмо проговорил Гутред, как будто появление корабля было ему очень и очень не по душе.

Король приказал своей страже повалить плетеные изгороди и сжечь их вместе с соломенной крышей.

Глядя, как люди начинают работать, Гутред ухмыльнулся мне:

– Посмотрим, что там за корабль?

– Наверняка торговый, – ответил я.

То был датский корабль, потому что никакой другой не приплыл бы к этому берегу, но явно не военный – его корпус был короче и шире, чем у любого военного судна.

– Тогда давай скажем капитану, что отныне здесь больше не будет никакой торговли, – проговорил Гутред. – Во всяком случае, торговли рабами.

Мы с ним поскакали на восток. С нами отправилась дюжина людей, в том числе Ульф и Ивар с сыном. Позади тащился Дженберт, который все время убеждал Гутреда начать отстраивать монастырь.

– Мы должны сначала закончить церковь Святого Кутберта, – ответил ему король.

– Но здешнее здание можно восстановить, – настаивал монах, – и это священное место. Сам Беда Достопочтенный жил здесь.

– Со временем монастырь будет отстроен, – пообещал Гутред.

Потом он остановил свою лошадь у каменного креста, который был сброшен с постамента и лежал, наполовину похороненный в земле, поросший травой и сорняками. То был прекрасный образец резьбы по камню – в узоре переплелись изображения зверей, растений и святых.

– И этот крест тоже будет снова стоять, – сказал Гутред, после чего кинул взгляд за излучину широкой реки. – Славное место.

– Да, – согласился я.

– Если монахи вернутся, мы сможем снова сделать его процветающим: рыба, соль, зерно, скот. Как Альфред получает деньги?

– С помощью налогов, – ответил я.

– Он облагает налогами и Церковь?

– Да, хотя Альфреду подобное и не по душе. Но он делает это, потому что жизнь сурова. В конце концов, церковники должны платить, чтобы их защищали.

– Альфред чеканит собственные деньги?

– Да, мой господин.

– До чего же все-таки непросто быть королем, – засмеялся Гутред. – Может, мне стоит как-нибудь навестить Альфреда? Попросить у него совета?

– Ему бы это понравилось, – ответил я.

– Думаешь, он радушно примет меня? – осторожно поинтересовался Гутред.

– Да.

– Несмотря на то, что я датчанин?

– Благодаря тому, что ты христианин, – пояснил я.

Король обдумал мои слова, а потом поехал туда, где тропа петляла через топь и пересекала маленький мелкий ручей, – там два простолоудина ставили ловушки на угрей. Они опу-

стились на колени, когда мы проезжали мимо, и Гутред приветствовал их улыбкой. Ни один из них не увидел этой улыбки, потому что оба низко склонили головы.

Четыре человека вброд сошли с корабля на берег. Ни один из них не носил оружия, и я предположил, что они хотят просто поприветствовать нас и сообщить, что пришли с миром.

– Скажи, – внезапно заговорил Гутред, – Альфред особенный, потому что он христианин?

– Да, – ответил я.

– Чем именно он отличается от других?

– Он полон решимости быть хорошим человеком, мой господин.

– А наша религия, – сказал Гутред, на мгновение забыв, что он и сам принял христианство, – совсем не такая, да?

– Разве?

– Один и Тор хотят, чтобы мы были храбрыми, хотят, чтобы мы уважали их, но они вовсе не требуют от нас быть хорошими.

– Не требуют, – согласился я.

– Поэтому христиане отличаются от нас, – настаивал король.

Гутред придержал лошадь в том месте, где на низком холмике из песка и гальки тропа заканчивалась.

Те четверо, что сошли с корабля, ждали в сотне шагов отсюда, на дальнем конце берега.

– Отдай мне свой меч, – внезапно произнес Гутред.

– Зачем?

Он терпеливо улыбнулся.

– Эти моряки не вооружены, Утред, а я хочу, чтобы ты пошел и поговорил с ними, поэтому дай мне меч.

При мне был только Вздох Змея.

– Я терпеть не могу оставаться без оружия, мой господин, – мягко запротестовал я.

– Это правило вежливости, Утред, – настаивал Гутред.

Он протянул руку.

Я не шевельнулся. Что-то я никогда не слышал о таком кодексе вежливости, согласно которому полагалось бы отдавать господину свой меч, отправляясь поговорить с обычными мореходами. Я уставился на Гутреда и услышал, как за моей спиной шипят, покидая ножны, клинки.

– Отдай мне меч, – сказал Гутред, – а потом ступай к тем людям. Я подержу твою лошадь.

Помню, как я оглянулся и увидел болото позади и единственный холмик впереди – и подумал, что мне нужно всего лишь прищпорить коня, и я смогу галопом умчаться прочь. Но Гутред протянул руку и схватил поводья моего скакуна.

– поприветствуй же этих людей от моего имени, – натянуто проговорил он.

Я все еще мог бы ускакать, вырвав поводья из его руки, но тут Ивар и его сын подались ко мне. Оба были с мечами наголо, и скакун Ивара преградил путь Витнеру, который недовольно огрызнулся.

Я успокоил своего коня.

– Что происходит, мой господин? – спросил я Гутреда.

Он молчал одно биение сердца. А потом, отведя глаза, с трудом выдавил из себя ответ:

– Ты как-то сказал мне, что Альфред сделал бы все необходимое, чтобы сохранить свое королевство. Именно это я сейчас и делаю.

– И что же именно ты делаешь?

У него хватило совести выглядеть пристыженным.

– Эльфрик Беббанбургский ведет сюда войска, чтобы помочь мне взять Дунхолм, – сказал он.

Я молча смотрел на него.

– Он идет сюда, – продолжал Гутред, – чтобы принести мне клятву верности.

– Я уже дал тебе такую клятву, – горько проговорил я.

– И я пообещал освободить тебя от нее, – сказал Гутред. – Сейчас как раз настало время.

– Ты собираешься отдать меня моему дяде?

Он покачал головой:

– Сначала Эльфрик Беббанбургский просил у меня в обмен на помощь твою жизнь, но я отказался. Тебя просто увезут подальше, Утред. Вот и все. Ты должен быть далеко отсюда. А в обмен на твою ссылку я получаю союзника, у которого много воинов. Ты был прав. Мне нужны воины. Эльфрик Беббанбургский сможет дать мне их.

– С какой стати я должен отправляться в ссылку безоружным? – возмутился я, тронув рукоять Вздоха Змея.

– Отдай мне меч, – сказал Гутред.

За моей спиной стояли два человека Ивара, оба с мечами наголо.

– С какой стати я должен отправляться туда безоружным? – повторил я.

Гутред взглянул на корабль, потом снова на меня. И все-таки заставил себя сказать:

– Ты пойдешь без оружия потому, что должен стать тем, кем прежде был я. Такова цена Дунхолма.

Одно биение сердца я не мог дышать и говорить, не в силах поверить тому, что Гутред имеет в виду именно то, о чем я подумал.

– Неужели ты продаешь меня в рабство? – наконец спросил я.

– Наоборот. Я заплатил за то, чтобы тебя забрали в рабство. Итак, ступай с Богом, Утред.

Как же я ненавидел тогда Гутреда, хотя краем сознания и понимал, что король должен быть безжалостным. Я мог предложить ему только Вдох Змея и Осиное Жало, тогда как мой дядя Эльфрик пообещал привести целых триста мечей и копий, и Гутред сделал свой выбор. Полагаю, то был правильный выбор. Но каким же я сам оказался доверчивым глупцом!

– Ступай же, – более резко проговорил Гутред.

И в этот момент, поклявшись отомстить, я изо всей силы пришпорил Витнера.

Но конь Ивара мгновенно сбил моего скакуна с ног: Витнер рухнул на колени, а я повалился на его шею.

– Не убивать его! – прокричал Гутред.

Тогда сын Ивара плашмя ударил меня по голове клинком меча – так, что я упал с седла. К тому времени, как я начал подниматься, Витнера уже схватил под уздцы Ивар, а люди Ивара стояли надо мной, приставив мечи к моему горлу.

Гутред не двигался. Он просто наблюдал за мной, но позади него, усмехаясь искривленным ртом, стоял Дженберт – и тогда я понял все.

– Этот ублюдок устроил сделку? – спросил я Гутреда.

– Брат Дженберт и брат Ида – они оба из поместья твоего дяди, – признался тот.

Ну разве можно быть таким безнадежным слепцом? Два монаха давным-давно пришли в Кайр-Лигвалид и с тех пор торговали моей судьбой, а я ничего этого даже не замечал.

Я отряхнул свой короткий кожаный плащ.

– У меня к тебе просьба, мой господин.

– Выполню, если смогу.

– Отдай мой меч и моего коня Хильде. Отдай ей все, что принадлежит мне, и вели сохранить все это для меня.

Гутред помолчал.

– Ты не вернешься, Утред, – ласково проговорил он.

– Пожалуйста, выполни эту просьбу, мой господин, – настаивал я.

– Хорошо, – пообещал Гутред, – но сперва отдай мне меч.

Я отстегнул ножны. Меня так и подмывало обнажить Вздох Змея и начать наносить удары направо и налево его добрым клинком. Однако здравый смысл удержал меня, ибо я погиб бы в мгновение ока. Поэтому я просто поцеловал рукоять и протянул меч Гутреду.

Затем я снял браслеты – знаки отличия воина – и тоже вручил их Гутреду.

– Отдай их Хильде, – попросил я.

– Отдам, – сказал он, беря браслеты.

Потом посмотрел на четверых ожидавших меня работорговцев.

– Ярл Ульф нашел этих людей, – сказал Гутред, кивнув в их сторону, – и они не знают, кто ты такой. Им известно только то, что тебя следует увезти прочь.

Ну что ж, и на том спасибо. Если бы работорговцы знали, как сильно я нужен Эльфрику и какую сумму Кьяртан Жестокий согласен заплатить за мои глаза, я не прожил бы и недели.

– Теперь иди, – приказал мне Гутред.

– Ты мог бы просто отослать меня прочь, – горько сказал я.

– Твой дядя назначил цену, – ответил король. – И цена его именно такова. Он поначалу и вовсе желал твоей смерти, но взамен все-таки согласился на это.

Я посмотрел мимо Гутреда, туда, где черные тучи громоздились на западе, как горы. Они стали ближе и темнее, и свежий ветер охлаждал воздух.

– Поторопись домой, мой господин, – сказал я, – потому что надвигается шторм.

Король ничего не ответил, и я пошел прочь.

Судьба неумолима. Сидящие у корней древа жизни три пряхи решили, что золотая нить, делавшая мою судьбу удачливой, должна подойти к концу.

Я помню, как мои сапоги скрипели по гальке, помню, как летали надо мной белые свободные чайки.

Как выяснилось, на самом деле четверо незнакомцев все-таки были вооружены, но не мечами или копьями, а короткими дубинками. Они наблюдали за моим приближением, а Гутред и Ивар смотрели, как я иду прочь, ну а я... Я знал, что сейчас произойдет, и не пытался сопротивляться.

Я подошел к работорговцам, и один из них шагнул вперед и изо всех сил ударил меня в живот, чтобы у меня отшибло дыхание. Второй врезал мне сбоку по голове, и я рухнул на гальку. А затем последовал еще один удар, и дальше я ничего не помню.

В тот страшный день я, законный владелец Беббанбурга, прославленный воин, тот самый человек, который убил Уббу Лотброксона и одолел Свейна Белую Лошадь, стал рабом.

Часть вторая Красный корабль

Глава пятая

Капитана судна, моего хозяина, звали Сверри Равнсон. Он был в числе тех четверых работорговцев, что жестоко избili меня.

Вот как он выглядел: ростом ниже меня, на десять лет старше и вдвое шире; лицо плоское, как лопасть весла, основательно сломанный нос и короткая черная борода, в которой виднелись седые пряди. А еще у него имелось лишь три зуба и совсем не было шеи. Я никогда еще не встречал настолько сильного человека. Сверри не отличался разговорчивостью. Корабль свой он назвал без затей «Торговец». Это было крепкое судно, добротное построенное и хорошо оснащенное, со скамьями для шестидесяти гребцов. Хотя, когда я присоединился к команде Сверри, у него их имелось только одиннадцать, поэтому он рад был заполучить меня, в том числе и потому, что гребцов получилось четное число.

Пятеро свободных членов команды никогда не выступали в роли гребцов, хотя и подменяли Сверри у рулевого весла. Еще они следили, чтобы рабы хорошенько работали и не сбегали, а когда мы умирали, швыряли наши тела за борт. Двое из них, как и сам Сверри, были норвежцами, еще двое – датчанами, а пятый – фризом по имени Хакка. Именно он надел мне на ноги рабские кандалы.

Когда я оказался на корабле, первым делом с меня сорвали одежду, оставив только рубашку, и швырнули мне пару просторных штанов. Закрепив кандалы, Хакка разорвал рубашку на моем левом плече и коротким ножом вырезал выше локтя громадную S – первую букву слова «slave» – раб. Кровь полилась к локтю, смешавшись с первыми каплями дождя, который ветер принес с запада.

– Мне полагалось бы тебя заклеить, – сказал Хакка, – но у нас на судне негде развести огонь.

Он зачерпнул с днища грязь и втер ее в свежий порез. Рана нагноилась, отчего у меня начался жар, но, когда все зажило, на руке моей осталась метка Сверри. Я ношу ее и по сей день.

Кстати, в ту самую первую ночь мы едва не погибли. Ветер внезапно начал дуть очень сильно, вся река наполнилась маленькими быстрыми волнами – барашками, и канат, удерживавший якорь, задергался. Ветер все крепчал, косой дождь хлестал вовсю. Судно подпрыгивало и содрогалось, да еще вдобавок начался отлив: ветер и течение пытались вынести корабль на берег, а якорь – скорее всего, большой камень, удерживавший судно лишь силой своего веса, – медленно пополз по дну.

– На весла! – закричал Сверри и рассек дрожащий канат, к которому был привязан якорь. «Торговец» резко дернулся и метнулся прочь.

– Гребите, вы, ублюдки! – закричал Сверри. – Быстрее!

– Гребите! – эхом отозвался Хакка и начал хлестать нас бичом. – Ну же, гребите!

– Хотите жить? – взревел Сверри, перекрывая вой ветра. – Тогда гребите!

Он вывел нас в море. Хотя на реке нас выкинуло бы на берег, но зато мы были бы в безопасности во время отлива, а следующий прилив снял бы корабль с суши. Но Сверри вез много груза и боялся, что, если мы окажемся на берегу, его ограбят угрюмые местные жители, обитающие в лачугах Гируума. Он рассудил, что уж лучше пойти на риск погибнуть в море, чем быть убитым на берегу, поэтому и повел нас навстречу серому хаосу из ветра, тьмы и воды.

Он хотел повернуть на север возле устья реки и укрыться у берега. Вообще-то, задумано было неплохо: мы могли бы остаться под защитой земли и переждать шторм, но Сверри не рассчитал силы отлива, и хотя мы гребли вовсю, да и бич постоянно опускался на наши плечи, однако мы не сумели пригнать судно обратно к устью. Вместо этого нас вынесло в море, и спустя несколько биений сердца нам уже пришлось прекратить грести, закрыть весельные порты и начать вычерпывать из судна воду.

Всю ночь мы выливали воду за борт, и я помню ту страшную усталость – проникавшую до костей усталость и еще страх перед безбрежным невидимым морем, которое высоко вздымало нас на своих волнах и ревело где-то внизу.

Иногда мы разворачивали судно перпендикулярно волнам, и тогда мне казалось, что мы сейчас опрокинемся. Помню, как я цеплялся за скамью, а весла стучали по корпусу корабля и вода перехлестывала через мои бедра. Но каким-то образом «Торговец» выправлялся, и мы вновь выплескивали воду через борт. До сих пор удивляюсь, почему судно не потонуло в ту страшную ночь.

Сверри хорошо умел управляться с рабами. В первые дни мне очень хотелось ввязаться в драку, но подходящей возможности так и не подвернулось. Кандалы с нас никогда не снимали. Когда мы заходили в порт, нас загоняли в помещение под рулевой площадкой и заколачивали выход досками. Там мы могли, по крайней мере, разговаривать, и именно тогда я узнал кое-что о других рабах.

Четырех саксов, бывших фермеров, продал в рабство Кьяртан. Они вовсю проклинали своего христианского бога за беды, которые он им послал. Норвежцы и датчане оказались ворами, приговоренными к рабству своими же соотечественниками, – все они выглядели угрюмыми животными. Я почти ничего не узнал об ирландце Финане, потому что тот держал рот на замке и вообще оказался человеком молчаливым и осторожным. Финан был самым низкорослым из нас, но сильным, с острыми чертами лица, наполовину скрытого черной бородой. Как и саксы, он был христианином, по крайней мере, на шее у него на длинном кожаном ремешке болтались расщепленные остатки деревянного креста. Иногда он целовал эти деревяшки и прикладывал их к губам, молча молясь. Хотя сам Финан и говорил мало, однако он внимательно слушал, когда другие рабы болтали о женщинах, еде и той жизни, которую оставили позади. Осмелюсь предположить, что при этом они лгали самым бессовестным образом. Я предпочитал помалкивать, как и Финан, правда, иногда, если другие спали, он пел печальные песни на своем языке.

Затем нас выпускали из темной тюрьмы, заставляя грузить товары в глубокую клеть, что находилась в центре корабля прямо перед мачтой. Случалось, что команда напивалась в порту, но двое из членов экипажа всегда оставались трезвыми и бдительно сторожили нас.

Иногда, если мы вставали на якорь у берега, Сверри позволял нам остаться на палубе, но при этом сковывал вместе наши цепи, чтобы никто не попытался сбежать.

Свое первое путешествие на «Торговце» я проделал от сотрясаемого штормом берега Нортумбрии до Фризии, где увидел весьма странный пейзаж: низкие острова, песчаные отмели и поблескивающие во время отливов берега, которые скрывались под водой, когда начинался прилив.

«Торговец» зашел в какую-то захудалую гавань, где еще четыре корабля загружали товары; кстати, на всех этих судах гребцами были тоже рабы.

Набив судно кожей угрей, копченой рыбой и шкурками выдры, мы двинулись из Фризии на юг, в один из франкийских портов. Я понял, что это именно Франкия, потому что Сверри сошел на берег и вернулся в плохом настроении.

– Если франк – ваш друг, – прорычал он команде, – можете не сомневаться: он не ваш сосед!

Заметив, что я смотрю на него, он ударил меня серебряным кольцом с янтарем, до крови разбив мне лоб.

– Ублюдки франки! – проговорил Сверри. – Вот уж ублюдки так ублюдки! Скупцы, ничтожества и негодяи!

Тем вечером, стоя на рулевой площадке, он решил погадать. Как и все моряки, Сверри был суеверен и хранил в кожаном мешке связку черных палочек с рунами. Запертый внизу, под площадкой, я слышал, как они застучали по настилу над моей головой. Сверри, должно быть, всмотрелся в узор, образованный упавшими палочками, и это его обнадежило, ибо наш хозяин решил: нам следует остаться у скупых, презренных франков. К концу третьего дня он заключил удачную сделку, и мы погрузили на корабль клинки мечей, наконечники копий, косы, кольчуги, тисовые бревна и тюки овечьей шерсти.

Мы взяли курс далеко на север, направляясь к землям датчан и свеев, где Сверри выгодно продал товар.

Франкские клинки ценились очень высоко, а из тисового дерева вырезали лемехи плугов. На вырученные деньги Сверри закупил железной руды, и, нагрузив судно, мы снова отправились на юг.

Сверри не только ловко управлялся с рабами, но и еще превосходно умел делать деньги. Монеты просто рекой текли на корабль, и наш хозяин хранил их в просторном деревянном сундуке, который стоял в клетке для груза.

– Вам бы небось хотелось прибрать мое богатство к рукам? – глумливо ухмыляясь, спросил нас однажды Сверри, когда мы шли под парусом вдоль какого-то безымянного берега. – Вы, морское дерьмо!

Мысль о том, что мы можем его ограбить, сделала Сверри красноречивым.

– Думаете, вам удастся меня одурачить? Как бы не так! Сперва я вас убью. Я утоплю вас. Я буду заталкивать тюлень дерьмо вам в глотки, пока вы не задохнетесь.

Мы слушали молча. А что еще нам оставалось делать?

Постепенно наступила зима.

Я не знал, где мы находимся, знал только, что мы где-то на севере, в море, омывающем Данию. Доставив очередной груз, мы вновь сели на весла, ведя порожний корабль вдоль безлюдного песчаного берега. Мы шли вдоль него до тех пор, пока Сверри наконец не направил судно, воспользовавшись приливом, вверх по речушке, окаймленной тростником, и не повел «Торговца» к грязевому берегу.

Ну а когда начался отлив, корабль очутился на суше.

Возле речушки мы не увидели деревни. Там стоял только одинокий дом: длинный и низкий, крытый поросшим мхом тростником. Из дыры в крыше поднимался дымок. Кричали чайки.

Из дома вышла женщина и, едва завидев спрыгнувшего с корабля Сверри, бросилась ему навстречу с радостным криком, а он обхватил ее, приподнял и покружил в воздухе. Потом выбежали трое детишек, и он вручил каждому пригоршню серебра, и любовно пощекотал их, и подобросил каждого в воздух, и обнял их.

Было ясно, где Сверри собирается оставить «Торговца» на зимовку. Он заставил нас разгрузить судно, снять балласт из камней, парус, мачту и такелаж, а потом вытащить корабль на катки из бревен, чтобы вода не касалась корпуса даже в самый высокий прилив.

Судно было тяжелым, и Сверри позвал соседей, живших по другую сторону болота, чтобы те помогли вытащить корабль при помощи пары волов. Помню, как его старший сын, мальчик лет десяти, тыкал в нас воловьим стрекалом.

За домом стояла хижина для рабов, сделанная из тяжелых бревен (даже крыша ее была бревенчатой), и мы спали там прямо в кандалах.

Днем мы работали, очищая корпус «Торговца», соскабливая грязь, водоросли и ракушки. Мы счистили грязь с днища, расстелили парус, чтобы его вымыло дождем, и теперь голодными глазами наблюдали за женщиной Сверри, чинившей ткань с помощью костяной иглы и жилы. Она была приземистой, коротконогой, со слишком толстыми бедрами, круглым, испещренным оспинками лицом и красными, обветренными руками и ногами. Словом, ее никак нельзя было назвать красивой, но мы изголодались по женщинам, поэтому иступленно пялились на нее.

Это забавляло Сверри. Один раз он приспустил с плеч ее платье, чтобы показать пухлые белые груди, а потом рассмеялся, увидев, как округлились у нас глаза.

Мне снилась Гизела. Однако я почему-то никак не мог увидеть ее лицо, и потому сны не служили мне утешением.

Люди Сверри кормили нас кашей и супом из угрей, давали лепешки и уху, а когда выпал снег, нам в качестве подстилок бросили грязные овчины. Сгрудившись в хижине для рабов, мы слушали, как завывает ветер, и смотрели на снег сквозь щели между бревнами.

Было холодно, так холодно, что один из саксов не смог пережить зиму. У него началась лихорадка, и спустя пять дней он просто умер, и два человека Сверри, отнеся тело к ручью, швырнули его на лед, чтобы труп смыло следующим приливом.

Недалеко от дома находились леса, и каждые несколько дней нас отводили туда, чтобы заготавливать дрова. Цепи кандалов нарочно делали слишком короткими, чтобы нельзя было шагнуть широко, и, пока у нас в руках были топоры, нас постоянно охраняли люди с копьями и луками. Я знал, что моментально распрощаюсь с жизнью, если только попробую достать одного из охранников топором, но все равно испытывал сильное искушение попытаться это сделать.

Один из датчан предпринял такую попытку раньше меня. Он повернулся и с воплем неуклюже побежал, и стрела попала ему в живот. Он согнулся, и люди Сверри медленно прикончили его. Несчастный громко вопил, умирая. Смерть его была мучительной, а кровь запятнала снег на несколько ярдов вокруг. Датчанина специально убили так медленно, чтобы это послужило уроком для остальных. Поэтому я просто рубил деревья, отсекал ветви, расщеплял стволы с помощью кувалды и клиньев, затем снова рубил и вечером возвращался в хижину для рабов.

– Если бы только эти маленькие ублюдки, дети Сверри, подошли поближе, – на следующий день сказал Финан, – с каким удовольствием я бы задушил этих вонючих недомерков.

Я удивился, потому что это была самая длинная фраза, которую я когда-либо от него слышал.

– Лучше взять ребятешек в заложники, – предложил я.

– Но они слишком умны, чтобы подойти ближе, – проговорил Финан, оставив мои слова без внимания.

Он говорил на датском со странным акцентом.

– Ты был воином, – сказал вдруг Финан.

– Я и сейчас воин, – возразил я.

Мы сидели вдвоем у хижины на клочке травы, где растаял снег, и потрошили сельдь тупыми ножами. Вокруг кричали чайки. Один из людей Сверри, сидевший у длинного дома, наблюдал за нами. Он держал на коленях лук, а на поясе у него висел меч.

Интересно, как Финан догадался, что я был воином. Я ведь никогда не рассказывал о своей жизни. И никогда не называл своего настоящего имени: пусть все думают, будто я Осберт. Когда-то меня и вправду звали Осбертом, это имя мне дали при рождении, но затем, когда мой старший брат погиб, переименовали в Утреда: по традиции самого старшего сына в нашей семье должны были звать Утредом. Но я предпочитал помалкивать, оказавшись на борту «Торговца». Утред – это гордое имя воина, и я собирался держать его в секрете до тех пор, пока не спасусь из рабства.

– Как ты догадался, что я воин? – спросил я Финана.

– Дело в том, что ты никогда не перестаешь наблюдать за этими ублюдками, – пояснил он. – И никогда не перестаешь думать о том, как бы их убить.

– Ты и сам такой же, – заметил я.

– Финан Быстрый, так меня зовут, – представился он. – Потому что я обычно танцую танцы с врагами. Смертельные танцы. Танцую и убиваю их. Танцую и убиваю.

Он вспорол живот еще одной рыбе и смахнул требуху в снег, где из-за нее подрались две чайки.

– Было время, – продолжал Финан сердито, – когда у меня имелись пять копий, два меча, блестящая кольчуга, щит и шлем, сияющий как огонь. У меня была женщина с волосами до пояса и с улыбкой, перед которой меркло полуденное солнце. А теперь я потрошу селедку. – Он вновь полоснул ножом. – Но, клянусь, когда-нибудь я вернусь сюда и убью Сверри, умыкну его женщину, задушу его ублюдков и украду его деньги. – Он хрипло засмеялся. – Этот негодяй хранит здесь свое богатство. Закопал тут все свои деньги.

– Ты это знаешь наверняка?

– А что еще он мог с ними сделать? Не мог же Сверри их сожрать, потому что он не срет серебром, верно? Нет, богатство закопано здесь.

– А кстати, где мы сейчас находимся?

– В Ютландии, – ответил он. – Эта женщина – датчанка. Мы приходим сюда каждую зиму.

– И сколько же зим подряд?

– Это моя третья зима, – сказал Финан.

– Как он тебя схватил?

Мой товарищ швырнул еще одну рыбину в тростниковую корзину.

– Был бой. Мы против норвежцев, и эти ублюдки победили нас. Взяли меня в плен и затем продали Сверри. А ты как попал в рабство?

– Меня предал мой господин.

– Еще один ублюдок, которого надо убить, а? Вообще-то, мой господин тоже меня предал.

– Каким образом?

– Отказался заплатить за меня выкуп. Он хотел мою женщину, понимаешь? Поэтому позволил меня забрать. Вот ублюдок! С тех пор я молюсь, чтобы он поскорее подох, и чтобы его жены подхватили столбняк, и чтобы его скот заболел вертячкой, и чтобы его дети сгнили в собственном дерьме, и чтобы его посева пожухли, и чтобы его гончие подавились и околели!

Финан содрогнулся: похоже, праведный гнев так и распирает его изнутри.

* * *

Постепенно метели сменились снегом с дождем; на реке медленно таял лед. Мы сделали новые весла из выдержанной еловой древесины, заготовленной еще прошлой зимой, и к тому времени, как весла были выструганы, ледоход уже закончился.

Серые туманы плащом окутывали землю, на краю тростниковых зарослей появились первые цветы. Цапли вышагивали на мелководье, когда солнце растапливало утренний иней.

Наступала весна, поэтому мы конопатили «Торговца» шерстью коров, мхом и дегтем. Мы вычистили судно и спустили его на воду, вернули в днище балласт, водрузили мачту и свернули на нее выстиранный и залатанный парус.

Сверри обнял на прощание свою женщину, поцеловал детей и вброд перешел к нам на судно. Двое из команды втащили его на борт, и мы вновь взялись за весла.

– Гребите, вы, ублюдки! – прокричал он. – Ну же, гребите!

И мы повиновались.

* * *

Гнев способен помочь тебе выжить, но при этом отбирает много жизненных сил.

Временами, чувствуя себя больным и слишком слабым, чтобы держать весло, я все равно налегал на него, потому что, если бы только я дрогнул, меня мигом вышвырнули бы за борт. Я налегал на весло, когда меня рвало, налегал, когда потел или дрожал от лихорадки, и тогда, когда у меня болел каждый мускул. Я налегал на весло в дождь и в солнце, когда дул ветер и шел мокрый снег. Помню, когда у меня началась сильная лихорадка, я решил, что сейчас умру. Я даже хотел умереть, но Финан потихоньку выругал меня.

– Ты ничтожный сакс, – выговаривал он мне, – ты слабак. Ты жалкий отброс племени саксов.

Я что-то крикнул в ответ, и он снова на меня зарычал, на этот раз громче, так что Хакка услышал его с носа судна.

– Твои враги ведь только того и хотят, чтобы ты сдох, – увещевал меня Финан. – Так покажи им, что они просчитались и никогда этого не дождутся. Налегай на весло, ты, жалкий саксонский ублюдок, налегай!

Тут Хакка ударил его: нам запрещалось разговаривать.

В другой раз я сделал то же самое для Финана. Помню, как одной рукой обнимал его за плечи, а другой насильно кормил кашей.

– Ты должен выжить, ублюдок, – втолковывал я ему. – Нельзя позволить этим эрслингам тебя победить. Надо обязательно выжить!

И он выжил.

Тем летом мы отправились на север, пройдя по реке, которая петляла по поросшим мхом и березами берегам. Мы забрались далеко на север, где в тени все еще виднелись островки нерастаявшего снега, и купили шкуры северных оленей в деревне, стоявшей среди берез. Потом мы вернулись в море. Шкуры мы обменяли на моржовые клыки и китовый ус, которые, в свою очередь, выменяли на янтарь и гагачий пух.

Мы везли солод и котиковые шкуры, меха и солонину, железную руду и овечью шерсть. В одной окруженной камнями бухточке мы провели два дня, загружая сланец, который после превратился в точильные камни, и Сверри обменял точильные камни на гребни, сделанные из оленьего рога, и на большие мотки канатов из шкуры тюленя, а еще на дюжину тяжелых слитков бронзы.

Все это мы отвезли обратно в Ютландию и отправились в Хайтабу, огромный торговый порт, такой большой, что там имелся поселок рабов. Нас загнали в этот поселок. Его окружали высокие стены, которые охраняли люди с копьями.

Финан встретил там какого-то соплеменника-ирландца, а я разыскал сакса, которого взяли в плен датчане у побережья Южной Англии. Король Гутрум, сказал этот сакс, вернулся в Восточную Англию, где стал называть себя Этельстаном и строить церкви. Насколько знал мой новый знакомый, Альфред все еще был жив. Датчане, обосновавшиеся в Восточной Англии, не совершали набегов на Уэссекс, но он слышал, что Альфред все равно строит на границе крепости. Сакс ничего не знал о судьбе датских заложников, а потому не мог рассказать, выпустили ли Рагнара. Этот человек также не сообщил мне никаких новостей о Гутреде из Нортумбрии, поэтому, встав посредине поселка, я принялся выкрикивать:

– Эй, есть здесь кто-нибудь из Нортумбрии?

Люди тупо смотрели на меня.

– Кто-нибудь из Нортумбрии? – прокричал я снова, и на этот раз по другую сторону палисада, отделявшего женскую часть поселка от мужской, отозвалась какая-то девушка.

Мужчины толпились у палисада, разглядывая сквозь щели женщин, но я оттолкнул двоих в сторону и прокричал девушке:

– Ты из Нортумбрии?

– Из Онхрипума, – последовал ответ.

Она оказалась саксонкой, пятнадцати лет от роду, дочерью дубильщика из Онхрипума. Ее отец задолжал деньги ярлу Ивару, и тот, в уплату долга, забрал его дочь и продал Кьяртану.

Сперва я подумал, что ослышался, и переспросил:

– Кьяртану?

– Кьяртану, – вяло подтвердила она. – Он сперва изнасиловал меня, а потом продал этим ублюдкам.

– Неужели Кьяртан жив? – изумился я.

– Жив, – вновь подтвердила она.

– Но ведь его крепость подвергли осаде, – запротестовал я.

– Лично я там ничего подобного не видела, – ответила девушка.

– А Свен? Его сын?

– Этот тоже изнасиловал меня, – вздохнула бедняжка.

Позже, много позже, я сумел из отдельных фрагментов сложить всю историю. Гутред и Ивар, объединившись с моим дядюшкой Эльфриком, попытались взять Кьяртана измором и вынудить его сдаться, но та зима выдалась суровой, в их армиях начались болезни. Поэтому, когда Кьяртан предложил заплатить дань всем троим, они приняли серебро. Гутред также получил обещание, что Кьяртан перестанет нападать на церковников, и некоторое время тот держал свое слово. Но церкви были слишком богатыми, а Кьяртан – слишком жадным, поэтому не прошло и года, как обещание оказалось нарушено, нескольких монахов убили или продали в рабство.

А ежегодная дань серебром, которую Кьяртан обязался платить Гутреду, Эльфрику и Ивару, была выплачена всего лишь один раз.

Словом, ничего не изменилось. Кьяртан на несколько месяцев притих, но потом решил, что его враги не такие уж и могущественные. Дочь дубильщика из Онхрипума ничего не знала о Гизеле, она никогда даже не слышала о ней, и я подумал, что моя возлюбленная, возможно, умерла.

В ту ночь я познал, что такое отчаяние. Я плакал. Я вспоминал Хильду и гадал, что с ней случилось. Мне было очень страшно за нее. Я вспоминал ту ночь, когда поцеловал Гизелу под букром, и думал, что все мои мечты теперь пропали, разбились вдребезги, – поэтому я плакал.

У меня осталась жена в Уэссексе, о которой я ничего не знал и, по правде говоря, не хотел знать. Мой маленький сын умер. Исеулт, которую я когда-то очень любил, тоже умерла. Я потерял Хильду, да и Гизела теперь тоже была для меня потеряна. В ту страшную ночь я буквально почувствовал, как меня захлестывает жалость к себе. Я сидел в хижине, и слезы катились по моим щекам.

Увидев мое отчаяние, Финан тоже заплакал – я знал, что он вспоминает свой дом. Я пытался вновь разжечь в себе гнев, потому что только гнев мог помочь мне выжить, но он упорно не желал просыпаться. И поэтому, вместо того чтобы злиться, я плакал и никак не мог остановиться.

То была тьма отчаяния: я внезапно осознал, что моя судьба – налегать на весло до тех пор, пока я не сломаюсь и мой труп не вышвырнут за борт.

Я иступленно рыдал.

– Ты и я, мы будем вместе, – сказал вдруг Финан.

Было темно. Хотя дело и происходило летом, ночь выдалась холодная.

– Что? – переспросил я, закрыв глаза в попытке остановить слезы.

– Мы будем вместе. С мечами в руках, мой друг, – пояснил он. – Ты и я. Так обязательно будет.

Сообразив, что ирландец имел в виду: мы освободимся и отомстим, – я безнадежно сказал:

– Пустые мечты.

– Нет! – сердито отозвался Финан.

Он подсел поближе и взял мои ладони в свои.

– Не сдавайся! – прорычал он мне. – Не забывай, что мы воины, ты и я, мы с тобой воины! «Вернее, я когда-то был воином», – подумал я.

Было время, когда я и впрямь гордо носил сияющую кольчугу и шлем, но теперь я был всего лишь вшивым, грязным, слабым и слезливым рабом.

– Держи! – Финан вложил что-то в мою ладонь.

Это оказался гребень из оленьей кости, тогда мы везли эти гребни в качестве груза. Мой друг ухитрился украсть один и спрятать в своих лохмотьях.

– Никогда не сдавайся, – сказал Финан.

И я расчесал гребнем волосы, которые к тому времени уже отросли почти до пояса. Я расчесал их, распутав колтуны, вытащил из зубцов вошь, а на следующее утро Финан заплел в косы мои прямые волосы, а я сделал то же самое для него.

– Так заплетают волосы воины моего племени, – объяснил он, – а мы с тобой – воины. Мы не рабы, мы воины!

И хотя мы с ним по-прежнему были все такие же худые, грязные и оборванные, но отчаяние прошло, как морской шквал, уступив место гневу, который придал мне решимости.

* * *

На следующий день мы погрузили на корабль слитки меди, бронзы и железа. Мы вкачали на корму «Торговца» бочки с элем и наполнили оставшееся пространство грузовой клетки солониной, ковригами черствого хлеба и кадками соленой трески.

Сверри развеселился, увидев, что мы заплели в косы свои волосы.

– Небось вы двое решили, что найдете женщин, да? – насмеялся он над нами. – Или сами притворяетесь женщинами?

Не дождавшись ответа, Сверри молча ухмыльнулся. Он был в тот день в хорошем настроении и весь лучился от энтузиазма, что случалось нечасто. Он любил море, и по тому, как много провизии мы на этот раз загрузили, я догадывался, что наш хозяин собирается отправиться в долгое плавание. Так и оказалось.

Время от времени он бросал свои палочки с рунами, и палочки, должно быть, сулили ему процветание, потому что Сверри купил трех новых рабов. Все они были фризами. Сверри решил как следует подготовиться к предстоящему путешествию.

* * *

Однако началось то плавание не слишком удачно: едва мы покинули Хайтабу, за нами погнался другой корабль. Пиратский корабль, как угрюмо объявил Хакка, и мы устремились под парусом на север. Но преследователи медленно догоняли нас, потому что их судно было длиннее, стройнее и быстрее, и только опустившаяся темнота позволила нам спастись. Ох и беспокойная тогда выдалась ночь!

Мы сложили весла и опустили парус, чтобы «Торговец» ни единым звуком не выдал себя. В темноте я слышал плеск от весел наших преследователей. Сверри и его люди присели на корточки рядом с нами, с мечами в руках, готовые убить любого, кто пикнет.

Честно говоря, у меня возникло искушение подать голос, а Финан хотел стукнуть по борту, чтобы привлечь внимание пиратов, но Сверри немедленно убил бы нас, поэтому мы вели себя тихо, и незнакомый корабль прошел мимо в темноте. Когда же забрезжил рассвет, чужого судна уже не было видно.

Вообще-то, такое на море бывает редко. Как правило, волки не едят волков, а соколы не нападают на других соколов, поэтому северяне редко охотятся друг за другом. Хотя случается, что кое-кто, отчаявшись, и рискует нападать на своих соплеменников – датчан или норвежцев. Таких пиратов все презирают: обзывают отверженными, ничтожествами, но боятся. Обычно их суда выслеживают и либо убивают, либо продают в рабство всю команду. Но все равно некоторые рискуют стать отверженными, зная, что если сумеют захватить богатый корабль вроде «Торговца», то разом получают целое состояние, которое даст им положение в обществе, власть и всеобщее уважение.

Но в ту ночь мы спаслись, а на следующий день поплыли под парусом дальше на север. А потом – еще дальше на север и не ступали на землю много, много ночей подряд.

Потом, однажды утром, я увидел вдали черный берег с ужасными утесами. Море разбивалось об эти угрюмые скалы в белую пену, и я еще, помню, подумал, что тут-то и придет конец нашему пути. Однако мы вовсе не устремились к земле, а вместо этого поплыли дальше, направляясь теперь на запад, а потом недолго шли на юг, пока наконец не встали на якорь в бухте возле острова.

Сначала Финан решил было, что это Ирландия, но люди, которые приплыли к «Торговцу» в маленькой лодке из шкур, не говорили на его языке. У северного побережья Британии было полно островков, и я решил, что это один из них. Там жили дикари, и Сверри не сошел на берег, а обменял несколько мелких монет на яйца чаек, сушеную рыбу и козлятину.

На следующее утро мы стали грести при попутном ветре и гребли весь день. Я знал, что мы движемся к западным просторам какого-то дикого моря. Рагнар Старший предупредил меня об этих морях, говоря, что за ними лежит земля, но что большинство людей, которые искали ту далекую землю, никогда не возвращались. В тех западных землях, рассказывал он, обитают души мертвых моряков. Это серые и унылые, исхлестанные штормами места, вечно затянутые туманом, но именно туда мы сейчас и направлялись, и Сверри стоял у рулевого весла с таким довольным видом, что я невольно вспомнил, как и сам испытывал некогда точно такое же счастье. Я вспомнил, как это весело – вести по морской глади хороший корабль и чувствовать его пульс, положив руку на рулевое весло.

Путешествие продолжалось две недели. Мы следовали по пути китов, и эти морские чудовища время от времени показывались из воды, чтобы посмотреть на нас или выбросить фонтан воды. Воздух становился холоднее, небо было вечно затянуто облаками, и я знал, что команда Сверри беспокоится. Они думали, что мы заблудились. Я думал точно так же и подозревал, что жизнь моя закончится на краю моря, где огромный водоворот втягивает корабли в свои смертельные глубины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.